

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Междисциплинарная научно-образовательная школа
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Выпуск 6

Minor languages in general linguistics

Issue 6

Москва
PRESSFACTOR
2024

УДК 811
ББК 81.2/81.8
М20

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 6 / Ред. И. А. Хомченкова. М.: PRESSFACTOR, 2024. 152 с. ISBN 978-5-6052698-3-0

Minor languages in general linguistics. Issue 6 / I. Khomchenkova (ed.). Moscow: PRESSFACTOR, 2024. 152 p. ISBN 978-5-6052698-3-0

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук А. В. Сидельцев
доктор филологических наук О. В. Федорова

В сборник вошли статьи, написанные участниками пятой конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведенной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 12–13 апреля 2024 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-6052698-3-0

9 785605 269830 >

© Авторы, 2024

Оглавление

От редактора	4
М.-Э. А. Винклер. Семантические и конструкционные сдвиги лексем со значением ‘полный’ в татышлинском удмуртском	5
А. А. Данилова. Синтаксис деепричастных клауз татышлинского удмуртского в минималистском подходе	22
А. И. Добрынина. Грамматические аппликативы ашхарского диалекта абазинского языка на семантической карте	36
Е. В. Кашкин. <i>Оставь значение, всяк грамматикализующийся</i> (о семантическом развитии глагола <i>kel'tāpā</i> ‘оставить’ в татышлинском говоре удмуртского языка)	53
Т. А. Майсак. Согласование вспомогательного глагола по роду и структура континуативных конструкций в лезгинских языках	67
А. Д. Подгорная. Глагольные формы в условных конструкциях в татышлинском удмуртском	83
П. О. Россейкин. Синтаксис сочинения в терском диалекте кумыкского языка	96
М. И. Сатина. Диминутив как глагольная категория в северномансийском языке	113
Ю. В. Синицына, В. И. Овсянникова. Признаковые слова с семантикой размера в татышлинском говоре удмуртского языка	126
И. А. Хомченкова. Аддитивная частица =iʃ в джалганском татском	141

От редактора

В сборник вошли статьи участников шестой конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МЯБЛ-2024), организованной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 12–13 апреля 2023 года. Конференция вновь была проведена в смешанном формате и базировалась в Институте языкознания РАН.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют пять языковых семей: уральскую (удмуртский, северномансийский), тюркскую (кумыкский), нахско-дагестанскую (лезгинские языки), абхазо-адыгскую (абазинский) и индоевропейскую (митаги-джалганский). Больше всего статей — пять — посвящено удмуртскому языку.

Проблематика статей разнообразна: обсуждается лексическая семантика (М.-Э. А. Винклер, Е. В. Кашкин, Ю. В. Синицына и В. И. Овсянникова), грамматическая семантика (А. И. Добрынина, М. И. Сатина) и морфосинтаксис (А. А. Данилова, Т. А. Майсак, А. Д. Подгорная, П. О. Россыйкин, И. А. Хомченкова).

Сборник станет полезным ресурсом для лингвистов, антропологов и всех, кто интересуется малыми языками. Я выражаю благодарность всем авторам за их работу.

И. А. Хомченкова

Семантические и конструкционные сдвиги лексем со значением ‘полный’ в татышлинском удмуртском*

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова

В работе на материале татышлинского говора удмуртского языка обсуждаются лексемы семантического поля ПОЛНЫЙ. Мы рассмотрим буквальные контексты в соответствии с выделяемыми в типологии фреймами. Далее мы покажем, что на выбор лексемы может влиять не только сочетаемость, но и синтаксическая конфигурация. Также мы рассмотрим семантические и конструкционные расширения этих единиц, как известные типологии, так и не описанный ранее переход.

Semantic and constructional shifts of lexemes meaning ‘full’ in Tatyshly Udmurt

Maria Emilia A. Winkler

Institute of Linguistics, RAS; Lomonosov MSU

The paper examines the semantic domain of FULL in Tatyshly Udmurt. I employ the frame-based approach to lexical typology and examine the frames highlighted in typological studies. I also show that the acceptability of these lexemes can be influenced not only by lexical properties, but also by the syntactic structure. The paper also deals with semantic and constructional extensions of the items under study, both those attested in typology and an undescribed semantic extension.

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1 Введение

Исследование проведено на материале татышлинского говора удмуртского языка, относящегося к периферийно-южному диалекту южного наречия (Кельмаков 1998: 42–43). Материал собран в экспедициях 2023–2024 гг. с помощью опроса носителей в Татышлинском районе Республики Башкортостан (большая часть данных записана в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы). Работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, основанный на анализе сочетаемости лексем (Rakhilina, Reznikova 2016).

Семантическое поле **ПОЛНЫЙ** изучено не исчерпывающе. Наиболее подробное исследование (охватывающее также антонимичное поле **ПУСТОЙ**) представлено в (Panina, Tagabileva 2022). Оно охватывает восемь языков: русский, сербский, английский, испанский, хантыйский, корейский, японский, китайский и выделяет следующие фреймы внутри семантического поля **ПОЛНЫЙ**:

- функционально полный;
- технически полный;
- полный по форме, цельный;
- занятый;
- полный набор;
- количественный фрейм.

Фреймы **‘функционально полный’** и **‘технически полный’** противопоставлены по степени наполненности контейнера. В первом случае выражается оптимальная наполненность (достаточная для функционального использования контейнера и его содержимого): ср. рус. *я отнес домой полное ведро воды*, во втором — достижение предела наполняемости контейнера, ср. рус. *переполненное ведро*. Фрейм **‘полный по форме, цельный’** противопоставлен предыдущим двум по топологическому типу описываемого объекта. Этот фрейм связан с объектами, не являющимися контейнерами и не предназначенными для хранения чего-либо внутри них. Такие объекты характеризуются по форме: ср. рус. *полная луна, цельный / ядрёный орех*.

Фрейм **‘полный набор’** описывает множества, которые состоят из отдельных объектов, однако воспринимаются как единое целое. Как отмечают авторы (Panina, Tagabileva 2022: 102), возможность употребления изучаемых лексем в этих контекстах обусловлена метафорой: целое (т. е. весь набор) является контейне-

ром для составных частей. Примерами таких контекстов являются рус. *полное имя, полная коллекция*. В ряде языков они кодируются теми же лексемами, что и заполненные контейнеры (ср. рус. *полное ведро*).

Фрейм 'занятый' является точкой пересечения двух семантических полей: ПОЛНЫЙ и поля обладания (POSSESSION). В этих контекстах выражаются такие значения, как 'несвободный для использования / размещения, заполненный', 'используемый кем-либо' в отношении объектов, представленных как контейнеры или локации. В некоторых языках (ср. сербский, (1)) значение 'занятый' передается с помощью лексемы из поля ПОЛНЫЙ, в то время как в ряде других языков такие контексты относятся к смежному семантическому полю (ср. рус. *занятый*, англ. *occupied*).

(1) сербский

<i>Jedan</i>	<i>krevet</i>	<i>je</i>	<i>prazan,</i>
один.NOM.M.SG	кровать.NOM.SG	быть.PRS.3SG	пустой.NOM.M.SG
<i>ostali</i>	<i>su</i>	<i>puni.</i>	
оставшийся.NOM.M.PL	быть.PRS.3PL	полный.NOM.M.PL	

‘Одна кровать свободна (букв. пустая), остальные заняты (букв. полные).’ (Panina, Tagabileva 2022: 101)

В фрейме, обозначенном как «**количественный**», прилагательное синтаксически модифицирует название контейнера, тогда как семантически — название субстанции за счет метонимического перехода, ср. рус. *он выпил полный стакан воды*. Названия контейнеров часто используются в псевдопартитивных конструкциях, обозначая не контейнер как таковой, а количество вещества, которое в него помещается. Модифицируя название контейнера, прилагательные поля ПОЛНЫЙ также могут указывать на количество содержащегося в контейнере вещества, а не характеризовать сам контейнер.

Помимо рассмотренных выше значений, в (Panina, Tagabileva 2022) описаны семантические переходы, в результате которых лексемы поля ПОЛНЫЙ приобретают значения, далекие от исходного физического смысла (см. многочисленные метафоры, где объект представляется как контейнер: ср. рус. *голова полна идей; каждый день полон приключений*). Далее мы сфокусируемся лишь на тех расширениях, где происходит семантическое выветривание и лексемы приобретают грамматическую функцию.

Во-первых, это обозначение **большого количества** с помощью лексем с исходным значением ‘полный’ (не обозначающей в этом случае предельное состояние контейнера). Такие контексты могут касаться как физических объектов, ср. пример (2), предполагающий, что количество снега в ботинке превышает некий стандарт (ср. примеры типа *полный стакан воды*, описывающие именно наполнение контейнера), и (3), где лексема со значением ‘полный’ становится модификатором с семантикой ‘много’, не связанным с каким-либо контейнером.

- (2) *Скользит и дважды оступается, набрав **полный** ботинок снега.*
(Panina, Tagabileva 2022: 104)

- (3) сербский

*Skeptika je **ripno**.*

скептик.GEN.PL быть.PRS.3SG полный.NOM.N.SG

‘Скептиков много / полно.’

(Panina, Tagabileva 2022: 104)

Во-вторых, это способность изучаемых лексем развивать функцию **интенсификаторов** (Panina, Tagabileva 2022: 106–107). В этом случае в результате выветривания значения от исходной семантики остается лишь идея достижения максимума (ср. рус. *ехать на полной скорости*).

Далее на материале татышлинского говора удмуртского языка мы рассмотрим как упомянутые семантические переходы, так и не отмечавшуюся ранее в известных нам исследованиях аппроксимативную функцию, развивающуюся на базе лексем со значением ‘полный’.

2 Инвентарь лексем

Инвентарь лексем со значением ‘полный’ в татышлинском удмуртском выглядит следующим образом:

- *târ*;
- *târ-o* ‘полный-ATTR’;
- *tros*;
- *bâdes*;
- *polnâj*.

В современном удмуртском лексемы *tros* и *bâdes* функционируют как кванторные слова (например, в удмуртско-русском словаре¹) для *tros* значение ‘много’ указано как основное), однако, как мы покажем далее, они выражают и физическое значение — наполненность контейнера субстанцией, см. раздел 3.

В (Wichmann et al. 1987: 263, 265–266) словарная статья о лексеме *tros* отсылает к *târ*. Кроме того, для *tros* указан диалектный вариант *târos* (используемый и некоторыми носителями татыштинского говора). Это является аргументом в пользу диахронической связи между *târ* и *tros*. В (Лыткин, Гуляев 1970: 43) приводится коми-зырянский когнат лексемы *bâdes* — *быд* ‘каждый, всякий, любой’. Рассматривается гипотеза, что их общий источник, общепермская лексема *bûd*, является заимствованием из чув. *петем* ‘целый, цельный, сплошной; весь, всё’. Если это справедливо, то не вполне ясно, первично ли кванторное значение *bâdes* или значение цельной формы. Вместе с тем авторы подчеркивают спорный статус своего предположения.

3 Буквальные контексты

В данном разделе мы рассмотрим свойства различных фреймов (см. раздел 1) и то, каким образом противопоставлены перечисленные выше лексемы.

Фреймы ‘**технически полный**’ (4a) и ‘**функционально полный**’ (4b) в татыштинском удмуртском колексифицированы. Перечисленные в (4) лексемы не различаются по степени приемлемости. Наиболее приемлема лексема *polnâj*, однако часть носителей допускает и использование *târ*. Остальные лексемы неприемлемы или малопримемлемы в приведенном контексте.

- (4) а. *tan'ï polnâj* / *ʔtâr* / *ʔʔtâr-o* / *ʔʔbâdes* / **tros*
 вот полный полный полный-АТТР весь много
č'ukâr, č'aj-ez *vija-Ø* *in'ï*.
 чашка чай-POSS.3SG течь-PRS.3SG уже
 ‘Вот полная чашка, чай уже вот-вот прольется.’

¹ Удмуртско-русский словарь (УРС). Электронный ресурс: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary>. Дата обращения: 02.04.2024.

- b. *tan'i polnâj / ?târ / ??târ-o / ??bâdes /*
 вот полный полный полный-ATTR весь
**tros č'ukâr, č'aj-ze taz'â = no ž'ûä-nâ*
 много чашка чай-ACC.POSS.3SG так = ADD пить-INF
lû-e, kez'ât vû-en = no sura-nâ
 становиться-PRS.3SG холодный вода-INS = ADD мешать-INF
lû-e.
 становиться-PRS.3SG
 'Вот полная чашка, чай и так пить можно, и холодной
 водой разбавить можно.'

При этом лексема *târ-o* возможна в обоих рассмотренных (4) фреймах, однако ее дистрибуция имеет конструкционные ограничения: она грамматична только в том случае, если в конструкции присутствует название субстанции, маркированное показателем инструменталиса (5). Подробнее такие конструкции рассматриваются в разделе 4.

- (5) *č'aj-en târ-o stakan*
 чай-INS полный-ATTR стакан
 'полный стакан чая'

В фрейме 'полный набор' возможны только лексемы *polnâj* и *bâdes*:

- (6) *vera-Ø as-les't-âd polnâj / bâdes / *târ /*
 говорить-IMP REFL-GEN2-POSS.2SG полный весь полный
**târ-o / *tros n'im-de.*
 полный-ATTR много имя-ACC.POSS.2SG
 'Скажи свое полное имя.'
- (7) *ruslan l'uka-Ø-z polnâj / bâdes / *târ /*
 Руслан собирать-PST-3SG полный весь полный
**târ-o / *tros kol'l'ekci-jez.*
 полный-ATTR много коллекция-ACC
 'Руслан собрал полную коллекцию.'

Следующий фрейм — 'полный по форме; цельный'. Основной лексемой для данного фрейма является *târ* (8a), (9). В этом случае она находится в препозиции к вершинному имени (ср. невозможность (8b)), что, как мы покажем далее, характерно не

для всех контекстов. Некоторые носители в этих контекстах также допускают употребление лексемы *bâdes*, тогда как лексема *polnâj* неграмматична.

- (8) а. *kûno-jez târ* / *ʔbâdes* / **polnâj n'ân'-en*
 гость-ACC полный весь полный хлеб-INS
pumita-lo.
 встречать-PRS.3PL

- б. **kûno-jez n'ân'-en târ pumita-lo.*
 гость-ACC хлеб-INS полный встречать-PRS.3PL
 ‘Гостей встречают целым караваем.’

- (9) *inbam-ân târ* / *ʔbâdes* / **polnâj tolezʔ.*
 небо-LOC полный весь полный луна
 ‘На небе полная луна.’

На наш взгляд, контекст в (10) также можно отнести к фрейму ‘полный по форме; цельный’. Тем не менее носители используют в этом контексте лексему *bâdes*, но не *târ*. Можно предположить, что в (10) объект (‘чашка’) воспринимается как набор элементов, и целостность объекта представляет собой присутствие всех частей в его составе. В (Panina, Tagabileva 2022: 105) этот фрейм обозначен как принадлежащий к семантическому полю ЦЕЛОСТНОСТЬ (INTACTNESS), также в (Panina, Tagabileva 2022: 102) отмечается его связь с фреймом ‘полный набор’.

- (10) *ta-iz ċ'ukâr bâdes* / *#târ, ta-iz*
 этот-POSS.3SG чашка весь полный этот-POSS.3SG
pil'-is'k-em.
 колоть-DETR-PTCP.PST
 ‘Эта чашка целая / #полная, эта — битая.’

Фрейм ‘занятый’, согласно суждениям носителей, не может маркироваться теми же средствами, что и фреймы, где речь идет о физической наполненности контейнера, ср. пример естественной в этом случае конструкции в (11a). В атрибутивной конструкции (11b) используется заимствование из русского или конструкция с отрицанием. Некоторые носители допускают использование лексемы *târo*, если объект является контейнером для неодушевленного участника, что можно считать скорее примером фи-

зической наполненности контейнера, которым в этом случае является стул.

- (11) а. *ta-iz* *puk-on-ən* *puk-o*.
 этот-POSS.3SG сидеть-VN-LOC сидеть-PRS.3PL
 ‘Этот стул занят (букв. на этом стуле сидят).’
- б. *ta-iz* *puk-on* *zan’atoj* / *buš* *jevəl*
 этот-POSS.3SG сидеть-VN занятый пустой NEG
 # *tār-o*, *so-iz* *buš*.
 полный-ATTR тот-POSS.3SG пустой
 ‘Этот стул занят (кем-то), а тот пустой.’
 # ‘Этот стул занят вещами, а тот пустой.’

Последний выделяемый внутри семантического поля **ПОЛНЫЙ** фрейм — **количественный**. Он тесно связан с псевдопартитивными конструкциями. В связи с этим типы таких конструкций и возможность модификации их элементов лексемами из поля **ПОЛНЫЙ** будут рассмотрены отдельно в разделе 4.

В (Panina, Tagabileva 2022: 98) этот фрейм рассматривается как результат метонимического перехода от названия контейнера к его содержимому. Отмечается, что такой переход может сопровождаться изменением синтаксической позиции прилагательного. Это справедливо и для удмуртского. Однако, как мы покажем далее, в изучаемом говоре этот фрейм противопоставлен физическому значению наполненности контейнера не только конструкционно, но и набором доступных лексем.

В количественном фрейме возможны препозитивные лексемы *bâdes* и *polnâj*, лексема *târ* невозможна при любом порядке слов (12). Лексема *târ* возможна только в постпозиции к названию контейнера (ср. (12a) и (12b)²), как и *tros*³ (12b).

- (12) а. *nâlpî-lâ* *bâdes* / *polnâj* / **târ* / **târ-o*
 ребенок-DAT весь полный полный полный-ATTR
 / # *tros* *korobka* *šâd-on’-n’os* *s’ot-i-zâ*.
 много коробка играть-VN-PL давать-PST-3PL

²В (12b) в конструкции с постпозитивным *târ* допускается также аппроксимативная интерпретация (‘примерно коробку игрушек’). Этот семантический переход мы рассмотрим в разделе 5.

³В (12a) в препозиции к названию контейнера *tros* интерпретируется лишь как квантификатор со значением ‘много’. Эта функция будет рассмотрена далее в разделе 5.

b. *nâlpî-lâ korobka târ / tros / *târ-o /*
 ребенок-ДАТ коробка полный много полный-АТТР
**bâdes šâd-on'-n'os s'ot-i-zâ.*
 весь играть-VN-PL давать-PST-3PL

‘Ребенку подарили полную коробку игрушек.’

В этом фрейме содержимое контейнера должно быть эксплицитно выражено, что противопоставляет его близким фреймам ‘функционально полный’ и ‘технически полный’ не только семантически, но и конструкционно. Если содержимое контейнера не названо, то возможно использование *târ* в препозиции к названию контейнера (13).

- (13) *žök vâl-ân târ stakan sâl-e.*
 стол верх-ЛОС полный стакан стоять-PRS.3SG
 ‘На столе стоит полный стакан.’

Подведем итоги данного раздела. Лексема *polnâj* охватывает фреймы ‘функционально полный’ (FUNCTIONALLY FULL), ‘технически полный’ (TECHNICALLY FULL), «количественный» фрейм (QUANTITATIVE) и ‘полный набор’ (SET). Лексема *târ* описывает следующие фреймы: ‘функционально полный’ и ‘технически полный’ (для части носителей), ‘полный по форме; цельный’ (SOLID), а также «количественный» фрейм. Лексема *tros* возможна лишь в «количественном» фрейме. Лексема *bâdes* охватывает фреймы ‘полный набор’ (SET), цельные (по форме) объекты (SOLID) и квантитативный фрейм (QUANTITATIVE).

Лексема *târo* маркирует физическую наполненность контейнера (что соответствует фреймам ‘функционально полный’ и ‘технически полный’), однако дистрибуция данной лексемы также регулируется синтаксическими ограничениями (см. раздел 4).

Фрейм ‘занятый’ (OCCUPIED) в татышлинском удмуртском не выражается средствами семантического поля ПОЛНЫЙ.

На рисунке 1 показано, как рассмотренные нами лексемы соотносятся с выделяемыми в типологии фреймами. (Мы считаем, что лексема охватывает фрейм в том случае, если в контекстах, относящихся к данному фрейму, она была разрешена как минимум половиной опрошенных носителей.) Интересно, что дистрибуция лексемы *bâdes* противоречит предложенному в (Panina, Tagabileva 2022: 111) представлению о семантической карте по-

ля. Данная лексема охватывает фреймы, которые находятся в узлах, не сообщающихся напрямую.

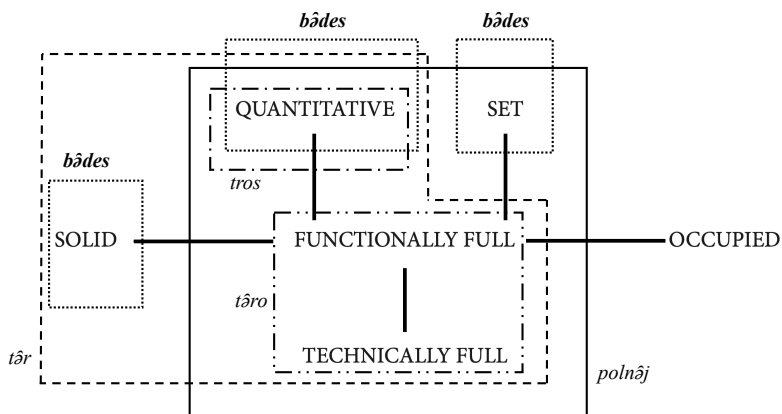

Рис. 1: Лексемы семантического поля ПОЛНЫЙ в татышлинском удмуртском на семантической карте из (Panina, Tagabileva 2022)

4 Псевдопартиитивные конструкции

Партиитивные и псевдопартиитивные конструкции (ППК) включают два имени, одно из которых является квантификатором или измерителем количества некоторой сущности, тогда как второе обозначает квантифицируемую субстанцию или множество (Кортъевская-Тамм 2001). В партиитивных конструкциях субстанция или множество объектов является референтным (ср. рус. *стакан этого компота*), в псевдопартиитивных конструкциях квантифицируется тип объектов (ср. рус. *стакан компота*). В (Бызова 2023) описаны четыре синтаксических стратегии кодирования псевдопартиитивных отношений. Они различаются порядком слов и наличием / отсутствием маркирования инструментальным показателем. На допустимость стратегий влияет, в частности, семантика элементов ППК и тип отношений между ними.

Подробное описание дистрибуции изучаемых лексем во всех типах удмуртских ППК может стать предметом отдельного исследования. Мы уделим внимание стратегии, при которой на-

звание субстанции или множества находится в препозиции к названию контейнера и маркируется инструменталисом, тогда как название контейнера не имеет специализированного для такой конструкции маркирования.

В (13) было показано, что лексема *târ* может предшествовать названию контейнера. При добавлении названия субстанции эта стратегия становится неграмматичной для большинства носителей (14a). В качестве функционального аналога используется другой тип ППК — с инструментальным маркированием названия субстанции (14b).

- (14) a. *ʔʔžók vâl-ân târ stakan ž'ól sâl-e.*
 стол верх-LOC полный стакан молоко стоять-PRS.3SG
 b. *žók vâl-ân ž'ól-en târ stakan sâl-e.*
 стол верх-LOC молоко-INS полный стакан стоять-PRS.3SG
 ‘На столе стоит полный стакан молока.’

Лексема *târo* неграмматична в большинстве контекстов, приведенных в разделе 3. Однако при использовании стратегии с маркированием названия субстанции показателем инструменталиса приемлемость этой лексемы повышается:

- (15) *tatân alma-jen târ-o mešok sâl-e.*
 там.LOC картошка-INS полный-ATTR мешок стоять-PRS.3SG
 ‘Там стоит полный мешок картошки.’

Лексемы *bâdes* и *polnâj*, которые в примерах типа (12a) занимают позицию перед названием контейнера и, следовательно, перед всей конструкцией, в рассматриваемом типе ППК также находятся в препозиции к названию контейнера, но не ко всей конструкции (16).

- (16) a. *nâłpi-lâ šâd-on-en polnâj / ʔbâdes korobka*
 ребенок-DAT играть-VN-INS полный весь коробка
s'ot-i-zâ.
 давать-PST-3PL
 b. **nâłpi-lâ bâdes / polnâj šâd-on-en korobka*
 ребенок-DAT весь полный играть-VN-INS коробка
s'ot-i-zâ.
 давать-PST-3PL
 ‘Ребенку подарили полную коробку игрушек.’

5 Семантические и конструкционные расширения

Мы зафиксировали ряд контекстов, где значение лексем из семантического поля ПОЛНЫЙ расширяется в сторону приобретения грамматических функций. Функция *tros* в качестве квантификатора со значением ‘много’ (17)–(18) зафиксирована в словарях для современного удмуртского как базовая, см. УРС. В этом значении *tros* может квантифицировать как однородные субстанции (17), так и множества (18), о важности этого противопоставления в типологии числового маркирования и квантификаторов см. (Corbett 2000: 78–82). Развитие такой функции на базе лексем со значением ‘полный’ соответствует типологическим ожиданиям (ср. описание механизма в разделе 1).

- (17) *so tros ž'öl ž'û-i-z.*

он много молоко пить-PST-3SG

‘Он выпил много молока.’

- (18) *nâlpî-os-len tuž tros t'etrad'-jos-sâ.*

ребенок-PL-GEN очень много тетрадь-PL-POSS.3PL

‘У детей очень много тетрадей.’

Лексема *bâdes* выполняет функцию универсального квантификатора в сочетании с именными группами в единственном числе (19), но не может квантифицировать множества (20), см. о системе УКС (Хомченкова 2022). Контексты типа (19) имеют общие семантические признаки с фреймом ‘полный набор’: как и в буквальных контекстах, модифицируемый объект состоит из отдельных элементов, которые, будучи вместе, воспринимаются как единое целое.

- (19) *bâdes klas gorod-e mân-i-z.*

весь класс город-ILL идти-PST-3SG

‘Весь класс поехал в город.’

- (20) **bâdes nâlpî-os gorod-e mân-i-zâ.*

весь ребенок-PL город-ILL идти-PST-3PL

Ожид. знач.: ‘Весь класс поехал в город.’

Лексемы *bâdes* и *tros* функционируют и как **интенсификаторы**. Рассмотрим сначала конструкции с *tros*. Эта лексема маркирует количество, превышающее некий нейтральный стандарт, см. (21). Интенсификация возникает в результате частичного семантического выветривания и является промежуточным этапом при переходе от квантификационного фрейма (ср. рус. *он выпил полный стакан воды*) к квантификатору (ср. рус. *там полно людей*), что засвидетельствовано в типологии (Panina, Tagabileva 2022: 104).

(21) а. *gurt tros pünä.*
деревня много собака
'В деревне сплошные собаки.'

б. *klas tros pi-os.*
класс много мальчик-PL
'В классе сплошные мальчики.'

Употребление *tros* в качестве интенсификатора также упоминается в словарях, ср. значение 'полно' в УРС, однако синтаксическая дистрибуция не описана. По нашим данным, конструкция с *tros* в качестве интенсификатора состоит из двух именных групп в номинативе. Существительное, занимающее слот контейнера, не может модифицироваться указательными местоимениями (22b), (23b); такая модификация требует изменения конструкции (22a), (23a). Кроме того, такое высказывание не может быть сентенциальным актантом (24).

(22) а. *(ta) gurt-ân tros pünä.*
этот деревня-LOC много собака

б. **ta gurt tros pünä.*
этот деревня много собака
'В (этой) деревне сплошные собаки.'

(23) а. *(ta) klas-ân tros pi-os.*
этот класс-LOC много мальчик-PL

б. **ta klas tros pi-os.*
этот класс много мальчик-PL
'В этом классе сплошные мальчики.'

- (24) **mânâm [klas tros pi-os] kel'š-e.*

я.ДАТ класс много мальчик-PL нравиться-PRS.3SG

Ожид. знач.: 'Мне нравится класс, в котором много мальчиков.'

Лексема *bâdes* выражает другой тип интенсификации. В (25) неизвестен точный объем множества, однако он превышает ожидания говорящего.

- (25) *mon kur-i-Ø odig kn'iga gine,*

я просить-PST-1SG один книга только

noš ruslan bâdes kerttet vaj-em.

а Руслан весь вязанка приносить-PST2

'Я попросила только одну книгу, а Руслан принес целую стопку.'

Лексема *târ*, находясь в постпозиции к существительному с семантикой контейнера, может маркировать неточное количественное значение. Такой семантический переход не задокументирован в известной нам литературе и не отмечается в (Papina, Tagabileva 2022), ср. также каталог источников аппроксимативных маркеров в языках мира (Plank 2004). С одной стороны, это расширение на базе квантитативного контекста: и в буквальном контексте, и в примерах типа (26) модификатор ориентирован не на контейнер, а на количество субстанции, которое он вмещает. С другой стороны, мотивацией для такого перехода могла бы быть семантика необязательности достижения предела, характеризующая другой фрейм — 'функционально полный'.

- (26) *žok vâl-ân stakan târ ž'öl sâl-e.*

стол верх-LOC стакан полный молоко стоять-PRS.3SG

'На столе стоит примерно стакан молока (количество молока, примерно равное стакану, находится в другой посуде).'

В функции маркера приблизительности *târ* сочетается с окказиональными (26) и конвенциональными единицами измерения (27) и с некоторыми квантификаторами, которые можно отнести к числительным на основании их семантики (28).

- (27) *so kâk kilo târ kânfet bas't-i-z.*

он два килограмм полный конфеты взять-PST-3SG

'Он купил примерно два килограмма конфет.'

- (28) *so mil'lon tār uks'o uža-Ø-z.*
 он миллион полный деньги работать-PST-3SG
 'Он заработал примерно миллион (денег).'

6 Заключение

Мы рассмотрели противопоставления внутри семантического поля ПОЛНЫЙ и проанализировали возможность употребления удмуртских лексем в контекстах, выделяемых в типологических исследованиях этого поля.

Во-первых, фрейм 'занятый' в татышлинском удмуртском не может описываться с помощью лексем, принадлежащих к изучаемому полю. Во-вторых, наибольшее количество лексем возможно в контекстах, относящихся к количественному фрейму ('полный' синтаксически модифицирует название контейнера, но семантически относится к его содержимому). В-третьих, лексема *bâdes* возможна в количественных контекстах, а также в относящихся к фреймам 'полный набор' и 'полный по форме, цельный'. Все эти контексты на существующей семантической карте сообщаются между собой только через фрейм 'функционально полный', который недоступен для лексемы *bâdes*. Таким образом, данные татышлинского удмуртского вносят изменения в существующие представления об устройстве поля ПОЛНЫЙ.

Употребление изучаемых лексем в татышлинском удмуртском обусловлено не только семантической сочетаемостью, но и синтаксическими свойствами конструкции. В частности, в рамках количественного фрейма лексемы *tār* и *tāro* более приемлемы при конструкции, где название субстанции / множества маркируется инструменталисом и находится в препозиции к названию контейнера.

Наконец, были показаны конструкционные и семантические расширения лексем *tār*, *bâdes* и *tros*. Выявлен семантический переход, ранее не отмечавшийся в известных нам типологических работах: развитие маркера приблизительности на базе количественного фрейма. Помимо этого, в татышлинском говоре обнаруживаются типологически ожидаемые переходы, как интенсификация и квантификация на базе количественного фрейма и (независимо от этого) на базе фрейма 'полный набор'.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATTR — атрибутивизатор; DAT — датив; DETR — детранзитивизатор; EL — элатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Бызова А. А. (2023). *Партитивные конструкции в татыштинском говоре*. Экспедиционный отчет.
- Кельмаков В. К. (1998). *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты*. Ижевск: Удмуртский университет.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. (1970). *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.: Наука.
- Хомченкова И. А. (2022). *Универсальные кванторные слова в татыштинском удмуртском*. Доклад на третьей конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022 г.)
- Corbett G. G. (2000). *Number*. Cambridge: CUP.
- Koptjevskaja-Tamm M. (2001). “‘A piece of the cake’ and ‘a cup of tea’: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages”. *The Circum-Baltic languages: typology and contact*. V. 2. Ed. by Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 523–568.
- Panina A., Tagabileva M. (2022). “Quality as a two-place predicate: The typology of ‘full’ and ‘empty’”. *The typology of physical qualities*. Ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 79–116.
- Plank F. (2004). *How to disclaim precision about numbers*. Handout at Leipzig Numerals Workshop (29–30 March 2004).

- Rakhilina E. V., Reznikova T. I. (2016). “A Frame-based methodology for lexical typology”. *The lexical typology of semantic shifts*. Ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. Berlin: De Gruyter Mouton. 95–129.
- Wichmann Y., Uotila T. E., Korhonen M., eds. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Синтаксис деепричастных клауз татышлинского удмуртского в минималистском подходе

Анна Алексеевна Данилова

Институт языкознания РАН;
Кембриджский университет

В статье рассматривается внутренний синтаксис четырех деепричастий татышлинского говора удмуртского языка: на *-sa*, *-tek*, *-kâ* и *-č'č'ož*. Последовательно проводятся тесты на наличие вершин ν , T, C в обстоятельственных клаузах. Мы выяснили, что деепричастия на *-kâ* и *-č'č'ož* всегда проецируют клаузу не больше $T_{[-fin]}P$, а клаузы с деепричастием на *-sa* и *-tek* проецируют $T_{[-fin]}$ или C в зависимости от своей одно- или разносубъектности соответственно.

Syntax of Tatyshly Udmurt adverbial clauses in the minimalist approach

Anna A. Danilova

Institute of Linguistics, RAS; University of Cambridge

This article examines the internal syntax of four converbs from the Tatyshly subdialect of the Udmurt language: *-sa*, *-tek*, *-kâ*, and *-č'č'ož*. We systematically test for the presence of ν , T and C projections in adverbial clauses. It has been found that converbs in *-kâ* and *-č'č'ož* always project a clause no larger than $T_{[-fin]}P$, while clauses in *-sa* and *-tek* project either $T_{[-fin]}$ or C, depending on whether they are same-subject or different-subject, respectively.

1 Введение

В этом исследовании рассматриваются четыре деепричастия татышлинского говора удмуртского языка.

Деепричастия (или, в типологически ориентированной терминологии, конвербы) характеризуются двумя ключевыми признаками: нефинитностью, то есть неспособностью выступать в роли вершины простого независимого предложения, и обстоятельственностью — деепричастие модифицирует глагольную группу или главную клаузу, не являясь ее аргументом (Haspelmath 1995: 3–8; Nedjalkov 1998: 421–422).

Важным типологическим параметром является наличие у деепричастного оборота собственного подлежащего, отличного от подлежащего главного предложения. Деепричастия делятся на односубъектные, разносубъектные или переменнo-субъектные (Nedjalkov 1995: 110). Подлежащее может быть фонологически выраженным или опущенным, причем часто в нефинитной клаузе с совпадающим подлежащим оно не выражено, тогда как выражение самостоятельного подлежащего обязательно (Haspelmath 1995: 9–10).

Деепричастия также делятся на таксисные, нетаксисные и смешанные (Nedjalkov 1995: 106–108; Nedjalkov 1998: 423–424). Таксисные деепричастия обозначают временные отношения между двумя событиями, а нетаксисные значения включают цель, причину, условие и другие типы логических отношений. Смешанные деепричастия могут выражать как таксисные, так и нетаксисные значения в зависимости от контекста.

Как правило, деепричастные обороты находятся в подчиненном отношении к главной клаузе (Haspelmath 1995: 8, 12–17). Однако в некоторых языках они могут демонстрировать ряд признаков сочиненных конструкций (Гращенков 2015: 40–55).

При моделировании синтаксической структуры обстоятельственных клауз мы опираемся на минималистскую программу (Chomsky 2000). В ее рамках синтаксическая структура глагольной области делится на три основные составляющие: *v*, *T* и *C*. Самый «нижний» элемент синтаксического дерева *v* — легкий глагол, завершающий введение основных аргументов глагола. Вершина *T* отвечает за время и структуру события. Вершина *C* отвечает за модальность и тип высказывания. При этом *T* может быть финитным и нефинитным (дефектным). Последнее неспо-

собно быть вершиной простого независимого предложения. Изначально утверждалось, что только финитное Т может приписывать номинатив подлежащему (Chomsky 2000: 105), однако в ряде языков мира засвидетельствованы нефинитные клаузы, приписывающие тот же падеж подлежащему, что и финитные (Baker 2015: 44–45). Мы будем обозначать такую нефинитную (дефектную) вершину Т, способную приписывать номинатив подлежащему, как $T_{[-fin]}$.

Хотя крупные типологические исследования лишь вскользь затрагивают синтаксическую структуру деепричастных оборотов, в некоторых работах представлен детальный анализ конкретных языков, см. (Georgieva 2018: 110–136) о литературном удмуртском и ряде диалектов, (Privoznov 2021: 48–94) о балкарском. Эти работы показали, что размер внутренней структуры нефинитных обстоятельственных может меняться от VP до CP.

Определение размера внутренней структуры состоит в проведении ряда тестов, нацеленных на выявление той или иной вершины в клаузе. Так, вершина v приписывает аккузатив, поэтому, если мы наблюдаем аккузативное маркирование прямого дополнения (в отличие от, например, генитива на зависимом в ИГ), это служит свидетельством в пользу наличия v . Вершина Т ассоциирована с лично-числовым согласованием между предикатом и ИГ в позиции $s_{\text{рес}}, TP$, а также с номинативом: наличие данных явлений говорит о наличии Т (Chomsky 2000: 123). Кроме того, независимая временная референция — способность отсылать к некоторому событию в прошлом, настоящем или будущем безотносительно другой клаузы — указывает на наличие $T_{[fin]}$. На наличие вершины С указывают ориентированные на дискурс единицы (например, *честно говоря*) и элементы, задающие семантическую связь между двумя клаузами (многие комплементаризеры финитных и нефинитных обстоятельственных клауз, например, *когда*, *because* ‘потому что’, *while* ‘в то время как’).

Материал был собран методом анкетирования носителей в Татышлинском районе Башкортостана (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиеврово) в 2021–2024 гг. Также использовался экспедиционный корпус текстов¹ объемом 48,6 тыс. словоупотреблений.

¹ Корпус доступен по ссылке: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

2 Полифункциональное деепричастие на -sa

Рассмотрим деепричастие на -sa. Наличие в нефинитной клаузе прямого дополнения говорит за наличие вершины *v*, так как она приписывает аккумулятив.

- (1) *maša kn'iga-jez lă'ž'ă-sa rad'io kâld-is'k-i-z.*
 Маша книга-ACC читать-CVB радио слушать-DETR-PST-3SG
 'Маша слушала радио, читая книгу.'

Далее рассмотрим два аргумента, которые могут указывать на наличие вершины Т: падежное оформление подлежащего и временную референцию.

Оформить подлежащее зависимой клаузы другими падежами, кроме номинатива, невозможно:

- (2) *pet'a / *pet'a-len dor-a-z*
 Петя Петя-GEN родной_дом-LOC/ILL-POSS.3SG
bertâ-sa s'i-s'k-i-z.
 прийти_домой-CVB есть-DETR-PST-3SG
 'Петя, придя домой, поел.'

Однако, в удмуртском языке показатель единственного числа номинатива нулевой. Необходимо убедиться, что ИГ в позиции подлежащего действительно оформлена номинативом, а не является малой беспадежной ИГ (англ. *small nominal*) — группой меньшего, чем DP, размера, не допускающей падежа и другой именной морфологии (Pereltsvaig 2006). Рассматриваемые нами ИГ не являются беспадежными, на что, согласно подходу А. Перельцвайг, указывает возможность оформления их аффиксом множественного числа:

- (3) *ta atas-jos č'ortâ-sa, nâl sult-i-z.*
 этот петух-PL кукарекать-CVB девушка вставить-PST-3SG
 'Когда эти петухи закукарекали, девушка встала.'

Однако падежное маркирование подлежащего номинативом можно использовать в качестве аргумента только в случае, если номинатив является структурным падежом (т. е. приписываемым [финитной] вершиной Т). Если же номинатив в удмуртском приписывается по умолчанию, то можно не считать примеры (2)–

(3) доказательством наличия ТР. Нам не известно работ, которые определяли бы статус удмуртского номинатива как структурного или дефолтного.

Рассмотрим следующий аргумент — временную референцию. Клаузы с деепричастием на *-sa* вводят зависимое время — когда оба события произошли, например, в прошлом (4), но не может вводить независимое время — так, несовпадение по времени событий двух клауз не допускается (5). Так как деепричастие на *-sa* не может вводить независимую временную референцию, данная клауза не проецирует (финитное) Т.

- (4) *mon tolon kureg-ez vandâ-sa tûnne so-les' šâd*
я вчера курица-ACC заколоть-CVB сегодня тот-GEN2 суп
pôz'-t-i-Ø.

вариться-CAUS-PST-1SG

‘Заколов курицу вчера, я из нее суп сварила сегодня.’

- (5) **mon tolon kureg-ez vandâ-sa č'ukaz'e so-les' šâd*
я вчера курица-ACC заколоть-CVB завтра тот-GEN2 суп
pôz'-t-o-Ø.

вариться-CAUS-FUT-1SG

Ожидаемое значение: ‘Заколов курицу вчера, я из нее суп сварю завтра.’

Есть один аргумент, говорящий за наличие вершины С в структуре нефинитной клаузы. Дистрибуция односубъектных и разнотелных клауз различается. Так, в (6) односубъектное деепричастие в роли сопровождающего обстоятельства допустимо; употребление разнотелного деепричастия в таком контексте неприемлемо (7).

- (6) *pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa gitara-jen šâd-i-z.*

Петя стул верх-LOC сидеть-CVB гитара-INS играть-PST-3SG

‘Петя сидел на стуле и играл на гитаре.’

- (7) **pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa maša gitara-jen*

Петя стул верх-LOC сидеть-CVB Маша гитара-INS

šâd-i-z.

играть-PST-3SG

Ожидаемое значение: ‘Когда Петя сидел на стуле, Маша играла на гитаре.’

Разносубъектные деепричастия на *-sa*, в отличие от односубъектных, требуют отношения обычной или контрафактической каузации. В примере (8) представлена контрафактическая каузация. Она отличается от обычной тем, что маркированная клауза — не причина, но необходимое условие. Факт зарабатывания мужем денег не заставляет говорящую тратить их на одежду, однако материальный достаток создает условия для покупки большого количества одежды.

- (8) *kart tros uks'o bas'tš-sa, mon tros dis'*
 муж много деньги брать-CVB я много одежда
bič'ä-s'ko-Ø.
 собрать-PRS-1SG
 'Мой муж зарабатывает много денег, а я покупаю много одежды.'

Так как это логическое отношение не содержится в семантике аффикса *-sa* (см. отсутствие этого значения при односубъектных деепричастиях (7), (1)), мы считаем, что зависимые клаузы с собственным субъектом имеют проекцию CP с фонологически невыраженным C, которое задает отношение (контрафактической) каузации между двумя клаузами. Ниже располагается дефектное (нефинитное) T. С другой стороны, односубъектное деепричастие на *-sa* проецирует клаузу меньшего размера: мы предполагаем, что это дефектное T.

3 Деепричастие одновременности на *-kš*

Рассмотрим деепричастие на *-kš*.² Присутствие прямого дополнения в нефинитной клаузе указывает на наличие вершины *v*, поскольку именно она обеспечивает присвоение аккузатива (9). Данное деепричастие факультативно присоединяет показатели согласования со своим подлежащим, подробнее см. далее в этом разделе. Его наличие или отсутствие не влияет на наш синтаксический анализ; подробнее о маркировании согласования см. (Кузнецова 2022).

²В литературном удмуртском этот аффикс имеет вид *-ku* (*-ku*).

- (9) *maša kn'iga-jez lãʒʒ'â-kâ(-z) rad'io*

Маша книга-ACC читать-CVB.SIM-POSS.3SG радио

kâld-is'k-i-z.

слушать-DETR-PST-3SG

‘Маша, пока читала книгу, слушала радио.’

Перейдем к тестам, проверяющим наличие уровня ТР. Подлежащее зависимой клаузы не может быть оформлено падежом, отличным от номинатива (10).

- (10) *pet'a / *pet'a-len azbar-ân sâlâ-kâ(-z) maša*

Петя Петя-GEN двор-LOC стоять-CVB.SIM-POSS.3SG Маша

lâkt-i-z.

прийти-PST-3SG

‘Когда Петя стоял во дворе, Маша пришла.’

ИГ в позиции подлежащего имеет статус падежной, см. фонологически выраженное маркирование множественным числом в (11).

- (11) *ta peredač'a-os mânâ-kâ mi alma pala-Ø-m.*

этот передача-PL идти-CVB.SIM мы картошка чистить-PST-1PL

‘Когда шли эти передачи, мы чистили картошку.’

Также рассмотрим маркеры лично-числового согласования с подлежащим, которые обычно ассоциированы с вершиной Т. Нужно заметить, что такие маркеры могут быть как предикативными (совпадать с таковыми при финитном глаголе), так и посессивными (при существительных). Только первые могут быть свидетельством в пользу Т.³

В целом показателем предикативного и посессивного согласования в татышлинском удмуртском в значительной степени совпадают (ср. *-d* для 2-го лица ед. ч., *-z* для 3-го лица ед. ч.). Отличается маркирование 1-го лица ед. ч., где маркер предикативного согласования обязательно отсутствует, а маркер согласования при деепричастии на *-kâ* может как отсутствовать, так и присутствовать, ср. *kâl'l'-i-Ø* ‘находиться-PST-1SG’ и *s'îâ-kâ(-m)* ‘есть-CVB.SIM-POSS.1SG’ в (12). В целом, маркеры согласования деепри-

³В некоторых причастных клаузах финно-угорских языков (ср. Bikina 2019) о казымском хантыйском) допустимо посессивное согласование между вершиной-нефинитной глагольной формой и посессором-агенсом. Поэтому важно отличать маркеры посессивного и предикативного согласования.

частий со своим субъектом всех лиц и чисел опускаются факультативно. Необязательность согласования деепричастия на *-kâ* со своим подлежащим не позволяет подтвердить наличие финитного T.

- (12) *(mon) jablok s'îâ-kâ(-m), pet'a šor-â*
 я яблоко есть-CVB.SIM-POSS.1SG Петя середина-ILL
uč'kâ-sa kâl'l'-i-Ø.
 смотреть-CVB находиться-PST-1SG
 'Я ел яблоко и смотрел на Петю.'

Аналогично, нет свидетельств о наличии вершины C, в частности, нет дополнительных семантических ограничений на разносубъектные клаузы (13), ср. недопустимость (7).

- (13) *pet'a pukon vâl-ân pukâ-kâ maša gitara-jen*
 Петя стул верх-LOC сидеть-CVB.SIM Маша гитара-INS
šâd-i-z.
 играть-PST-3SG
 'Когда Петя сидел на стуле, Маша играла на гитаре.'

Мы считаем, что все клаузы, возглавляемые деепричастием на *-kâ*, проецируют дефектную вершину T_[-fin].

4 Ограничительное деепричастие на *-č'č'ož*

Рассмотрим деепричастие на *-č'č'ož*.⁴ Оно ограничивает протекание главного действия либо своим концом (14), либо достижением результирующего состояния (15). Наличие прямого дополнения в нефинитной клаузе свидетельствует о присутствии вершины *v*, отвечающей за присвоение аккузатива (14). Это деепричастие, как и деепричастие на *-kâ*, допускает факультативное согласование со своим подлежащим.

- (14) *maša kn'îga-jez lâ'ž'-ič'č'ož(-az) rad'io*
 Маша книга-ACC читать-CVB.LIM-POSS.3SG радио
kâld-is'k-i-z.
 слушать-DETR-PST-3SG
 'Маша, пока читала книгу, слушала радио.'

⁴Это деепричастие соответствует литературному удмуртскому деепричастию на *-тозь* (*-tož*). При глаголах первого спряжения оно имеет алломорф *-ič'č'ož*.

Перейдем к явлениям, ассоциируемым с (финитной) вершиной Т: присваивание номинатива и лично-числовое согласование. Использование падежей, отличных от номинатива, невозможно (15).

- (15) *maša / *maša-len bertâ-sa vù-ič'č'ož,*
 Маша Маша-GEN прийти_домой-CVB прийти-CVB.LIM
nâlpî-jos t'el'evîzor uč'k-o val.
 ребенок-PL телевизор смотреть-PRS.3PL быть.PST
 'Пока Маша не пришла домой, дети смотрели телевизор.'

Маркирование множественным числом свидетельствует о падежном характере именной группы в позиции подлежащего:

- (16) *ta peredač'a-os mân-ič'č'ož mi alma pala-Ø-m.*
 этот передача-PL идти-CVB.LIM мы картошка чистить-PST-1PL
 'Пока шли эти передачи, мы чистили картошку.'

Маркеры согласования факультативны:

- (17) *pet'a s'ûres vâl-ti mân-ič'č'ož(-az), kêrž'a-n*
 Петя дорога верх-PROL идти-CVB.LIM(-POSS.3SG) петь-VN
kârž'a-Ø-z.
 петь-PST-3SG

'Пока Петя шел по дороге, он пел песню.'

Что касается проекции CP, то нет свидетельств ее наличия, в частности, нет дополнительных семантических ограничений на разносубъектные клаузы (18).

- (18) *pet'a korka az'-ân biz'â-lâ-sa vetl-ič'č'ož-az*
 Петя дом перед-LOC бежать-ITER-CVB ходить-CVB.LIM-POSS.3SG
maša kes'a-s'k-i-z.
 Маша кричать-DETR-PST-3SG

'Пока Петя бегал перед домом, Маша кричала.'

Мы заключаем, что клаузы, возглавляемые деепричастием на -č'č'ož, проецируют вершину Т как при совпадении, так и при различии субъектов.

5 Отрицательное деепричастие на *-tek*

Прямое дополнение в нефинитной клаузе указывает на присутствие вершины *y*, которая отвечает за аккумулятивное маркирование (19).

- (19) *pes'ataj samogon-ze ž'üä-tek prazdn'ik*
 дедушка самогон-ACC.POSS.3SG пить-CVB.NEG праздник
or'č'ä-t-i-z.
 пройти-CAUS-PST-3SG
 'Дедушка, не пив свой самогон, провел праздник.'

Так как у данной формы отсутствует лично-числовое согласование со своим подлежащим, мы рассмотрим падежное оформление подлежащего и временную референцию для проверки наличия *T*.

Субъект зависимой клаузы допускает только номинативный падеж (20). Оформление генитивом в данном примере влечет переинтерпретацию участника как посессора.

- (20) *mon / #mānam oš-em-is' dis'-ez bič'ä-tek*
 я я.GEN вешать-PTCP.PST-EL белье-ACC собрать-CVB.NEG
so zor ul-ān kotm-i-z.
 тот дождь низ-LOC промокнуть-PST-3SG
 'Я не убрал развешенное белье, и оно под дождем промокло.'
 # 'Я (или кто-то) не собрал мою одежду, и она мокла под дождем.' (Букв. 'Не собрав мою одежду, она мокла под дождем.')

Зависимая временная референция допускается частью носителей (21), тогда как независимая временная референция недопустима (22).

- (21) *ʔmon tolon kureg-ez vandā-tek, tünne so-les' šād*
 я вчера курица-ACC резать-CVB.NEG сегодня тот-GEN2 суп
ōj pōz'-tā.
 NEG.PST.1SG вариться-CAUS
 'Не заколов курицу вчера, я из нее суп не сварила сегодня.'

- (22) **mon tolon kureg-ez vandâ-tek, č'ukaz'e so-les'*
 я вчера курица-ACC резать-CVB.NEG завтра тот-GEN2
šâd ug pòz'-tâ.
 суп NEG.FUT.1SG вариться-CAUS

Ожидаемое значение: 'Не заколов курицу вчера, я из нее суп не сварю завтра.'

Для деепричастия на *-tek* наблюдаются те же семантические ограничения, что и для деепричастия на *-sa*: если субъекты главной и зависимой клауз совпадают, то нет дополнительных семантических ограничений (23).

- (23) *maša pukon vâl-ân pukâ-tek gitara-jen*
 Маша стул верх-LOC сидеть-CVB.NEG гитара-INS
šâd-i-z.
 играть-PST-3SG

'Маша играла на гитаре, не сидя на стуле.'

Если субъекты финитной и нефинитной клауз различаются, то требуется отношение (контрафактической) каузации, ср. (24)–(25).

- (24) ??*pet'a pukon vâl-ân pukâ-tek maša gitara-jen*
 Петя стул верх-LOC сидеть-CVB.NEG Маша гитара-INS
šâd-i-z.
 играть-PST-3SG

'Когда Петя не сидел на стуле, Маша играла на гитаре.'

- (25) *pet'a vû kis'ka-tek kijar-jos kças'm-i-zâ.*
 Петя вода лить-CVB.NEG огурец-PL засохнуть-PST-3PL
 'Петя не поливал огурцы, и они засохли.'
 (Букв. 'Петя воды не давая, огурцы засохли.')

Таким образом, разнособъектные деепричастия на *-tek* возглавляют клаузу размера CP, где фонологически невыраженная вершина C отвечает за отношение логической обусловленности между двумя клаузами. Односубъектные деепричастия на *-tek* проецируют клаузу меньшего размера ($T_{[-fin]}P$). То есть наш анализ одно- и разнособъектных деепричастий на *-tek* совпадает с таковым для *-sa*.

6 Заключение

Мы провели анализ четырех деепричастий татыштинского говора удмуртского языка и клауз, возглавляемых ими, с точки зрения их внутренней синтаксической структуры. Анализ показал, что деепричастия на *-sa* и *-tek* отличаются от деепричастий на *-kâ* и *-č'č'ož* рядом признаков, связанных с вершиной Т (лично-числовое согласование, временная референция) и особенно С (логически обусловленная синтаксическая дистрибуция).

Мы проверили, есть ли признаки наличия синтаксических вершин *v*, Т и С, которые могут проецироваться в зависимых клаузах в зависимости от типа деепричастия. Было установлено, что вершина *v* присутствует во всех типах рассмотренных обстоятельственных клауз. Дефектное (нефинитное) Т также, вероятно, проецируется во всех клаузах. Для всех деепричастий на *-kâ* и *-č'č'ož* максимальной проекцией является $T_{[-fin]}P$. Разносубъектные деепричастия на *-sa* и *-tek* проецируют вершину С, которая кодирует отношение обычной или контрафактической каузации, тогда как для односубъектных вариантов этих деепричастий наблюдается проекция меньшей структуры с дефектным Т.

Наш анализ деепричастий на *-sa* и *-tek* отличается от предложенного в (Georgieva 2018: 129, 133, Georgieva 2022). Е. Георгиева постулирует редуцированную синтаксическую структуру (без явных доказательств наличия СР) для всех нефинитных обстоятельственных клауз. Она, однако, не опровергает наличие СР, а указывает на невозможность его доказать, ссылаясь на неоднозначные результаты примененных тестов либо на невозможность провести тот или иной тест. Она не обсуждает различия синтаксической дистрибуции одно- и разносубъектных деепричастий на *-sa* и *-tek* и возникающие во втором случае отношения логической обусловленности.

Результаты исследования расширяют понимание синтаксической организации нефинитных обстоятельственных клауз в удмуртском языке. Это исследование также открывает возможности для дальнейших работ по синтаксической типологии деепричастных оборотов и для более глубокого изучения их позиции в структуре предложения.

Ряд вопросов остаются за рамками этого исследования. Нам еще предстоит уточнить размер левой периферии нефинитных

удмуртских клауз. Также остается открытым вопрос промежуточных между vP и TP проекций: отрицание, залог, каузатив.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие на *-sa*; CVB.LIM — ограничительное деепричастие на *-č'č'ož*; CVB.NEG — отрицательное деепричастие на *-tek*; CVB.SIM — деепричастие одновременности на *-kâ*; DETR — детранзитив; EL — элатив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Гращенко П. В. (2015). *Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация*. М.: ЯСК.
- Кузнецова Ю. Н. (2022). «Субъект деепричастной клаузы и согласование деепричастий на *-kâ* и *-č'č'ož* в татышлинском удмуртском». *Третья конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Тезисы докладов международной научной конференции*. СПб.: ИЛИ РАН, ЦСО. 59–62.
- Baker M. (2015). *Case: Its Principles and Parameters*. Cambridge: CUP.
- Bikina D. A. (2019). "Syntax of non-finite relative clauses in Kazym Khanty". MA thesis. Moscow: NRU HSE.
- Chomsky N. (2000). "Minimalist Inquiries: The Framework". *Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. Ed. by R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press. 89–155.
- Georgieva E. (2018). "Non-finite adverbial clauses in Udmurt". PhD thesis. Szeged: University of Szeged.
- (2022). "Syntactic correlates of (non-)finiteness in Udmurt". *Finnisch-ugrische Mitteilungen* 46. 141–164.
- Haspelmath M. (1995). "The converb as a cross-linguistically valid category". *Converbs in cross-linguistic perspective*. Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin, NY: Mouton de Gruyter. 1–55.

- Nedjalkov I. V. (1998). "Converbs in the languages of Europe". *Adverbial constructions in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Ed. by J. van der Auwera, D. P. Ó Baoill. Berlin: Mouton de Gruyter. 421–456.
- Nedjalkov V. P. (1995). "Some typological parameters of converbs". *Converbs in cross-linguistic perspective*. Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin, NY: Mouton de Gruyter. 97–136.
- Pereltsvaig A. (2006). "Small nominals". *Natural Language & Linguistic Theory* 24.2. 433–500.
- Privoznov D. (2021). "A theory of two strong islands". PhD thesis. Massachusetts: MIT.

Грамматические аппликативы ашхарского диалекта абазинского языка на семантической карте*

Анастасия Игоревна Добрынина

Лаборатория по формальным моделям в лингвистике НИУ ВШЭ

В настоящей работе рассматривается проблема добавления данных малоизученных языков на семантические карты на примере аппликативов ашхарского диалекта абазинского языка. Абазинские аппликативы многочисленны и полисемичны, поэтому размещение их функций в едином семантическом пространстве требует увеличения количества функций, отраженных на классических семантических картах. Мы предложили вариант добавления некоторых функций, при этом часть функций разместить не удалось, что оставляет пространство для дальнейших исследований, охватывающих более обширный типологический материал.

Ashkharywa Abaza grammatical applicatives on semantic map

Anastasia I. Dobrynina

HSE University, Laboratory of Formal Models in Linguistics

This paper addresses the problem of adding data from understudied languages to semantic maps, using the example of applicatives in the Ashkharywa dialect of the Abaza language. Abaza applicatives are numerous and polysemous, which makes mapping their functions within a unified semantic space challenging. This requires increasing the number of functions represented on classical semantic maps. We propose a variant that adds some functions to the existing maps, although certain functions could not be placed, leaving room for further research, which should encompass more extensive typological data.

* Исследование выполнено при поддержке проекта «Межмодульное взаимодействие в грамматической теории: моделирование грамматических категорий на материале языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

1 Введение

Во многих языках мира есть специальные морфологические средства повышающей актантной деривации — аппликативы. Например, в ашхарском диалекте абазинского языка бенефактивный аппликатив *-зы* вводит участника с ролью бенефицианта (1). Абазинские аппликативы могут вводить нового участника практически в любой глагол в позицию непрямого дополнения, при этом не меняя кодирование ядерных участников (высокие аппликативы по Pykkänen 2002, 2008).

(1) *с-йы-з-гIа-гIа*²

1SG.ABS-3SG.IO-BEN-CSL-бегать

‘Я прибежал для него.’

В абазинском языке существует множество локативных аппликативов (Клычев 1995), а также собственно грамматические аппликативы. Нам известны следующие: бенефактивный *з(ы)-*, малефактивный *чв(ы)-*, комитативный *ц(ы)-*, инструментальный *ла-*, юдикативный *ма-*, дативный *а-* и инадвертитивный *мхъа-* (Табулова 1976: 183–185, 201–204; Arkadiev Submitted; Arkadiev et al. 2024; O’Herin 2001; см. также Чирикба 2020 и Летучий 2009 об абхазских и адыгейских аппликативах соответственно). Данные аппликативы принято называть по их основной функции, хотя, как мы увидим далее в разделе 2, семантика некоторых из них не ограничивается одним значением.

В настоящей работе мы предложим вариант расположения функций аппликативов ашхарского диалекта абазинского языка на семантической карте. Мы опираемся только на данные ашхарского диалекта, однако предполагаем, что функции аппликативов не различаются между диалектами, поскольку наши данные не противоречат описаниям тапантского диалекта. Тапантский диалект, в отличие от ашхарского, более подробно описан, так как считается литературным, см. например, (Табулова 1976; Arkadiev Submitted).

Семантическая карта — способ репрезентации функций различных показателей в «концептуальном / семантическом» про-

²Здесь и далее без ссылок приводятся данные, собранные с помощью элицитации носителей абазинского языка, ашхарского диалекта в ходе экспедиций НИУ ВШЭ в а. Апсуа в июле 2023 г. и апреле 2024 г., а также в с. Старо-Кувинск в июле 2024 г.

странстве, популяризированный М. Хаспельматом (Haspelmath 1999, 2003). Связь функций выражается линиями: если на карте соединены функции $X — Y — Z$, и в языке функции X и Z выражаются одним показателем, то этот же показатель должен выражать функцию Y при отсутствии других путей от X до Z (принцип смежности, см. Croft 2001: 96; Татевосов 2002: 33). Расположение функций на карте должно быть типологически универсальным. Преимущества такой репрезентации заключаются в том, что она дает целостное представление о наборе функций показателя, отражая связь функций между собой. Также такая репрезентация удобна для межъязыковых сравнений и позволяет предсказывать возможность или невозможность выражения функций одним показателем (импликативные универсалии). Расположение функций полисемичных показателей малоизученного языка на карте может обратить внимание на новые связи функций, ранее не отражавшиеся на подобных картах.

В разделе 2 будут проиллюстрированы все известные нам значения грамматических аппликативов ашхарского диалекта абазинского языка. В разделе 3 мы нанесем все перечисленные функции на семантическую карту, обосновав их положение. В разделе 4 рассматриваются проблемы, поставленные с помощью семантической карты. Раздел 5 подводит итог данной статьи.

2 Функции абазинских аппликативов

2.1 Бенефактив $з(ы)$ -

Наиболее полисемичным является бенефактивный аппликатив $з(ы)$ -. Он может вводить участника со следующими функциями: бенефициант (2), проспективный посессор (3), адресат (4), причина (5), направление (6), цель (7), стимул ощущения (8), субъект оценки (9), внешний посессор (10), замещение (11).

(2) *й-л-зы-к'а-с-ц-у-й*

3SG.N.ABS-3SG.F.IO-BEN-LOC-1SG.ABS-делать-IPF-DCL

‘Я делаю это ради нее.’

(3) *уара а-швы с-з-у-хва-й*

2SG.M SP-сыр 1SG.IO-BEN-2SG.M.ERG-покупать-DCL

‘Ты купил мне сыр.’

- (4) *мама а-шва сы-зы-л-хIы-й*
 мама SP-песня 1SG.IO-BEN-3SG.F.ERG-петь-DCL
 ‘Мама поет мне песню.’
- (5) *а-саби-чва а-мяч й-а-з-айси*
 SP-ребенок-PL SP-мяч 3PL.ABS-3SG.N.IO-BEN-сражаться-DCL
 ‘Дети подрались из-за мяча.’
- (6) *сара а-врач с-и-з-гIа-й*
 1SG SP-врач 1SG.ABS-3SG.M.IO-BEN-CSL-приходить-DCL
 ‘Я пришел к врачу.’
- (7) *ари атгара й-зы-къа-с-цI-у-й*
 PROX.SG свадьба 3SG.N.IO-BEN-LOC-1SG.ABS-делать-IPF-DCL
 ‘Я делаю это для свадьбы.’
- (8) *уара сара у-сы-з-гвыжвкIе*
 2SG.M 1SG 2SG.M.ABS-1SG.IO-BEN-злиться-DCL
 ‘Ты злишься на меня.’
- (9) *а-фатIа а-цгвы й-а-з-мачI-у*
 SP-еда SP-кот 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-BEN-мало-NPST
 ‘Еды мало для кошки.’
- (10) *ауи с-пацIа-ква с-зы-й-се*
 DIST.SG 1SG.PR-ус-PL 1SG.IO-BEN-3SG.M.ERG-брить-DCL
 ‘Он побрил мне усы.’
- (11) *с-аща с-урок-ква с-зы-къа-й-ца-й*
 1SG.PR-брат 1SG.PR-урок-PL 1SG.IO-BEN-LOC-3SG.M.ERG-делать-DCL
 ‘Мой брат сделал мои уроки за меня.’

2.2 Малефактив чв(ы)-

Малефактив чв(ы)- может вводить участника с ролью малефицианта (12), участника непреднамеренной ситуации (инадвертивный участник) (13), при этом аппликатив выступает в качестве понижающей актантной деривации, делая агенса непрямым объектом, вопреки воле которого совершается ситуация.

- (12) *ауат с-цгвы с-чв-р-цы-й*
 DIST.PL 1SG.PR-кошка 1SG.IO-MAL-3PL.ERG-убить-DCL
 ‘Они убили мою кошку помимо моей воли.’

- (13) *фатима а-кружка л-чв-пылтиш*
 Фатима SP-кружка 3SG.F.IO-MAL-разбиться.DCL
 ‘Фатима случайно разбила кружку.’

Малефактив, как и бенефактив, может обозначать субъект оценки. Однако, мы предполагаем, что малефактив обязательно употребляется для введения субъекта отрицательной оценки, а бенефактив — для введения субъекта положительной оценки (более подробное обсуждение см. в разделе 4). В (14) невозможна замена малефактивного аппликатива на бенефактивный и наоборот, в (15), где ситуация подразумевает субъекта положительной оценки, возможно употребление только бенефактива.

- (14) *ауи йы-жв-ква й-хча-рныс*
 DIST.SG 3SG.M.PR-корова-PL 3SG.M.ERG-охранять-PURP
*й-чв-хIахьо / *й-зы-хIахьо*
 3SG.IO-MAL-тяжелый.NPST 3SG.IO-BEN-тяжелый.NPST
 ‘Ему тяжело пасти своих коров.’

- (15) *а-жв-ква й-хча-рныс й-зы-меро /*
 SP-корова-PL 3SG.M.ERG-охранять-PURP 3SG.IO-BEN-легкий.NPST
**й-чв-меро*
 3SG.IO-MAL-легкий.NPST
 ‘Ему легко пасти своих коров.’

При этом малефактив может использоваться в положительном контексте при отрицании. Т. е. в сферу действия аппликатива не входит отрицание, что соответствует порядку аффиксов:

- (16) *ауи йы-жв-ква й-хча-рныс*
 DIST.SG 3SG.M.PR-корова-PL 3SG.M.ERG-охранять-PURP
гьы-й-чвы-баргвы-м
 NEG.EMP-3SG.M.IO-MAL-трудный-NEG
 ‘Ему не тяжело пасти своих коров.’

2.3 Юдикатив *ма-*

В похожей функции используется юдикативный (эстимативный) аппликатив *ма-*, сочетающийся только с отыменными предикатами и вводящий субъект оценки (Arkadiev et al. 2024: 888). В отличие от бенефактива и малефактива юдикатив не маркирует полярность оценки: (17) может не нести оценочной окраски.

- (17) *а-пещ сы-ма-лаццаро*
 SP-комната 1SG.IO-JUD-темный.NPST
 ‘По моему мнению, комната темная.’

2.4 Комитатив *ц(ы)-*

Комитатив *ц(ы)-* вводит участника, вместе с которым совершается действие:

- (18) *а-сас-чва с-ры-ц-ца*
 SP-гость-PLH 1SG.ABS-3PL.IO-COM-NMNR
с-ры-ц-цIа-й
 1SG.ABS-3PL.IO-COM-CSL-приходить
 ‘Я пришел с гостями.’

2.5 Инструменталис *ла-*

Инструменталис *ла-* может вводить инструмент (19), контент (тему, содержание речи /мыслей) (20), стимул ощущения (21).

- (19) *ари джахIва-ла а-стенка*
 PROX.SG молоток-INS SP-стена
й-а-ла-с-цал-у-й
 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-INS-1SG.ERG-вбивать-IPF-DCL
 ‘Я вбиваю это в стену молотком.’
- (20) *а-шIыцра-ква с-ры-ла-чважв-у-й*
 SP-новый-PL 1SG.ABS-3PL.IO-INS-обсуждать-IPF-DCL
 ‘Я обсуждаю новости.’

- (21) *a-nxIwыc a-ла-чкIwын*
 SP-девушка SP-собака-маленький
δ-a-ла-хъычча-й
 3SG.N-3SG.N.IO-INS-смеяться-DCL
 ‘Девушка рассмеялась над щенком.’

2.6 Датив а-

Дативный аппликатив вводит адресата (22), как и бенефактивный аппликатив. Более подробное обсуждение разницы в выражении этой функции показателями датива и бенефактива см. в разделе 4.

- (22) *сара уара йы-у-а-с-хIв-у-й*
 1SG 2.M.SG 3SG.N.ABS-2SG.M.IO-DAT-1SG.ERG-говорить-IPF-DCL
 ‘Я говорю тебе [мужчине].’

2.7 Инадвертитив мхъа-

Инадвертитивный аппликатив обозначает, что ситуация произошла случайно, различия в употреблении малефактивного и инадвертитивного аффиксов в этой функции пока не установлены. Причем инадвертитивный аппликатив никогда не служит средством повышающей актантной деривации: в переходных глаголах он понижает агенса до непрямого объекта (23), а в непереходных вводит маркер непрямого объекта среднего рода единственного числа (24), выполняющий функцию эксплетивного показателя.

- (23) *ахмед йы-мхъа-хIве-тI*
 Ахмед 3SG.N.ABS-3SG.M.IO-INADV-говорить-DCL
 ‘Ахмед случайно сказал это.’
- (24) *ахмед английска-ла*
 Ахмед английкий-INS
δ-a-мхъа-чважво-тI
 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-INADV-разговаривать-IPF-DCL
 ‘Ахмед нехотя говорит по-английски.’

Все функции рассмотренных аппликативов перечислены в Таблице 1.

бенефактив <i>з(ы)-</i>	собственно бенефактив, перспективный посессор, адресат, направление, причина, цель, стимул ощущения, субъект оценки, внешний посессор, заместитель
малефактив <i>чв(ы)-</i>	малефактив, инадвертитив, субъект оценки
комитатив <i>ц(ы)-</i>	совместность
инструменталис <i>ла-</i>	инструмент, контент, стимул ощущения
датив <i>а-</i>	адресат
юдикатив <i>ма-</i>	субъект оценки
инадвертитив <i>мхъа-</i>	инадвертитив

Таблица 1: Функции аппликативов

3 Размещение новых функций на карте

Опираясь на карты, предложенные в (Haspelmath 2003)³ (Рисунок 1, Рисунок 2, перевод названий функций наш), попробуем представить все перечисленные выше функции аппликативов ашхарского диалекта абазинского языка в едином семантическом пространстве.

Рис. 1: Карта типичных значений датива (Haspelmath 1999: 126)

³См. также (Narrog, Ito 2007), где данное расположение функций дополняется и подтверждается статистическими данными.

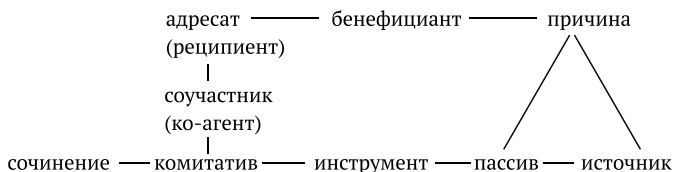

Рис. 2: Инструмент и сопутствующие функции (Haspelmath 2003: 229)

На представленных картах отсутствуют некоторые функции, которые могут быть выражены абазинскими аппликативами: стимул, контент, замещение, малефактив, инадвертитив. Их расположение в семантическом пространстве является отдельной задачей. Мы попробуем определить положение новых функций, опираясь на данные лишь нескольких языков, поэтому мы не претендуем на исчерпывающий анализ.

Перспективный посессор в (Haspelmath 2003) не отделяется от собственно бенефактивного значения. В ашхарском диалекте абазинского также не найдено показателей, которые могли бы выражать одну, но не другую функцию, поэтому мы также не будем разделять их. Также мы не выделяем в отдельную функцию адресата, объединяя его с реципиентом. Во многих языках мира функции бенефактива и малефактива не различаются (Kitilä, Zúñiga 2010: 20), следовательно, эти функции должны быть связаны между собой на семантической карте, возможно, посредством других функций. В абазинском единственная функция, которую разделяют показатели бенефактива и малефактива, — субъект оценки. Следовательно, малефактив связан с бенефактивом через субъект оценки, но пока мы не обладаем достаточным количеством типологических данных, чтобы однозначно определить, есть ли на пути между ними другие функции, кроме субъекта оценки. Так как использование малефактивного и бенефактивного аффиксов не полностью синонимично в этой функции, мы разделяем ее на **субъект положительной** и **субъект отрицательной оценки**. Расположение инадвертитивной функции не определено.

Инструментальный аппликатив объединяет три функции: инструмент, стимул и контент. Эти функции должны располагаться в следующей последовательности: **инструмент** — **стимул** —

контент. От стимула до контента должен быть путь, не включающий инструмент, что подтверждают данные английского и итальянского языков: англ. *proud of / talk of* и итал. *orgoglioso di / parlare di* ('гордиться чем-то' / 'говорить о чем-то'). При этом функция инструмента не может выражаться этими показателями (**I paint of brush*, **dipingo di pennello* 'я рисую кистью'.) Мы можем также показать, что функция инструмента соединена напрямую со стимулом, не проходя через функцию контента. Творительный падеж в русском языке может выражать стимул и инструмент, но не контент: *горжусь тобой, рисую кистью, *говорю чем-то*. При этом мы не обладаем данными, демонстрирующими возможность выражения инструмента и контента одним показателем, не выражая стимул.

Кроме инструменталиса, функцию стимула может выражать бенефактивный аппликатив. Определим, как стимул связан с другими функциями бенефактива.

В английском языке местоимениями в косвенной форме выражаются одновременно стимул (*you love me* 'ты любишь меня'), адресат / реципиент (*tell me the truth* 'скажи мне правду', *you gave me a book* 'ты дал мне книгу') и бенефициант (проспективный посессор) (*you built me a house* 'ты построил мне дом'), причем никакие другие функции из ядра датива не могут выражаться этим же способом (направление: **you came me* 'ты пришел ко мне'; предикативный посессор: **this house is me* 'этот дом мой'; внешний посессор: **he hit me a hand* 'он ударил меня по руке'; экспериенцер: **me love you* 'я люблю тебя'; юдикант: **it's too cold me* 'мне слишком холодно'). То есть функции стимула, адресата / реципиента и бенефактива должны быть расположены таким образом, чтобы образовывать на карте непрерывный путь, не включающий другие функции из ядра датива. На данном этапе получаем Рисунок 3. Здесь и далее пунктирными линиями показаны возможные связи, которые мы проверим позже, рамкой обведены функции, выражаемые одним показателем.

Английский предлог *to* связывает функции адресата / реципиента (*I want to speak to you* 'я хочу поговорить с тобой', *I gave it to you* 'я дал это тебе'), стимула (*I'm glad to you* 'я рад тебе'⁴), направления (*I came to you* 'я пришел к тебе') при невозможности

⁴Это периферийное, но тем не менее возможное в таком значении употребление: *Again i am happy and glad to you* 'Опять же, я счастлив и рад тебе' (Davies 2018).

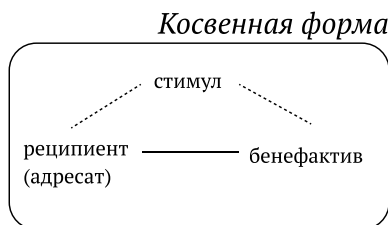

Рис. 3: Функции английских местоимений в косвенной форме

выразить бенефицианта (**I built a house to you* 'я построил тебе дом'). Т. е. функции стимула, адресата / реципиента и направления также образуют непрерывный путь, не включающий другие функции из ядра датива. При этом мы не располагаем данными, показывающими возможность одного показателя выражать стимул и бенефактив, не выражая адресата / реципиента. Получаем Рисунок 4.

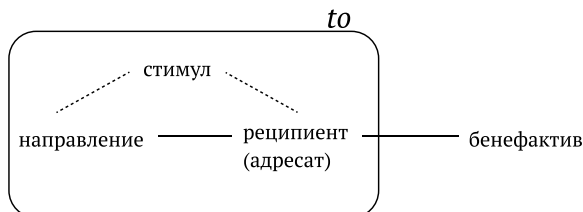
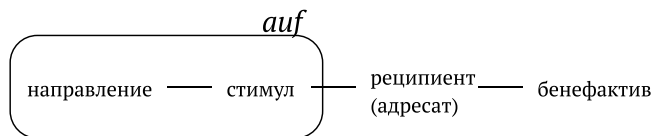

Рис. 4: Функции английского предлога *to*

Данные немецкого языка показывают, что функции стимула и направления могут выражаться одним показателем, не выражающим адресата / реципиента. Немецкий предлог *auf* с аккумулятивом кроме функции стимула (*Ich bin stolz auf dich* 'я горжусь тобой') может выражать направление (*Ich gehe auf den Speicher* 'я иду на чердак'), но не может выражать адресата / реципиента (**Ich sage auf dich* 'я говорю тебе', **Ich gebe auf dich* 'я даю тебе'). Случаи выражения направления и адресата / реципиента без выражения стимула нам неизвестны, следовательно, функцию стимула следует поместить на карту следующим образом: направление — стимул — адресат/реципиент (Рисунок 5).

Рис. 5: Функции немецкого предлога *auf*

Точное положение функции заместителя определить не удалось, но есть основания полагать, что она должна занимать положение между собственно бенефактивной функцией и субъектом оценки. В английском языке предлог *for* кроме значения замещения (*I speak for the President* ‘я говорю за президента’) может выражать значения бенефицианта (*please, do it for me* ‘пожалуйста, сделай это для меня’) и юдиканта (*it’s too cold for me* ‘мне слишком холодно’), но при этом не может выражать другие значения типичные для датива (Haspelmath 1999: 16).

С учетом всего изложенного выше получаем Рисунок 6. Рамками различной штриховки обведены функции, охваченные одним аппликативом. Линиями не соединены функции, положение которых точно не определено.

Как видно из Рисунка 6, наиболее широкий круг функций охватывает бенефактивный аффикс. Из типичных функций датива, выделенных М. Хаспельматом, у этого показателя не зафиксированы только функции предикативного посессора и экспериенцера. Также можно заметить, что значение субъекта оценки разделяется одновременно тремя аппликативами, а адресат / реципиент, стимул и инадвертитив — двумя.

4 Обсуждение

Данная карта показывает направления для дальнейших исследований в области семантики и сочетаемости абазинских аппликативов и в области типологии в целом.

Что касается вопросов абазинского языка, интерес вызывают функции, которые могут выражаться несколькими аппликативами. Выше мы предположили, что функция субъекта оценки может выражаться тремя аппликативами, в зависимости от окраски оценки: бенефактивом, если оценка положительная, малефак-

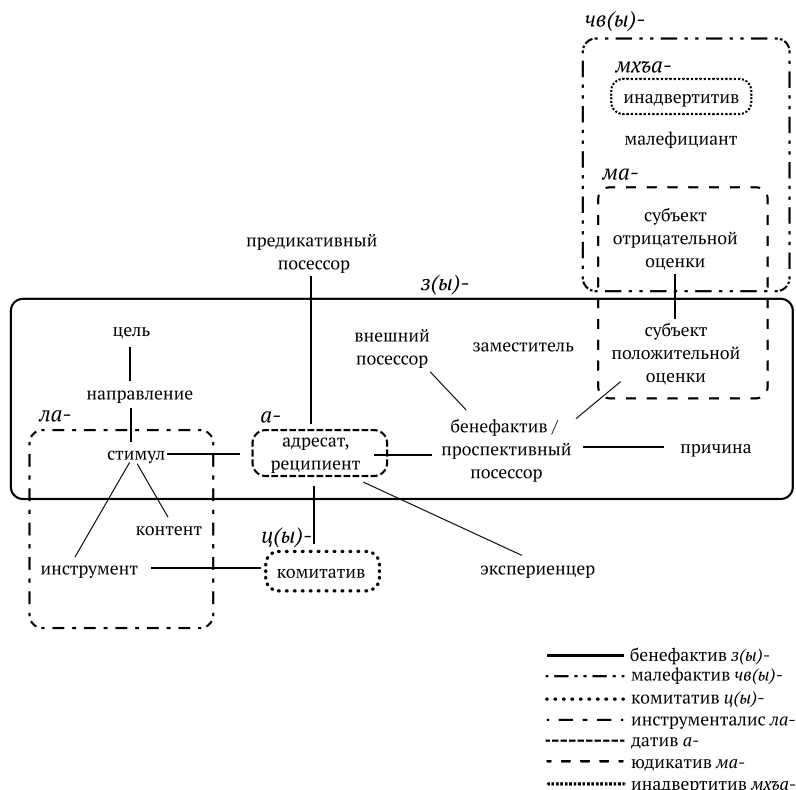

Рис. 6: Семантическая карта функций аппликативов в ашхарском диалекте абазинского языка

тивом, если оценка отрицательная, и юдикативом, если оценка нейтральная. Однако пример (9), повторенный ниже, опровергает эту гипотезу.

- (25) *a-fatla a-cɣvy ʔ-a-z-maɬI-y*
 SP-еда SP-кот 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-BEN-мало-NPST
 'Еды мало для кошки.'

Возможно, в (25) выражается оценка говорящего, а не субъекта предложения ('еды мало для кошки, и это хорошо'), однако эта гипотеза требует доказательства, например, с помощью предло-

жений в контексте, строго задающем ситуацию и ее оценку говорящим. Другое объяснение, предложенное анонимным рецензентом, заключается в том, что на самом деле функция отрицательного субъекта оценки совпадает с функцией малефактива. То есть, значение примеров (14), (16), иллюстрирующих функцию субъекта оценки у малефактивного показателя, могут быть переформулированы как ‘вопреки его воле, ему тяжело пасти коров’. В примере (25) же используется бенефактив для выражения субъекта оценки, потому что событие не может быть вопреки воле неодушевленного (не являющегося человеком) субъекта, или по крайней мере ситуация не подразумевает усилия воли субъекта. Это гипотеза также требует проверки, как минимум с привлечением данных, показывающих, что в (25) невозможна замена бенефактива малефактивом.

Функция адресата также может выражаться двумя аппликативами: дативом и бенефактивом. Мы предполагаем, что за этим стоят структурные факторы. Глаголы, имеющие в своей лексической семантике адресата, употребляются только с дативом, глаголы, не подразумевающие адресата, — только с бенефактивом (26). Это может говорить в пользу того, что датив — низкий аппликатив по классификации, представленной в (Pykkänen 2002, 2008). Подробное развитие этой гипотезы станет предметом наших дальнейших исследований.

- (26) *с-ан ауи фатима*
 1PR-мать DIST.SG фатима
й-л-а-л-х1о-м1 /
 3SG.N.ABS-3SG.F.IO-DAT-3SG.F.ERG-говорить.IPF-DCL
#й-л-зы-л-х1о-м1
 3SG.N.ABS-3SG.F.IO-BEN-3SG.F.ERG-говорить.IPF-DCL
 ‘Моя мама говорит / #поет это Фатиме.’

Различия между выражениями функций стимула и участника инадвертитивной ситуации разными аппликативами пока остаются не установленными.

Для типологии в целом данная карта ставит вопрос, как именно с представленными функциями связаны неразмещенные функции, а именно, заместитель, малефактив и инадвертитив.

5 Заключение

В статье были проиллюстрированы и помещены в единое семантическое пространство функции аппликативов ашхарского диалекта абазинского языка. Абазинские аппликативы могут объединять в себе множество функций, причем многие из этих функций ранее не были помещены на карту наряду с хорошо изученными грамматическими функциями, поэтому для составления семантической карты функций ашхарских аппликативов мы привлекли материал других языков. Далее наши выводы могут уточняться с применением более обширных типологических данных.

Мы объединили карты, предложенные в (Haspelmath 2003), и добавили к ним функции стимула, контента, а также разделили функцию субъекта оценки на субъект положительной и субъект отрицательной оценки. Функции замещения, инадвертитива и малефактива пока остаются неразмещенными. Данная карта показывает направления для дальнейших исследований: в области типологии — определение позиций новых функций; в области описания абазинского языка — фиксирование семантических различий в выражении одной и той же функции разными показателями.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABS — абсолютный участник; BEN — бенефактив; COM — комитатив; CSL — цислокатив; DAT — датив; DCL — декларатив; DIST — местоимение дальнего дейксиса; ERG — эргативный участник; F — женский род; INADV — инадвертитив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; JUD — юдикатив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MAL — малефактив; N — средний род; NMNR — номинализация способа; NPST — непрошедшее время; PL — множественное лицо; PLN — множественное личное число; PR — посесивность; PROX — местоимение ближнего дейксиса; PURP — целевой конверб; SG — единственное число; SP — специфичность.

Литература

- Клычев Р. Н. (1995). *Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке*. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство.
- Летучий А. Б. (2009). «Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений». *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. Под ред. Я. Г. Тестельца. М.: РГГУ. 329–370.
- Табулова Н. Т. (1976). *Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология*. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства.
- Татевосов С. Г. (2002). *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова*. М.: ИМЛИ РАН.
- Чирикба В. А. (2020). «Аппликативы в абхазском языке». *Вопросы языкознания: Мега сборник наностатей*. Под ред. А. А. Кибрика, К. П. Семёновой, Д. В. Сичинавы, С. Г. Татевосова, А. Ю. Урманчиевой. М.: Буки Веди. 574–580.
- Arkadiev P. (Submitted). “Abaza. A grammatical sketch”. *The Caucasian Languages. An International Handbook*. Ed. by Y. Koryakov, Y. Lander, T. Maisak. De Gruyter Mouton.
- Arkadiev P., Lander Y., Bagirokova I. (2024). “Applicative constructions in the Northwest Caucasian languages”. *Applicative Constructions in the World’s Languages*. Ed. by D. Creissels, F. Zúñiga. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton. 869–912.
- Croft W. (2001). *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: OUP.
- Davies M. (2018). “The iWeb Corpus”. Available online. URL: <https://www.english-corpora.org/iWeb/>.
- Haspelmath M. (1999). “External Possession in a European Areal Perspective”. *External Possession* 39. 109–135.
- (2003). “The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison”. *The new psychology of language. Vol. 2*. Ed. by M. Tomasello. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 211–242.
- Kittilä S., Zúñiga F. (2010). “Introduction. Benefactives and malefactives from a cross-linguistic perspective”. *Benefactives and Malefactives. Typological perspectives and case studies*. Ed. by S. Kittilä, F. Zúñiga. Amsterdam: John Benjamins. 1–28.

- Narrog H., Ito S. (2007). "Re-constructing semantic maps: The comitative-instrumental area". *STUF-Language Typology and Universals* 60.4. 273–292.
- O'Herin B. (2001). "Abaza applicatives". *Language* 77.3. 477–493.
- Pylkkänen L. (2002). "Introducing Arguments". PhD thesis. Boston: MIT.
- (2008). *Introducing Arguments*. Cambridge: MIT Press.

***Оставь значение, всяк
грамматикализирующийся
(о семантическом развитии глагола
kel'tânâ 'оставить' в татышлинском говоре
удмуртского языка)****

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье рассматривается употребление глагола *kel'tânâ* 'оставить' в сложных глагольных комплексах (сочетаниях деепричастия лексического глагола с грамматикализированным глаголом) в татышлинском говоре удмуртского языка. Обсуждается возможная мотивация его семантических расширений.

***Abandon meaning all ye who grammaticalize
(on the semantic development of the verb
kel'tânâ 'leave, abandon'
in Tatyshly Udmurt)***

Egor V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Lomonosov MSU

The article deals with the use of the verb *kel'tânâ* 'leave, abandon' in complex predicates (including a converb of a lexical verb and a grammaticalized verb) in Tatyshly Udmurt. The possible mechanism of its semantic development is discussed.

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1 Введение

Статья посвящена грамматикализации глагола *kel'tânâ* 'оставить' в сложных глагольных комплексах в татышлинском говоре удмуртского языка. Мы рассмотрим, какие значения привносит этот глагол в такие конструкции, и обсудим, как они могли бы быть связаны с его исходным значением. Под сложными глагольными комплексами понимаются морфосинтаксически слитные конструкции, состоящие из простого деепричастия (с показателем *-sa*) лексического глагола и из грамматикализованного глагола. Такие конструкции обсуждались, в частности, в (Кельмаков 1975; Horvath 2013; Bradley 2016), но их семантическая характеристика носит весьма краткий характер. Не являются исключением и конструкции с *kel'tânâ*.

Материал собран в 2023–2024 гг. в Татышлинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, с. Уразгильды, д. Бигинеево, д. Арибаш) методом анкетирования, а также путем анализа экспедиционного корпуса текстов¹ (КТУ). Примеры записываются в практической транскрипции, в основном следующей системе из (Baidoullina 2003). При цитировании примеров, взятых из других источников, сохраняется система записи источника. При примерах, записанных в ходе анкетирования, источник не указывается.

Далее в разделе 2 мы обсудим семантику глагола *kel'tânâ* в сложных глагольных комплексах, коснувшись также его исходных употреблений. В разделе 3 рассматриваются возможные механизмы семантического развития этого глагола. В разделе 4 подводятся итоги.

2 Семантика глагола *kel'tânâ*

2.1 Употребления вне сложных глагольных комплексов

Глагол *kel'tânâ* (в литературном языке *кельтыны*) используется в широком наборе контекстов, соответствующих употреблению

¹ Корпус татышлинского удмуртского доступен по ссылке: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (дата обращения 21.09.2024).

русского глагола *оставить*, ср. в (1) значение 'уходя, не взять с собой', в (2) значение 'сохранить в каком-л. состоянии'.

- (1) *mî sumka-os-âz kel't-i-m vokzal-e.*
мы сумка-PL-ACC оставить-PST-1PL вокзал-ILL
'Мы оставили сумки на вокзале.'
- (2) *vas'a tûš-se mič'-i-z no mājâk-ze*
Вася борода-ACC.POSS.3SG брить-PST-3SG ADD усы-ACC.POSS.3SG
kel't-i-z.
оставить-PST-3SG
'Вася сбрил бороду и оставил усы.'

В (Ившин 2019: 879) также приводятся литературные примеры *книгаез эш доры кельтыны* 'оставить книгу у товарища', *вöез ċукналы кельтыны* 'оставить масла на утро', *уксётэк кельтыны* 'оставить без денег', *вордйськем пальёсты кельтыны* 'оставить (покинуть) родной край', соответствующие различным приведенным в МАС² значениям русского *оставить* и имеющие аналоги в татышлинском говоре.

2.2 Длительное нахождение в заданной локации

Употребления лексемы *kel'tânâ* в сложных глагольных комплексах можно разделить на несколько классов. Во-первых, конструкция с ней описывает длительное нахождение какой-либо сущности в заданной локации в результате произведенного действия, ср. (3a)–(3b).

- (3) а. *mon ús'tet-ez ús'kät-i-Ø / *ús'kätä-sa*
я ключ-ACC уронить-PST-1SG уронить-CVВ
kel't-i-Ø no sokâ ik žut-i-Ø.
оставить-PST-1SG ADD тогда EMPH поднять-PST-1SG
'Я уронил ключи и сразу поднял.'

²МАС (малый академический словарь русского языка) доступен по ссылке: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 21.09.2024).

- b. *mon ús'tet-ez ús'kätä-sa kel't-i-Ø no*
 я ключ-ACC уронить-CVB оставить-PST-1SG ADD
šukaz'-a-z šed't-i-Ø.
 завтра-LOC/ILL-POSS.3SG найти-PST-1SG
 'Я уронил ключи и нашел на следующий день.'

Возможны и метафорические расширения такой семантики, не предполагающие буквального оставления физического объекта, см. (4)–(6); в (5) показано, что конструкция с *kel'tânâ* несовместима с эксплицитным указанием на удаление объекта.

- (4) *pjaš fan'era-je vižigat' karâ-sa kel't-i-z*
 мальчик фанера-ILL выжигать делать-CVB оставить-PST-3SG
s'ulem.
 сердце
 'Мальчик выжиг на фанерке сердечко.'
- (5) *dâšet-is' doska-je už gožtâ-sa kel't-i-z*
 учить-PTCP.ACT доска-ILL работа писать-CVB оставить-PST-3SG
 (**no č'uš-i-z*).
 ADD стереть-PST-3SG
 'Учительница написала на доске задание (*и стерла его).'

- (6) *mon č'eber nâl-ez a'ž'â-sa kel't-i-Ø.*
 я красивый девушка-ACC видеть-CVB оставить-PST-1SG
 'Я красивую девушку приметил.'³

Учитывая, что примеры (4)–(6) и подобные им предполагают сохранение длительного результата, мы проверили, не выражает ли конструкция с *kel'tânâ* грамматическое значение перфекта (см. (Dahl 1985: 129–138; Плунгян 2016) и др.). Итог этой проверки оказался, однако, отрицательным. Так, при конструкции возможно точное указание времени в прошлом (7)–(8). Кроме того, в (8) она отсылает к событию, прагматически, по-видимому, не актуальному в настоящий момент.

- (7) *tolon bakč'a-jez gârâ-sa kel't-i-m.*
 вчера огород-ACC пахать-CVB оставить-PST-1PL
 'Вчера мы вспахали огород.'

³У данного сочетания возможна и другая интерпретация — 'увидел мельком', см. раздел 2.4.

- (8) *kɘamân ar ta-les' az'lo pes'aj-e*
 тридцать год этот-GEN2 раньше бабушка_по_отцу-POSS.1SG
mânâm odig jaš'ik kanfet kuz'ma-sa kel't-i-z.
 я.DAT один ящик конфета дарить-CVV оставить-PST-3SG
 'Тридцать лет назад бабушка подарила мне ящик конфет.'

2.3 Уход агентивного участника

Многие примеры с *kel'tânâ* предполагают последующий уход агентивного участника из той локации, в которой развивается ситуация, см. (9)–(10). Пример (9b) показывает, что конструкция предполагает уход именно агентивного участника, а не другого участника ситуации, даже если последний компонент выражен эксплицитно.⁴

- (9) а. *anaj mânâm uks'o s'otâ-sa kel't-i-z.*
 мать я.DAT деньги давать-CVV оставить-PST-3SG
 'Мама дала мне денег [и ушла / *осталась дома и послала меня в магазин].'
- б. *anaj mânâm uks'o s'otâ-sa kel't-i-z po mon*
 мать я.DAT деньги давать-CVV оставить-PST-3SG ADD я
magaz'in-e mân-i-Ø.
 магазин-ILL идти-PST-1SG
 'Мама дала мне денег, и я ушел в магазин [и мама тоже ушла куда-то / *осталась дома].'
- (10) *vas'a kôrâš-ez šor-â kes'a-s'kâ-sa*
 Вася сосед-POSS.3SG середина-ILL кричать-DETR-CVV
kel't-i-z.
 оставить-PST-3SG
 'Вася накричал на соседа и ушел.'

Возникает вопрос о соотношении компонентов длительного нахождения объекта в заданной локации (раздел 2.2) и ухода агентивного участника: обязательно ли конструкцией с глаголом *kel'tânâ* выражен каждый из них? В разделе 2.2 мы видели

⁴Как видно, в частности, из (10), модель управления сложного глагольного комплекса с *kel'tânâ* может отличаться от модели управления самого этого глагола. Более подробное рассмотрение этого вопроса находится за рамками данной статьи.

примеры, указывающие на длительное (но не на кратковременное) оставление объекта в том или ином месте. Эти примеры типично получают и комментарии носителей о том, что агентивный участник «куда-то ушел». Одновременно конструкция с *kel'tânâ* невозможна во многих контекстах, которые явно противоречат семантике ухода из поля наблюдения. Так, в (11a) она предполагала бы, что ребенок где-то оставил сломанную ногу, а сам покинул соответствующую локацию, ср. употребление *kel'tânâ* в (11b).

- (11) a. *nâlpî pâd-ze tijalt-i-z / *tijaltâ-sa*
 ребенок нога-ACC.POSS.3SG сломать-PST-3SG сломать-CVB
kel't-i-z.
 оставить-PST-3SG
 'Ребенок сломал ногу.'
- b. *kenž'al'i bâž-ze tijaltâ-sa kel't-i-z.*
 ящерица хвост-ACC.POSS.3SG сломать-CVB оставить-PST-3SG
 'Ящерица оставила (букв.: сломав оставила) свой хвост.'

В предложении (12a), предполагающем сохранение информации в памяти самого субъекта, конструкция с *kel'tânâ* невозможна. Однако в (12b), где речь идет о передаче информации другому участнику, эта конструкция допустима.

- (12) a. *nâl u'mort s'äin st'ix dâšet-em /*
 девушка удмурт по стихотворение учить-PST2
**dâšetâ-sa kel't-em.*
 учить-CVB оставить-PST2
 'Девочка выучила стихотворение на удмуртском.'
- b. *nâl-â eš-se alama kâl-jos-lâ*
 девушка-POSS.1SG друг-ACC.POSS.3SG плохой слово-PL-DAT
dâšet-em / dâšetâ-sa kel't-em.
 учить-PST2 учить-CVB оставить-PST2
 'Дочка друга научила плохим словам.'

Вместе с тем данные об обязательности обсуждаемых компонентов значения оказываются неоднородны. Так, некоторые примеры предполагают уход агентивного участника, но не предполагают сохранение какого-либо длительного результата действия. Из предложения (13) следует, что агентивный участник

покинул локализацию, в которой произошла ситуация удара, но не следует, что эта ситуация привела к длительному нахождению какого-либо объекта в одной и той же локализации (то же верно и для примера (10)) либо к возникновению долговременного результата удара.

- (13) *so mon-e šukkâ-sa kel't-i-z.*
 тот я-ACC ударить-CVB оставить-PST-3SG
 'Он меня ударил и ушел.'

В (14), напротив, выражен компонент длительного оставления объекта (пиджака) в одной и той же локализации (часть носителей усматривает у аналитической конструкции и дополнительные компоненты значения в сравнении с употреблением глагола *dis'anâ* 'надеть' без модификаторов: 'Вася не надел ничего поверх пиджака' либо 'Вася оделся по-щегоольски' — последняя импликация нерегулярна и не вполне ясна). Однако компонент ухода агентивного участника здесь исключен.

- (14) *vas'a pinžak dis'a-sa kel't-i-z.*
 Вася пиджак надеть-CVB оставить-PST-3SG
 'Вася надел пиджак.'

Пример (15), описывающий последовательность событий, оценивается носителями по-разному. Некоторые из них интерпретируют его таким образом, что начальник оставил документы в одной локализации и вел собрание в другой. Часть же носителей полагает, что смена локализации в данном контексте необязательна и предложение совместимо с ситуацией, когда начальник на длительное время оставил документы перед собой и в это же время вел собрание.

- (15) *nač'al'n'ik dokument-jos-se as*
 начальник документ-PL-ACC.POSS.3SG REFL
az'-a-z ponâ-sa kel't-i-z no
 перед-LOC/ILL-POSS.3SG положить-CVB оставить-PST-3SG ADD
l'uka-s'k-em-ez nuâ-nâ kutsk-i-z.
 собрать-DETR-PTCP.PST/NMLZ-ACC вести-INF начать-PST-3SG
 'Начальник положил документы перед собой и стал вести собрание.'

Таким образом, хотя во многих случаях контекст употребления конструкции с *kel'tânâ* предполагает и компонент длитель-

ного нахождения объекта в некоторой локализации в результате осуществления ситуации, и компонент ухода агентивного участника, в целом эти компоненты, по-видимому, независимы, и в конкретном контексте может выделяться только один из них.

2.4 Кратковременное действие

Конструкция с *kel'tânâ* может описывать кратковременное действие, как в (16)–(18), см. запрет на сочетаемость с адвербиалом большой длительности в (17). Эффект ухода агентивного участника в таких контекстах необязателен: например, из (16), согласно суждениям информантов, не следует, что собака обязательно находилась рядом с соседкой, а затем убежала.

- (16) *mon dor-â kôrăš-e pârâ-kâ-z*
я сторона-ILL сосед-POSS.1SG войти-CVB.SIM-POSS.3SG
pünä pič'i gäne ütâ-sa kel't-i-z.
собака маленький только лаять-CVB оставить-PST-3SG
'Когда ко мне заходила соседка, собака немного полаяла.'

- (17) *pünä odig og minut kad' / *ujbât ütâ-sa*
собака один один минута как всю_ночь лаять-CVB
kel't-i-z.
оставить-PST-3SG
'Собака полаяла где-то минуту / *пролаяла всю ночь.'

- (18) *zämât gäne mânâ-sa sil' s'îâ-sa kel't-i-Ø.*
быстро только идти-CVB мясо есть-CVB оставить-PST-1SG
'Быстренько пошел и поел мяса.'

По-видимому, это же значение реализуется в контекстах восприятия: *kel'tânâ* указывает здесь на то, что экспериенцер воспринимает стимул быстро и второстепенно на фоне иной ситуации. Так, предложение (19) возможно, когда говорящий услышал новость в очереди в магазине, но не когда он участвовал в собрании, на котором приезд артистов обсуждался подробно (заметим, что компонентом ухода агентивного участника такой контраст не объясняется). Предложение (20) указывает на короткую встречу во время праздника, но не на длительное общение (оборот *pič'i gäne* 'только мельком' возможен здесь для выделения семантики краткости, но необязателен).

- (19) *as'-me dor-â art'ist-jos lâkt-o*
 REFL-POSS.1PL сторона-ILL артист-PL прийти-PRS.3PL
šû-sa kâlâ-sa kel't-i-Ø.
 сказать-CVB слышать-CVB оставить-PST-1SG
 'Я краем уха услышала, что к нам придут артисты.'
- (20) *prazdn'ik-ân mon irina-jez (pič'i gäne) a'ž'â-sa*
 праздник-LOC я Ирина-ACC маленький только видеть-CVB
kel't-i-Ø.
 оставить-PST-1SG
 'На празднике я Ирину (только мельком) увидела.'

2.5 Значение 'успеть'

Лексема *kel'tânâ* в сложных глагольных комплексах может приносить значение 'успеть сделать что-либо', ср. его реализацию в (21)–(23). В (21)–(22) разными способами задается ограничение длительности ситуации, а сама ситуация необязательно является кратковременной. В (23) идея малой длительности ситуации аномальна прагматически.

- (21) *mi tros üzä bič'a-sa kel't-i-m, so*
 мы много земляника собирать-CVB оставить-PST-1PL тот
ber-e kânt-i-z.
 зад-ILL заморозить-PST-3SG
 'Мы успели собрать много земляники, потом подморозило.'
- (22) *mi so-lâ s'ot-i-m už kün' sägät-lä, so*
 мы тот-DAT давать-PST-1PL работа три час-DAT тот
les'tâ-sa kel't-i-z odig sägät-sän.
 делать-CVB оставить-PST-3SG один час-TMPR
 'Мы ему дали работу на три часа, он успел сделать за один час.'
- (23) *mon ba'ž'âm pomidor-jos budetâ-sa kel't-i-Ø.*
 я большой помидор-PL растить-CVB оставить-PST-1SG
 'Я успела вырастить большие помидоры [до заморозков или до фитофторы⁵].'

2.6 Обобщение данных

Таким образом, сложные глагольные комплексы с лексемой *kel'tânâ* могут выражать значение длительного нахождения какой-либо сущности в заданной локации в результате произведенного действия, ухода агентивного участника из локации, в которой осуществилась ситуация, кратковременного действия или значение 'успеть сделать что-либо'.

Во многих случаях конструкция допускает несколько интерпретаций. Например, (24) может указывать как на кратковременное действие, так и на то, что субъект успел совершить действие. Предложение (25) может быть понято и как указание на то, что субъект оставил некий результат действия, и в значении 'успеть совершить действие'. Вопрос о том, обусловлен ли набор значений в каждом конкретном примере прагматическими соображениями или семантикой лексического глагола, требует дальнейшего исследования.

- (24) *mon maša-jen ôžät vere-s'kâ-sa kel't-i-Ø.*
я Маша-INS мало говорить-DETR-CVВ оставить-PST-1SG
'Я немного поговорила / успела поговорить с Машей.'

- (25) *tolon bakč'a-jez gârâ-sa kel't-i-m.*
вчера огород-ACC пахать-CVВ оставить-PST-1PL
'Мы вчера вспахали огород [а сегодня собираемся посадить картошку].'
'Мы вчера успели вспахать огород [пока у нас был доступ к трактору либо до дождя].'

3 Механизм семантического развития

Рассмотрим возможный механизм развития полисемии глагола *kel'tânâ* 'оставить'. Значения длительного нахождения какой-либо сущности в заданной локации и ухода агентивного участника прозрачно связаны с исходными употреблениями *kel'tânâ* (см. примеры в разделе 2.1). Менее тривиально развитие семантики кратковременного действия и значения 'успеть'. В каталоге путей грамматикализации (Kuteva et al. 2019: 251–257, 367–368), а также в

⁵Заболевание растений, приводящее к потере урожая.

типологической базе данных DatSemShift⁶ у глаголов со значением 'оставить' ('leave') и 'остаться' ('remain, stay') таких моделей развития не встретилось.⁷

Семантическая мотивация для описанной модели развития может основываться на том, что в результате осуществления ситуации 'оставить' уменьшается множество объектов, находящихся в некоторой локации. Так, если в ситуации из (26) изначально участвовали говорящий (S) и его сумки (A, B, C, D), то в результате осуществления этой ситуации S и A оказались в одной локации, а B, C и D — в другой.

- (26) *mon as-lām pič'i sumka-jez gäne*
я REFL-DAT.POSS.1SG маленький сумка-ACC только
kel't-i-Ø, muket-jos-āz anaj dor-ān.
оставить-PST-1SG другой-PL-ACC мать у-LOC
'Я оставил у себя только маленькую сумку, а остальные вещи — у мамы.'

Аналогично в (27) часть веревки попала не в ту же локацию, что человек и другая часть веревки, а в несколько более абстрактном контексте (28) в разных «локациях» оказались поэт и его работы.

- (27) *ād'žāmi puŋ-ŋos-se ki-ja-s*
человек конец-PL-ACC.POSS.3SG рука-LOC/ILL-POSS.3SG
kel'to-sa, gozə-ze vi-e serpalt-e.
оставить-CVV веревка-ACC.POSS.3SG вода-ILL бросить-PRS.3SG
'Оставив концы в руке, человек бросает веревку в воду.'
(КТУ: Kelmakov1978_105-108_shajtanovo_gnezdo)

⁶База данных DatSemShift («Database of Semantic Shifts») доступна по ссылке: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения 21.09.2024).

⁷Отдельным вопросом является влияние контактных тюркских идиомов на развитие конструкций, учитывая, что сложные глагольные комплексы в уральских языках Волго-Камского ареала в целом следуют тюркской модели (см. (Bradley 2016) и цитируемую литературу). В (Гращенков 2015: 91–92; Johanson, Csátó 2018: 155, 158; Shluinsky 2021) параллелей к татышлинским данным не приводится. Проведенный нами опрос носителей татарского языка в с. Нижнебалтачево, д. Уразгильды и д. Кытки-Елга Татышлинского района показал развитие употреблений, схожих с рассмотренными на удмуртском материале, у глагола *куй* 'класть, помещать, оставлять', имеющего более широкую семантику по сравнению с *kel'tānā* и в т. ч. покрывающего ситуации оставления. В то же время вопрос о том, как связаны исходное значение 'оставить' и описанные семантические расширения, релевантен как в случае калькирования части употреблений татарского глагола, так и в случае независимого развития модели.

- (28) *no as bert = ber-a-z so tros*
 HO REFL зад-LOC/ILL-POSS.3SG тот много
už-jos-se kel't-i-z pinal'-l'os-lâ.
 работа-PL-ACC.POSS.3SG оставить-PST-3SG ребенок-PL-DAT
 'Но после себя он [поэт] оставил много работ для детей.'
 (КТУ: ZZP-01082022_EK_Pukrokov)

Идея уменьшения множества объектов в некоторой локации могла способствовать и развитию наблюдаемого нами значения ограниченного небольшого промежутка времени. Требование того, чтобы промежуток времени был именно небольшим, может быть связано с известным в типологии механизмом конвенционализации имплицатуры (см., например, (Hopper, Traugott 2003: 78–84; Bybee 2007: 976–979)). В рассматриваемом случае возможный (хотя и необязательный) логический вывод о том, что уменьшение количества некоторой сущности приводит к тому, что ее количество становится малым, может закрепляться как компонент семантики в процессе грамматикализации. Зафиксированное у конструкции с *kel'tânâ* значение 'успеть' также предполагает ограничение времени развития ситуации (той точкой во времени, до наступления которой ситуация успела осуществиться).

4 Заключение

В статье было рассмотрено семантическое развитие глагола *kel'tânâ* 'оставить' в сложных глагольных комплексах в татышлинском говоре удмуртского языка. Набор исходных употреблений удмуртской лексемы близок к соответствующему набору русского глагола оставить. В составе сложных глагольных комплексов *kel'tânâ* может выражать несколько значений. Так, конструкция с этим глаголом указывает на длительное нахождение какой-либо сущности в заданной локации в результате произведенного действия и/или на уход агентивного участника из локации, в которой осуществилась ситуация (во многих случаях, но не всегда выражаются оба этих компонента). Эти модели развития прозрачно связаны с исходной семантикой *kel'tânâ*. Менее тривиальны, в том числе с типологической точки зрения, сдвиги глагола *kel'tânâ* в указание на кратковременное действие либо в значение 'успеть' (также предполагающее ограничение длительно-

сти ситуации). Это направление развития может быть связано со структурой ситуации оставления, результатом которого является уменьшение множества участников в заданной локации, и закрепляться механизмом конвенционализации имплицатуры.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивный маркер; CVB — деепричастие; CVB.SIM — деепричастие с семантикой одновременности; DAT — датив; DETR — детранзитивизатор; EMPH — эмфатическая частица; GEN2 — второй генитив (аблатив); ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; REFL — рефлексив; SG — единственное число; TMPR — показатель с семантикой промежутка времени.

Литература

- Ившин Л. М., ред. (2019). *Русско-удмуртский словарь. В 2 т. Т. I.* Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН.
- Кельмаков В. К. (1975). «Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта)». *Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3.* Под ред. В. М. Вахрушева, В. К. Кельмакова, Р. Ш. Насибуллина, С. В. Соколова, Р. И. Яшиной. Ижевск: УдНИИ. 90–105.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. (1970). *Краткий этимологический словарь коми языка.* М.: Наука.
- Плунгян В. А. (2016). «К типологии перфекта в языках мира: предисловие». *Acta Linguistica Petropolitana* XII.2. 7–36.
- Baidoullina A. (2003). «Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология». MA thesis. Tartu Ülikool.
- Bradley J. (2016). «Mari converb constructions: productivity and regional variance». PhD thesis. Vienna: University of Vienna.
- Bybee J. (2007). «Diachronic linguistics». *The Oxford handbook of cognitive linguistics.* Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: OUP. 945–987.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems.* Oxford: Basil Blackwell.

- Hopper P., Traugott E. (2003). *Grammaticalization*. Cambridge: CUP.
- Horvath L. (2013). "On the aspectual markers of the Udmurt language: expressions of aspect in dialects". *Grammatika és kontextus — új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálistitikai tanulmányok 20)*. Ed. by M. Csepregi, K. Kubínyi, J. Sivonen. Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék. 108–123.
- Johanson L., Csató É. (2018). "Grammaticalization in Turkic". *Grammaticalization from a typological perspective*. Ed. by H. Narrog, B. Heine. Oxford: OUP. 146–165.
- Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. (2019). *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: CUP.
- Shluinsky A. (2021). "Verb–verb complexes in Turkic languages. Interaction of lexical and delexicalized verbs". *Verb–verb complexes in Asian languages*. Ed. by T. Kageyama, P. Hook, P. Pardeshi. Oxford: OUP. 397–429.
- Wichmann Y., Uotila T. E., Korhonen M., eds. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Согласование вспомогательного глагола по роду и структура континуативных конструкций в лезгинских языках

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН;
Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ

На примере рутульского языка (лезгинские, нахско-дагестанские) показано, что в аналитической континуативной конструкции согласование вспомогательного глагола по роду контролируется другим аргументом, нежели согласование лексического глагола. На материале континуативных конструкций лезгинских языков высказывается предположение о том, что при переходном глаголе изменение падежного кодирования субъекта (абсолютив > эргатив) предшествует изменению контроля согласования на вспомогательном глаголе (абсолютивный субъект > пациенс).

Gender agreement of auxiliaries and the structure of continuative constructions in the Lezgian languages

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Linguistic Convergence Laboratory, HSE University

Drawing on the data from Rutul (Lezgian, Nakh-Daghestanian), it is shown that the auxiliary verb in a continuative construction can have another gender agreement controller than the lexical verb. Variation in the behaviour of continuative construction in the Lezgian languages allows to put forward a hypothesis that, with a transitive verb, the change in the case encoding of the agent (absolutive > ergative) precedes the change in the agreement controller of the auxiliary (absolutive subject > patient).

1 Введение

Одна из ярких особенностей языков нахско-дагестанской семьи — наличие у существительных категории рода (именного класса) и, соответственно, согласования с существительными по роду (классного согласования).

Мишенями согласования на уровне именной группы могут быть прилагательные, указательные местоимения и некоторые другие модификаторы, которые согласуются с вершинным именем. На уровне клаузы согласование может затрагивать глаголы и менее канонические мишени типа наречий, частиц или даже показателей некоторых падежей. Контролером согласования на уровне клаузы является абсолютивная (номинативная) именная группа: в морфологически эргативных языках нахско-дагестанской семьи она выражает субъект непереходного глагола либо пациенс переходного глагола. Наше последующее изложение будет касаться именно согласования по роду у глагольных форм — как синтетических, так и аналитических. Обсуждение мы начнем с данных рутульского языка лезгинской группы.

В рутульском языке в единственном числе противопоставлены четыре рода существительных¹: 1 мужской (только референты мужского пола), 2 женский (только референты женского пола), 3 «одушевленный» (неличные референты, главным образом животные), 4 «неодушевленный» (неличные и главным образом неодушевленные референты). Показателями рода, или классными показателями, являются согласные *r*, *b*, *d*, *w*, а также нуль. Имеются две серии классных показателей, которые распределены по типам мишеней; в каждой из серий наблюдается один из видов синкретизма. Так, в «слабой» серии используются показатели 1 $\emptyset$, 2 *r*, 3 *w* и 4 $\emptyset$ (синкретично выражение 1 и 4 классов), в «сильной» серии — 1 *r*, 2 *r*, 3 *b* и 4 *d* (синкретично выражение двух личных классов). В зависимости от типа мишени и серии показатель выступает в виде префикса, инфикса или суффикса. У глагольных основ классные показатели бывают только префиксальными или инфиксальными (эта позиция задана для основы словарно и не зависит от конкретной грамматической формы). Почти все глагольные основы имеют позицию для согласования,

¹Во множественном числе количество противопоставлений редуцировано. Все дальнейшие примеры будут содержать только контролеры согласования в единственном числе.

исключения редки и касаются главным образом стативных глаголов с локативной семантикой (а ‘находиться внутри’, *gi* ‘находиться под’ и пр.).

Пример (1) из кининского говора рутульского языка (с. Кина Рутульского района Республики Дагестан) дает представление о классном согласовании в глагольных формах. Мишенями являются основы глаголов *CL-iga-* ‘любить’, *CL-aʔa-* ‘делать.PFV’, *li_{CL}i-* ‘есть.PFV’, *jiq'i-* ‘умирать.PFV’ (*CL* обозначает позицию для классного согласования). Контролеры — абсолютивные ИГ, соответственно, 2 класса (аргумент-стимул ‘Фатима’), 3 класса (пациенты ‘работа’ и ‘гриб’) и 1 класса (субъект непереходного глагола ‘ребенок, мальчик’).

(1) рутульский (с. Кина)

- a. *rasul-i-s* *r-iga-r=a* *fat'ima³*.
 Расул(1)-OBL-DAT 2-любить-CVB = быть.PRS Фатима(2).ABS
 ‘Расул любит Фатиму.’
- b. *wa-d* *g^walaχ* *w-aʔa-r=a-ma?*
 ты(1/2)-ERG работа(3).ABS 3-делать.PFV-CVB = быть.PRS-Q
 ‘Ты (сейчас) работаешь?’
- c. *č'iri-d* *paχ^w* *liwⁱ-r,*
 неправильный-ATTR гриб(3).ABS 3есть.PFV-CVB
χiniχ *jiq'i-r=a.*
 ребенок(1).ABS 1.умирать.PFV-CVB = быть.PRS
 ‘Съев несъедобный гриб, мальчик умер.’
 (полевые данные)

В (1) представлено сугубо «каноническое» согласование глагольной основы по роду. Далее мы сосредоточимся на согласовании в аналитических глагольных формах, где нас будет интересовать контролер согласования на вспомогательном глаголе (раздел 2). Мы также рассмотрим особый тип аналитических глагольных форм (или слабограмматикализованных конструкций) с континуативным значением, в которых наблюдается отличное от «канонического» согласование (раздел 3). Наконец, в разделе 4 мы обратимся к континуативным конструкциям других лезгинских языков и покажем, что различие в классном согласовании

³В последующих разделах немаркированные абсолютивные ИГ для простоты не сопровождаются ярлыком «ABS».

свидетельствует о различии в их структуре и, соответственно, степени грамматикализации.

2 Согласование вспомогательного глагола по роду в рутульском языке

2.1 Презенс и перфект с аналитической формой вспомогательного глагола

В случае, если глагол представлен не синтетической, а аналитической формой, состоящей из смысловой части и вспомогательного глагола, можно ожидать, что по общему правилу клаузуального согласования обе части аналитической формы будут иметь один и тот же контролер (абсолютивную ИГ). Проверить это, однако, можно лишь в том случае, если позиция для классного согласования имеется и на лексическом, и на вспомогательном глаголе. В рутульском примере (1) представлены аналитической формы — это презенсы *rigar* = *a* ‘любит’ и *waʔar* = *a* ‘делает’ и перфект *jiqʔir* = *a* ‘умер’. В состав обеих форм входит клитический вспомогательный глагол *a* ‘находиться внутри’, однако его основа не содержит позицию для классного согласования.

Презенс и имперфект — аналитические формы, образуемые при помощи имперфективного и, соответственно, перфективного деепричастия и вспомогательного глагола *a* в форме настоящего времени (таким образом, исходные структуры этих двух форм можно представить как ‘делая находится’ и ‘сделав находится’).

Глагол *a* ‘находиться внутри’ относится к числу стативных лексем с редуцированной парадигмой и немаркированной формой настоящего времени. У глаголов этой группы есть, однако, следующая особенность: наряду с простыми формами настоящего времени типа *a* у них имеются аналитические формы настоящего времени, состоящие из деепричастия (например, *a-ni* ‘быть-суб’) и связки. В свою очередь, связка в ряде говоров рутульского языка, в т. ч. в кининском, имеет две формы: короткую несогласуемую *i* и длинную *jiʔi* со «слабым» префиксальным рядом классных показателей (1/4 *jiʔi*, 2 *r-iʔi*, 3 *w-iʔi*). В результате аналитическая форма настоящего времени глагола *a* может выглядеть

Примеры (3)–(5) показывают, что в континуативной форме компоненты конструкции могут иметь разные контролеры классного согласования. Смысловый глагол всегда согласуется по общему правилу с абсолютивной ИГ. Вспомогательный же глагол *та«СЛ»а* в непереходной клаузе согласуется с абсолютивным субъектом (таким образом, в (3) мы не видим «рассогласования» между компонентами конструкции), в клаузе с экспериенциальным глаголом ‘бояться’ — с дативным субъектом (4), в переходной клаузе — с агенсом в эргативе (5). В примерах (5a)–(5b) с двумя ядерными актантами, относящимися к разным именным классам, хорошо видно, что согласование на вспомогательном глаголе не контролируется абсолютивной ИГ.

(3) рутульский (с. Кина)

riš *r-eše-ra* *та«а»а.*
 девочка(2) 2-плакать.IPFV-CVВ оставаться(2).PRS
 ‘Девочка все еще плачет.’ (полевые данные)

(4) рутульский (с. Кина)

χinχ-i-s *ubl-ešij-la* *gič'e-ra*
 ребенок(1)-OBL-DAT волк(3)-OBL.PL(SUP)-EL бояться.IPFV-CVВ
та«а»а.
 оставаться(1).PRS
 ‘Мальчик все еще боится волков.’ (полевые данные)

(5) рутульский (с. Кина)

- a. *χinχ-i-ra* *xed* *raʕva-ra*
 ребенок(1)-OBL-ERG вода(4) 4.пить.IPFV-CVВ
та«а»а.
 оставаться(1).PRS
 ‘Мальчик все еще пьет воду.’
- b. *git-iri-ra* *xed* *raʕva-ra* *та«а»а.*
 кошка(3)-OBL-ERG вода(4) 4.пить.IPFV-CVВ оставаться(3).PRS
 ‘Кошка все еще пьет воду.’ (полевые данные)

Тот факт, что компоненты конструкции имеют разные контролеры согласования, говорит о том, что мы в данном случае не имеем дело с «канонической» аналитической формой, в которой

глагол *та<СЛ>а* можно было бы назвать полностью грамматикализованным вспомогательным глаголом.

3 Согласование по роду в биклаузальных конструкциях нахско-дагестанских языков

3.1 «Эргативное согласование» в даргинских языках

Поведение рутульской континуативной конструкции, в которой, как это по крайней мере выглядит на поверхности, глагол *та<СЛ>а* ‘оставаться’ согласуется с дативным или эргативным субъектом, имеет как минимум одну близкую структурную параллель. Для ряда нахско-дагестанских языков даргинской группы описано согласование вспомогательного глагола с эргативным субъектом, иногда условно называемое «эргативным» согласованием. Так, пример (6) из тантынского показывает, что наряду с «каноническим» согласованием (6а), при котором оба компонента аналитической формы имеют одинаковое значение рода (получаемое от абсолютивного пациенса), согласование вспомогательного глагола может отличаться от согласования смыслового глагола. В (6б) значение категории рода связка *sa-CL* получает не от пациенса ‘дом’, а от агенса ‘Мурад’.

(6) тантынский

- a. *murad-li t'ant'i-b qali b-irq'-u-le = sa-b.*

Мурад(М)-ERG Танты-ESS дом(Н) N-делать.IPFV-PRS-CVB = COP-N
‘Мурад строит дом в Тантах.’

- b. *murad-li t'ant'i-b qali b-irq'-u-le = sa-j.*

Мурад(М)-ERG Танты-ESS дом(Н) N-делать.IPFV-PRS-CVB = COP-M
‘Мурад строит дом в Тантах.’

(Сумбатова, Ландер 2014: 452)

Для объяснения даргинского «эргативного» согласования в (Ganenkov 2018: 551) было предложено следующее решение. В действительности согласование вспомогательного глагола контролирует не эргативная ИГ, а кореферентная ей невыраженная

абсолютивная ИГ, входящая в связочную клаузу (условно говоря, ‘Мурад есть, Мурад дом строя’). Таким образом, согласование происходит все-таки по общему правилу с абсолютивом, хотя этот абсолютив и не виден на поверхности. По всей видимости, такую же структуру можно предполагать и для рутульской континуативной конструкции: абсолютивный «нуль», контролирующий согласование, является невыраженным субъектом глагола *та«г»а* (7) = (5a).

(7) рутульский (с. Кина)

— *χinχ-i-ra* *xed* *raʕa-ra*
 ребенок(1).ABS ребенок(1)-OBL-ERG вода(4) 4.пить.IPFV-CVB
та«г»а.
 оставаться(1).PRS

‘Мальчик все еще пьет воду (букв. мальчик все еще пребывает, мальчик выпивая воду).’ (полевые данные)

Несмотря на то что при элицитации континуативных конструкций в кининском говоре рутульского языка первыми всегда порождаются именно варианты с кодированием субъекта в зависимости от лексического глагола, как в примерах (4)–(5) выше, некоторые носители допускают абсолютивное кодирование. Так, в (8) при варианте с абсолютивным кодированием именной группы ‘Расул’ именно этот выраженный аргумент глагола ‘оставаться’ контролирует его согласование (в случае же эргативного кодирования согласование контролирует абсолютивный «нуль»).

(8) рутульский (с. Кина)

rasul-a / *ʔrasul* *χink'al* *ile-ra*
 Расул(1)-ERG Расул(1) хинкал(4) 4.есть.IPFV-CVB
та«г»а.
 оставаться(1).PRS

‘Расул все еще ест хинкал.’ (полевые данные)

Хотя вариант с абсолютивным кодированием в (8) является периферийным, он интересен тем, что показывает еще менее грамматикализованную конструкцию с двумя абсолютивами (субъекта и пациенса), известную в дагестановедении под именем биабсолютивной, или биноминативной, конструкции (Forker 2012).

3.2 Согласование в биабсолютивных конструкциях нахско-дагестанских языков

В работах, посвященных аналитическим формам глагола и их грамматикализации, развитие моноклаузных конструкций с «каноническими» аналитическими формами (типа рутульского презенса и перфекта в примерах (1)–(2)) традиционно описывается как преобразование биклаузных структур. Подразумевается, что в исходной конструкции у глагола типа ‘быть’ или ‘находиться’ имеется свой абсолютивный субъект (условно говоря, ‘X есть, делая’, ‘X находится, делая’). Впоследствии как падежное оформление субъекта, так и согласование вспомогательного глагола «выравниваются» по моноклаузной структуре, см. обсуждение в классических работах (Heine 1993; Harris, Campbell 1995; Kuteva 2001; Anderson 2006), среди прочих.

Применительно к переходной конструкции эргативных языков (в частности, нахско-дагестанских) это означает, что исходная структура является биабсолютивной, в процессе же ее эволюции смысловой и вспомогательный глагол образуют единство и падежное оформление агенса определяется уже лексическим глаголом (т.е. становится эргативным). Аналогичным образом меняется и классное согласование. Условно это развитие можно представить в виде следующей схемы (CL1 и CL2 — два различных именных класса):

(9) $ABS_{CL2} [ABS_{CL1} V_{CL1}] COP_{CL2} \rightarrow ERG ABS_{CL1} [V_{CL1} COP_{CL1}]$.

Пример того, как происходит гипотетическая перестройка биклаузной биабсолютивной конструкции в стандартную моноклаузальную конструкцию с аналитической формой глагола, на материале эргативного языка нахско-дагестанской семьи рассматривается в работе (Harris, Campbell 1995: 187–189). В (10a) показана биабсолютивная конструкция аварского языка аваро-андийской группы: ИГ ‘отец’ является субъектом при связке и контролирует согласование на ней, причастие же возглавляет вложенную клаузу, где префикс глагольной основы согласуется по абсолютивному пациенсу ‘лошадь’⁴.

⁴В аварском причастии имеется также суффиксальный показатель, который согласуется по той вершине, которую определяет причастная клауза: в (10a) вершины нет, однако референтом ИГ ‘тот, кто хвалит лошадь’, является отец.

(10) аварский⁵

- a. *eten* [ʃi *b-esi-ul-e-w*] *w-ugo*.
отец(М) лошадь(Н) N-хвалить-PRS-PTCP-М М-СОП
'Отец — тот, кто хвалит лошадь (букв. хвалящий лошадь).'
- b. *insu-sa* ʃi *b-esi-ul-e-b* *b-ugo*.
отец(М)-ERG лошадь(Н) N-хвалить-PRS-PTCP-Н Н-СОП
'Отец хвалит лошадь.'

(Harris, Campbell 1995: 187–189)

При переходе от (10a) к (10b) меняется

- падежное оформление субъекта 'отец': оно определяется уже не связкой (абсолютив), а переходным лексическим глаголом 'хвалить' (эргатив);
- согласование связки: она становится вспомогательным глаголом, и значение категории класса приписывается ей теперь пациентивной абсолютивной ИГ ('лошадь');
- согласование причастного показателя (аналогичным образом).

Очевидно, что изменения в падежном кодировании и в согласовании не обязательно происходят одновременно. Так, мы видели выше, что рутульская континуативная конструкция устроена «промежуточным» образом: если считать, что исходной структурой была биноминативная, то в континуативной конструкции кодирование агенса переходного глагола **уже** является каноническим (эргативным), однако согласование (полу)вспомогательного глагола *ta<CL>a* **все еще** контролируется его абсолютивным аргументом.

3.3 Вариативность падежного кодирования и согласования в континуативных конструкциях лезгинских языков

Для определения того, насколько параллельны процессы изменения падежного кодирования и стратегии согласования в глагольных конструкциях, желательно привлечение данных о большом количестве таких конструкций, включая как собственно ана-

⁵Мы немного модернизировали транскрипцию и глоссы аварских примеров (что не влияет на интерпретацию, предложенную авторами).

литический формы глагола, так и близкие к ним, однако менее грамматикализованные конструкции с видо-временным или модальным значением. Ниже мы ограничимся лишь одной группой конструкций в лезгинских языках, а именно конструкциями с континуативным значением ('все еще делает, продолжает делать'). Континуативные конструкции представлены в пяти из девяти лезгинских языков: в трех восточнолезгинских (лезгинском, табасаранском и агульском), в одном из западнолезгинских (рутульском, как мы уже видели выше) и в арчинском. Не представлена континуативная конструкция в цахурском, двух южнолезгинских языках (крызском, будухском) и в удинском. Подробнее о континуативных конструкциях лезгинских языков см. (Майсак 2024).

Структурно континуативные конструкции представлены двумя типами: в большинстве языков — сочетанием имперфективного деепричастия и вспомогательного глагола 'оставаться, все еще быть' (именно эта модель используется в рутульском), в арчинском языке — сочетанием особого континуативного деепричастия и обычной связки. К сожалению, в большинстве языков вспомогательный глагол в составе континуативной конструкции не имеет позиции для классного согласования. При этом они проявляют вариативность в падежном оформлении субъекта переходного глагола (эргатив или абсолютив), соответствуя, тем самым, разным стадиям в гипотетическом сценарии развития от биклаузальных к моноклаузальным структурам.

Итак, в **рутульском** языке континуативная конструкция «имперфективное деепричастие + глагол 'оставаться, все еще быть'» характеризуется согласованием вспомогательного глагола по его абсолютивному субъекту; этот абсолютивный субъект на поверхности не выражается, вариант с абсолютивным маркированием агенса допускается лишь ограниченно (см. разделы 2.2 и 3.1).

В двух восточнолезгинских языках (лезгинском и агульском) категория рода утрачена; в табасаранском языке она сохранилась, однако глагол *amí* 'оставаться, все еще быть' не имеет позиции для согласования. С точки зрения оформления агенса в переходной континуативной конструкции языки ведут себя следующим образом⁶: в **лезгинском** и **табасаранском** допустимо толь-

⁶Предлагаемое ниже описание поведения континуативных конструкций основано на данных определенных вариантов (диалектов) указанных языков и/или суждении конкретных носителей; мы не исключаем, что и в данных языках по

ко эргативное кодирование (11), (12), в **агульском** языке предпочтительно эргативное кодирование, однако абсолютивное также возможно (13).⁷

(11) лезгинский (кусарский)

a.da fu ne-z-ma.

тот(ERG) хлеб есть-IPFV.CVB-CNT

‘Он все еще ест.’

(А. Бабалиева, л.с.)

(12) табасаранский (южный)

*dada.ji / *dada χu^hni kudu^hzu-ri ami.*

мать(ERG) мать корова(N) доить(N).IPFV-CVB оставаться.PRS

‘Мама все еще доит корову.’

(М. А. Гасанова, л.с.)

(13) агульский (хпюкский говор)

baw.a / ^{OK}baw ħüni uza-j ame-a.⁹

мать(ERG) мать корова доить.IPFV-CVB оставаться.PRS

‘Мама все еще доит корову.’

(С. Р. Мерданова, л.с.)

В **арчинском** языке связка, выступающая в континуативной конструкции в роли вспомогательного глагола, согласуется по роду со своим абсолютивным субъектом (соответствующим агенту в переходной конструкции). Кодирование субъекта традиционно описывается как исключительно абсолютивное (это означает, что континуативная конструкция в арчинском языке может быть только биабсолютивной), ср. (Кибрик 1977: 189; Chumakina, Bond 2016: 91).

(14) арчинский

a. Buta buq' b-er^hk'u-r-mat w-i.

Бутта(1) зерно(3) 3-IPFV<переворачивать>-IPFV-CNT 1-быть.PRS

‘Бутта (все еще) перебирает зерно.’

рассматриваемым нами параметрам можно обнаружить вариативность при привлечении большего объема данных.

⁷В примерах (11)–(13) точкой в первой строке отделяется показатель косвенной основы. Немаркированная косвенная основа представляет собой форму эргативного падежа; остальные косвенные падежи образуются от нее при помощи падежных суффиксов.

⁹Знак ОК означает, что данный тип кодирования не является основным, однако также расценивается носителем как грамматичный.

- b. **Buta-mi buq' b-eʃk'u-r-mat*
 Бутта(1)-ERG зерно(3) 3-⟨PFV⟩перебирать-IPFV-CNT
w-i.
 3-быть.PRS

Ожид. значение: 'Бутта (все еще) перебирает зерно.'
 (Chumakina, Bond 2016: 91)

По уточненным данным, однако, эргативное кодирование агенса также допускается, по крайней мере некоторыми носителями, см. (15); в этом случае связка принимает каноническое согласование с пациентивной абсолютивной ИГ.

- (15) арчинский
^{OK}*pat'imat-li q'wib b-oʃL'im-mat*
 Патимат(2)-ERG картошка(3) 3-⟨PFV⟩копать-IPFV-CNT
b-i.
 3-быть.PRS

'Патимат все еще копает картошку.'

(М. А. Даниэль, л.с.)

Данные лезгинских языков, приведенные в этом разделе, суммированы в Таблице 1. Языки упорядочены в порядке «возрастания биклаузалности» с точки зрения кодирования агенса и согласования вспомогательного глагола. На основе этой таблицы можно сформулировать вероятные стадии развития континуативной конструкции (от биклаузалной биабсолютивной структуры к «канонической» аналитической форме) следующим образом:

- агент является аргументом связки или глагола 'оставаться', имеет абсолютивное кодирование и контролирует согласование на связке или глаголе 'оставаться';
- агент принимает эргативное кодирование, абсолютивный субъект при вспомогательном глаголе остается лишь в виде нуля, который контролирует согласование на вспомогательном глаголе;
- агент принимает эргативное кодирование, абсолютивный субъект при вспомогательном глаголе отсутствует.

Таким образом, при переходе от биабсолютивной конструкции к стандартной моноклаузалной аналитической форме сначала меняется падежное кодирование выраженного аргумента (агенса), затем происходит изменение согласования вспомога-

язык	агенса		согласование вспомогательного глагола
	основное кодирование	вариативность	
лезгинский	ERG	*ABS	нет
табасаранский	ERG	*ABS	нет
рутульский	ERG	*/OK ABS	с агенсом
агульский	ERG	OK ABS	нет
арчинский	ABS	*/OK ERG	с агенсом (ABS ABS) / с пациенсом (ERG ABS)

Таблица 1: Континуативная конструкция от переходного глагола

тельного глагола. Заметим, что приближение к моноклаузальной структуре может сопровождаться и превращением аналитической структуры в синтетическую, что по сути произошло в лезгинском языке — континуативные формы описываются в лезгинских грамматиках среди ядерных форм синтетической парадигмы, поскольку глагол *ата* ‘оставаться, все еще быть’ редуцирован до *-та* и расценивается как суффикс.

4 Заключение

На примере рутульского языка лезгинской группы нахско-дагестанской семьи мы рассмотрели «каноническое» согласование вспомогательного глагола в аналитических формах. В формах переходного глагола такое согласование происходит по общему принципу, с абсолютивной пациентной ИГ, как на смысловой части, так и на вспомогательном глаголе. Однако рутульская континуативная конструкция демонстрирует неканоническое согласование — несмотря на наличие выраженного эргативного агенса и абсолютивного пациенса, согласование происходит с нулевым абсолютивом при (полувспомогательном) глаголе *та* «CL»а ‘оставаться’. В данном случае мы уже не имеем дела с канонической моноклаузальной структурой.

Далее мы сравнили свойства континуативных конструкций пяти лезгинских языков, которые демонстрируют вариативность по параметрам кодирования агенса и согласования с вспомога-

тельным глаголом. Если принять традиционную точку зрения о том, что диахронически исходной является биклаузальная биабсолютивная структура (условно говоря, ‘Мама все еще доит корову’ = (16a)¹⁰), развитие этой структуры в сторону моноклаузальности мы можем представить следующим образом. Сначала меняется падежное кодирование первого аргумента на эргативное, с сохранением согласования по нулевому абсолютиву при бытийном глаголе (16b). Затем происходит и изменение согласования вспомогательного глагола, с переходом к классической «аналитической форме», оба компонента которой имеют один контролер согласования и могут морфологизоваться в слитную синтетическую форму (16с).

- (16) а. Мама_{ABS} [корову_{ABS} доя] **остается**.
 б. _{ABS} [Мама_{ERG} [корову_{ABS} доя] **остается**.
 с. Мама_{ERG} **корову**_{ABS} [доя **остается**].

Список условных сокращений

1, 2, 3, 4 — 1, 2, 3, 4 род; ABS — абсолютив; ATTR — атрибутив; CNT — континуатив; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; Q — вопрос; SUP — локализация ‘на, над’.

Литература

- Кибрик А. Е. (1977). *Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Таксономическая грамматика*. М.: Издательство МГУ.
 Майсак Т. А. (2024). «Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки)». *Вопросы языкознания* 3. 60–98.
 Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. (2014). *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: ЯСК.
 Anderson G. D. S. (2006). *Auxiliary verb constructions*. Oxford: OUP.

¹⁰В (16) полужирным выделяются контролер и мишень согласования.

- Chumakina M., Bond O. (2016). "Competing controllers and agreement potential". *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Ed. by O. Bond, G. G. Corbett, M. Chumakina, D. Brown. Oxford: OUP. 77–117.
- Forker D. (2012). "The bi-absolutive construction in Nakh-Daghestanian". *Folia Linguistica* 46.1. 75–108.
- Ganenkov D. (2018). "Gender agreement alternation in Aqusha Dargwa: A case against information structure". *Studies in Language* 42.3. 529–561.
- Harris A. C., Campbell L. (1995). *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: CUP.
- Heine B. (1993). *Auxiliaries: cognitive forces and grammaticalization*. New York: OUP.
- Kuteva T. A. (2001). *Auxiliation*. Oxford: OUP.

Глагольные формы в условных конструкциях в татышлинском удмуртском

Анастасия Дмитриевна Подгорная

МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье рассматривается оформление условных конструкций с союзом *ke* 'если' в татышлинском говоре удмуртского языка. Выбор глагольных форм в частях конструкции зависит от эпистемического статуса условия и временной референции. Мы описываем отличия употреблений глагольных форм в условных конструкциях от независимых употреблений и обсуждаем данные в типологической перспективе. Среди выявленных особенностей можно отметить употребление форм прошедшего времени в протасисе с референцией к реальному условию в будущем, эвиденциального прошедшего для референции к реальному условию в прошедшем и конкуренцию кондиционалиса и имперфекта в конструкции нереального условия.

Verb forms in conditional constructions in Tatyshly Udmurt

Anastasia D. Podgornaia

Lomonosov MSU

The article deals with conditional constructions with the conjunction *ke* 'if' in the Tatyshly variety of Udmurt. The choice of verb forms in the parts of constructions is determined by the epistemic status of the condition and temporal reference. I describe the differences in the use of verb forms in conditional constructions in contrast to their independent uses and consider the data in a typological perspective. Among the peculiarities, one can note the use of past tense forms in reference to a real future condition, the evidential past in clauses referring to a real condition in the past, and the competition of conditional and imperfect in unreal conditional constructions.

1 Введение

В статье рассматривается употребление глагольных форм в условных конструкциях (далее УК) в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект). Мы используем материал, собранный методом анкетирования в 2023–2024 гг. в Татышлинском районе Респ. Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Бигинеево, с. Нижнебалтачево, Новые Татышлы), а также данные диалектного корпуса (далее КТУ)¹.

Основным средством выражения условия в татышлинском удмуртском является полипредикативная конструкция, в которой протасис (зависимая клауза) содержит финитный глагол и союз *ke* ‘если’ и описывает «такое положение дел, которому в случае его осуществления сопутствует другое положение дел», обозначаемое в аподосисе (главной клаузе) (Храковский 1998: 22), ср.:

- (1) *tak što lăkt-i-dâ ke, so žuk-en s’ekta-lo-m.*
 приходить-PST-2PL если тот каша-INS угощать-FUT-1PL
 ‘Так что если приедете, этой кашей угостим.’
 (КТУ: ANF-072019_VI_sijon)

Параметры, релевантные для оформления УК в языках мира, описаны в разделе 2. Данные татышлинского удмуртского рассматриваются в разделе 3. Обобщения представлены в заключении (раздел 4).

2 Типы условных конструкций

Маркирование полипредикативных УК типологически разнообразно.

Среди параметров, определяющих его выбор, чаще всего обсуждается отношение ситуации протасиса к реальному миру — ее **эпистемический статус** на шкале от истинности до ложности (контрфактичности), см. (Akatsuka 1985; Comrie 1986: 88–93; Храковский 1998: 34–35; Подлеская 1999: 256–258) и мн. др.

Хотя нефактивность считается отличительным признаком УК (Comrie 1986: 79–80; Храковский 1998: 22), маркеры условного

¹ Корпус содержит ок. 48,6 тыс. словоупотреблений (октябрь 2024 г.) и доступен по ссылке <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

отношения в некоторых языках могут употребляться в протасисе, который вводит истинную в реальном мире пропозицию, составляющую новую для говорящего информацию, напр. *if* в английском, *no para* в японском (Akatsuka 1985: 628–631), *ägär* в мишарском татарском (Ермолаева и др. 2017: 480, 485). В татышлинском удмуртском, как, по-видимому, и в литературном (Тимерханова 2022: 191), фактивность события исключает употребление условной конструкции с *ke* и допускает только союзы со значением причины, ср.:

- (2) Контекст₁: Я знаю, что Данис гармонист, но не знаю, принес ли он на праздник гармошку. а^{OK}, б*

Контекст₂: Я вижу, что Данис пришел на праздник с гармошкой. а*, б^{OK}

- a. *garmoška-jed van' ke, šäd*
гармошка-POSS.2SG быть.PRS если играть.IMP.SG

mil'-em-lâ!

мы-POSS.1PL-DAT

‘Если у тебя есть гармошка, сыграй нам!’

- b. *garmoška-jed lû-em ber-e, šäd*
гармошка-POSS.2SG быть-NMLZ зад-ILL играть.IMP.SG

mil'-em-lâ!

мы-POSS.1PL-DAT

‘Раз у тебя есть гармошка, сыграй нам!’

Во многих языках различается маркирование (с помощью союзов, порядка слов, выбора глагольных форм) по крайней мере двух групп, получающих различные ярлыки, ср. реальные и нереальные УК в (Храковский 1998: 34), О-маркированные и Х-маркированные УК в (von Fintel, Iatridou 2023) и др. В первой группе скорее употребляются формы индикатива или особого условного наклонения. Для нереальных контекстов характерны неиндикативные формы (как в русском) или сдвиг временной референции индикативных форм при стирании темпоральных различий, в особенности часты формы, имеющие референцию к прошедшему. Так называемое «нечастое прошедшее» (fake past) есть, например, в английском, ср. *If he had come, I would be happy* ‘Если бы он (тогда) пришел, я был бы рад’ (Comrie 1986: 80), предполагающее контрфактивную интерпретацию. Другим типоло-

гически частым компонентом форм, употребляющихся в данных контекстах, является хабитуальная интерпретация (Comrie 1986: 92–93; Храковский 1998: 76–87; Iatridou 2000; Christofaro 2004).

На первый параметр накладывается **временная отнесенность частей УК** (Comrie 1986: 93–96; Храковский 1998: 37–38). Наиболее прототипическими УК являются реальные с локализацией частей в будущем (*Если он завтра придет, я буду рад*) и нереальные с локализацией в настоящем и прошедшем (*Если бы сейчас шел дождь, мы бы были дома; Если бы он тогда пришел, я был бы рад*), что соответствует «гипотетическим» и «контрфактическим» УК в классификации (Подлесская 1999: 257). Настоящее и прошедшее являются фактивными временными планами, но говорящий может не обладать достаточной информацией, чтобы оценить истинность события. Реальные УК с протасисом, относящим к этим временным планам, выделяются в особую группу, к примеру, «реальных» в (Подлесская 1999: 257), «эпистемических» (epistemic conditionals) в (Iatridou 2000: 237). Такое различие оправданно с точки зрения типологических закономерностей маркирования. Индикативные формы, сохраняющие временную референцию, свойственную им вне условных контекстов, скорее типичны для выражения реального условия в настоящем и прошедшем (Храковский 1998: 79).

Мира будущего еще не существует, поэтому любое утверждение о нем является гипотезой. Реальное условие в будущем может иметь особенности выражения относительно других планов. В некоторых языках есть ограничения на использование граммы будущего в таких контекстах, ср., например, употребление форм настоящего времени в футуральном протасисе в английском (Comrie 1982; Храковский 1998: 79–82). Будущее не может быть контрфактивным, однако свойственное таким контекстам маркирование появляется и в УК с референцией к будущему, выражающих события, которые говорящий оценивает как маловероятные («менее яркое будущее», англ. future less vivid (Iatridou 2000), например, *Если бы он завтра пришел, я был бы рад (но я и не надеюсь)*). В (von Fintel, Iatridou 2023) вместо различных терминов для обозначения такого маркирования предлагается говорить об X-маркировании, где за X не закреплена интерпретация.

В данной работе, помимо указанных параметров, вслед за (Храковский 1998: 35–37) мы рассматриваем также **таксисную зависимость между частями УК**, которая может выражаться в ви-

де предшествования, одновременности и следования. Наиболее естественным для УК является предшествование события протасиса событию аподосиса, в то время как трактовки отношения между частями УК при следовании протасиса аподосису (как в *Если это развеселит вас, я расскажу вам одну шутку*) различаются (Comrie 1986: 96; Храковский 1998: 36–37).

3 Глагольные формы в условных конструкциях в татышлинском удмуртском

3.1 Предыдущие исследования

В работах, рассматривающих литературный удмуртский (Вахрушев и др. 1974: 89–95; Riese 1984: 156–172; Тараканов 1998; Тимерханова 2022), а также бесермянский (Черемисинова 2021), указывается, что в реальных УК употребляются формы индикатива, а в нереальных — формы кондиционалиса (-sal).

Система финитных форм татышлинского говора не демонстрирует явных отличий от систем других вариантов удмуртского, см. о литературном (Перевошиков и др. 1962: 196–213), и в общих чертах описана в (Baidoullina 2003: 80–97). Подсистема индикатива включает настоящее (PRS), будущее (FUT), первое (PST) и второе (PST2) прошедшее (в традиционной терминологии). Прошедшие времена совместимы с перфективной, прогрессивной и хабитуальной интерпретацией и противопоставляются по эвиденциальному статусу пропозиции: второе прошедшее употребляется в инферентивных (говорящий делает вывод на основе наблюдаемых результатов ситуации) и репортативных (говорящий передает чужие слова) контекстах. Перечисленные формы с некоторыми ограничениями могут сочетаться с показателями ретроспективного сдвига *val* ‘быть.PST’ и *väl-em* ‘быть.PST2’, основной функцией которых является сдвиг локализации временной ситуации по оси времени назад, см. (Plungian, van der Auwera 2006). Такие сочетания отсылают к плану прошедшего и, по (Riese 1984: 172; Тараканов 1998: 173–174), возможны в нереальных УК, однако подробно относительно указанных выше параметров УК не описаны ни для одного варианта удмуртского.

3.2 Реальное условие

Для выражения реального условия в татышлинском удмуртском используются формы индикатива. Выбор формы в протасисе и аподосисе зависит от их абсолютной временной референции.

Протасис, локализованный в **будущем**, допускает употребление только формы PST. В (Черемисинова 2021) на материале бесермянского удмуртского высказывается предположение, что PST маркирует перфективный протасис. Наши данные показывают, что выбор этой формы в татышлинском говоре не зависит от видового ракурса, ср. (3) с перфективной и (4) с прогрессивной интерпретацией. Формы FUT признают естественными меньше информантов, и такие примеры отсутствуют в КТУ, в отличие от УК с формой PST, ср. (1). На аподосис ограничений не накладывается.

- (3) Контекст: В холодильнике не было места, и пришлось оставить бидон на столе.

ž'ól šukaje č'ārsa-Ø-z / ??č'ārsa-lo-z /
 молоко завтра киснуть-PST-3SG киснуть-FUT-3SG
**č'ārsa-Ø / *č'ārsa-m ke, kuz'atem*
 киснуть-PRS.3SG киснуть-PST2 если творог
les't-o-mâ.
 делать-FUT-1PL

‘Если завтра молоко скиснет, сделаем творог.’

- (4) Контекст: Сейчас шесть часов. Зина готовится к празднику.

z'ina sāgāt s'iz'ām-ân das'-a-s'k-i-z /
 Зина час семь-LOC готовый-VBLZ-DETR-PST-3SG
??das'-a-s'k-e / ??das'-a-s'k-o-z /
 готовый-VBLZ-DETR-PRS.3SG готовый-VBLZ-DETR-FUT-3SG
**das'-a-s'k-em ke ej, uz vūt-is'kâ.*
 готовый-VBLZ-DETR-PST2 если еще NEG.FUT.3 успевать-DETR

‘Если Зина в семь часов еще будет готовиться, [она] не успеет.’

Употребление формы прошедшего времени в футуральных реальных УК свойственно и литературному удмуртскому, как показывают примеры в (Вахрушев и др. 1974: 89–95). Данная стратегия зафиксирована, к примеру, в литературном арабском (Хра-

ковский 1998: 79), однако, по-видимому, не является типологически распространенной. По данным (Черемисинова 2021), в бесермянском удмуртском в протасисе FUT в общем случае приемлемо, что может указывать на диалектное варьирование.

При референции к настоящему времени в протасисе употребляется форма PRS:

- (5) Контекст: Данис хочет позвонить Ринату.

rinat al'i uža-Ø / ??uža-Ø-z /
 Ринат сейчас работать-PRS.3SG работать-PST-3SG
**uža-lo-z / *uža-m ke ej,*
 работать-FUT-3SG работать-PST2 если еще
t'el'efon-ze uz bas'tā.
 телефон-ACC.POSS.3SG NEG.FUT.3 братъ

‘Если Ринат сейчас еще работает, он не возьмет телефон.’

Для плана **прошедшего** времени в обеих частях УК используется PST2 (6)–(7). Его выбор, по-видимому, определяет незавершенность событий говорящим. Употребление эвиденциального прошедшего в реальных УК описано также, например, на материале мишарского татарского (Ермолаева и др. 2017: 481).

- (6) Контекст: Зина теперь не приезжает в село. Я помню, что она искала работу в Ижевске.

*z'ina iževsk-is' už šed't-em / *šed't-i-z ke,*
 Зина Ижевск-EL работа находить-PST2 находить-PST-3SG если
*otč'ā ulā-nā kōč'-em / *kōč'-i-z.*
 туда жить-INF переезжать-PST2 переезжать-PST-3SG

‘Если Залина нашла работу в Ижевске, она переехала туда.’

- (7) Контекст: Я не знаю, дозвонился ли Данис Ринату.

dan'is zvon'it' karā-kā, rinat uža-m /
 Данис звонить делать-CVB.SIM Ринат работать-PST2
*??uža-Ø-z / ??uža-Ø / *uža-lo-z*
 работать-PST-3SG работать-PRS.3SG работать-FUT-3SG
ke ej, so t'el'efon-ze bas'tā-mte.
 если еще тот телефон-ACC.POSS.3SG братъ-PST2.NEG

‘Если Ринат еще работал, когда Данис позвонил, он не взял телефон.’

Однако PST возможно при референции к прошедшему в аподосисе, описывающем событие, в котором говорящий участвовал. В переводах (8) носители также используют форму PST2, однако допускают и PST, отмечая отсутствие какого-либо различия. По-видимому, первая форма маркирует инферентивную семантику², в то время как возможность второй определяется тем, что говорящий имел прямой доступ к ситуации.

- (8) *šukaje kɥaz' zor-i-z ke, tolon buš-lâ*
 завтра погода дождить-PST-3SG если вчера пустой-DAT
turna-s'k-em-mâ / turna-Ø-mâ.
 косить-1-PST2-1PL косить-PST-1PL
 'Если завтра пойдет дождь, вчера мы косили зря.'

Такие примеры показывают, что выбор форм в протасисе зависит не от таксисного соотношения частей, а от абсолютной временной референции, так как ситуация 'завтра пойдет дождь' следует как за моментом речи, так и за ситуацией аподосиса, однако включает PST. Впрочем, сама возможность такого таксисного отношения в УК ставится под сомнение в (Храковский 1998: 36–37), где предполагается, что в таких случаях пропущена предикация, при восстановлении которой в УК реализуется отношение с предшествованием протасиса. В случае (8) за событием 'завтра пойдет дождь' следует ситуация получения информации (learning event (Коев 2016)) и производимый говорящим логический вывод, что дает прочтение 'если завтра пойдет дождь, я буду считать, что вчера мы косили зря'.

При одновременности ситуаций выбор форм в протасисе подчиняется описанным выше закономерностям:

- (9) Контекст: Ринат и Данис подменяют друг друга.

- a. *rinat šukaje turâm turna-Ø-z ke, so vakât-e*
 Ринат завтра сено косить-PST-3SG если тот время-ILL
dan'is ž'al kar-o-z.
 Данис отдых делать-FUT-3SG
 'Если Ринат завтра будет косить сено, Данис в это время будет отдыхать.'

²Данный контекст предполагает «отложенную реализацию» (deferred realization) (Коев 2016), так как говорящий осознает напрасность своих действий на основании инферентивного вывода уже после соответствующего события.

- b. *rinat al'i turâm turna-Ø ke, dan'is ž'al*
 Ринат сейчас сено косить-PRS.3SG если Данис отдых
kar-e.
 делать-PRS.3SG
 'Если Ринат сейчас косит сено, Данис отдыхает.'
- c. *rinat tolon turâm turna-m ke, so vakât-e dan'is*
 Ринат вчера сено косить-PST2 если тот время-ILL Данис
ž'al kar-em.
 отдых делать-PST2
 'Если Ринат вчера косил сено, Данис в это время отдыхал.'

3.3 Нереальное условие

Наиболее естественным средством маркирования нереального условия в татышлинском удмуртском является **кондиционалис**, и такие случаи представлены в корпусе, ср.:

- (10) *soz'â ke ôj dâšetâ-sal-zâ mon-e, mon*
 так если NEG.PST учить-COND-3PL я-ACC я
заслуженный работник ôj lû-sal-Ø
 NEG.PST быть-COND-1SG
u²-ца.
 NEG.PRS.3-Q

'Если бы меня так не учили, я бы заслуженным работником не стала, да ведь.' (КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota)

Опрос носителей показал, что нереальные УК могут также быть оформлены с помощью **сочетания формы настоящего времени с показателем ретроспективного сдвига *val*³**. Временная отнесенность частей УК на выбор формы не влияет: примеры (11a)–(11b) в зависимости от выбора темпорального выражения могут интерпретироваться как слабая гипотеза о будущем или контрфактивное заключение о прошедшем. Помимо симметричного устройства клауз, возможно также употребление в прота-

³Почти все опрошенные носители признают возможным также другой показатель ретроспективного сдвига — *vâl-em* 'быть-PST2'. В (11) его употребление совместимо, например, с репортативным контекстом, при котором говорящий пересказывает информацию с чужих слов.

сисе PRS с *val*, а в аподосисе — кондиционалиса (11с). Большинство носителей признает грамматичным и обратное соотношение (11d), см. примеры из литературного удмуртского в (Тараканов 1998: 174).

- (11) a. *z'ina {jegenč'i / kâl'-em} ar-ân*
 Зина следующий оставаться-PTCP.PST год-LOC
ževsk-is' už šed'tâ-sal ke, otč'â ulâ-nâ
 Ижевск-EL работа находить-COND если туда жить-INF
kôč'â-sal.
 переезжать-COND
- b. *z'ina {jegenč'i / kâl'-em} ar-ân ževsk-is'*
 Зина следующий оставаться-PTCP.PST год-LOC Ижевск-EL
už šed't-e ke val, otč'â ulâ-nâ
 работа находить-PRS.3SG если быть.PST туда жить-INF
kôč'-e val.
 переезжать-PRS.3SG быть.PST
- c. *z'ina {jegenč'i / kâl'-em} ar-ân ževsk-is'*
 Зина следующий оставаться-PTCP.PST год-LOC Ижевск-EL
už šed't-e ke val, otč'â ulâ-nâ
 работа находить-PRS.3SG если быть.PST туда жить-INF
kôč'â-sal.
 переезжать-COND
- d. *?z'ina {jegenč'i / kâl'-em} ar-ân*
 Зина следующий оставаться-PTCP.PST год-LOC
ževsk-is' už šed'tâ-sal ke, otč'â ulâ-nâ
 Ижевск-EL работа находить-COND если туда жить-INF
kôč'-e val.
 переезжать-PRS.3SG быть.PST
- ‘Если бы Зина в {следующем / прошлом} году нашла работу в Ижевске, переехала бы туда.’

Формы PRS с показателем *val* в независимых употреблениях относятся к плану прошедшего и получают прогрессивную или хабитуальную интерпретацию (12), однако в УК они могут сочетаться и с перфективным прочтением (11).

- (12) a. *mon bertâ-kâ, anaj šâd pòz't-e*
 я возвращаться-CVB.SIM мать суп варить-PRS.3SG
val.
 быть.PST
 'Когда я вернулся, мама варила / *сварила суп.'
- b. *mon az'lo ättä šâd pòz't-is'ko-Ø val.*
 я раньше всегда суп варить-PRS-1SG быть.PST
 'Я раньше часто варил суп.'

Такое поведение форм, выражающих значения имперфективного кластера или специализированно хаби́туалис в прошедшем, в контекстах нереального условия фиксируется во многих других языках (Christofaro 2004; Iatridou 2000).

4 Заключение

В статье описано употребление глагольных форм в татышлинском удмуртском с опорой на параметры, предложенные в (Храковский 1998): эпистемический статус ситуации (реальное или нереальное условие), временная референция частей (будущее, настоящее, прошедшее) и их таксисные отношения.

При выражении реального условия в татышлинском удмуртском в обеих клаузах полипредикативной конструкции используются простые индикативные формы: формы настоящего времени и эвиденциального прошедшего сохраняют особенности независимых употреблений, в то время как первое прошедшее используется для описания условия в будущем, а форма будущего в протасисе оказывается маргинальной. Тот факт, что футуральное реальное условие может иметь особенности выражения, соответствует типологическим тенденциям, однако выбор граммы прошедшего времени требует объяснения — вопрос о роли прошедшего в условных контекстах рассматривается прежде всего в связи с нереальным условием, см. обзор подходов в (von Fintel, Iatridou 2023).

Для нереального условия в татышлинском удмуртском доступны две стратегии: первая предполагает использование форм кондиционалиса, встречается в текстах и активно используется носителями по сравнению со второй, включающей формы настоящего времени с показателем ретроспективного сдвига *val*, ср. то

же наблюдение о литературном удмуртском в (Тараканов 1998: 176). Как наличие особого наклонения, так и использование формы имперфекта в нереальных условных конструкциях фиксируется на материале других языков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; COND — кондиционалис; CVB.SIM — деепричастие одновременности; DAT — датив; DETR — детранзитив; EL — элатив; FUT — будущее время; IMP — императив; INF — инфинитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — первое прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; SG — единственное число; Q — вопросительная частица.

Литература

- Вахрушев В. М., Захаров В. Н., Калинина Л. И., ред. (1974). *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения*. Ижевск: Удмуртия.
- Ермолаева М. Б., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. (2017). «Обстоятельственные предложения». *Элементы татарского языка в типологическом освещении*. Под ред. С. Г. Татевосова, А. Г. Пазельской, Д. Ш. Сулейманова. М.: Буки Веди. 472–524.
- Подлесская В. И. (1999). «Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация». *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика*. Под ред. Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестельца. М.: Языки русской культуры. 255–273.
- Тараканов И. В. (1998). «Условное наклонение, его значения и происхождение суффикса -сал в удмуртском языке». *Исследования и размышления об удмуртском языке*. Ижевск: Удмуртия. 168–180.
- Тимерханова Н. Н. (2022). «Выражение кондициональности в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка (семантические и структурные особенности)». *Финно-угорский мир* 14.2. 186–195.

- Храковский В. С. (1998). «Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология)». *Типология условных конструкций*. Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука. 7–96.
- Черемисинова М. О. (2021). «Реальные условные конструкции в бесермянском удмуртском». *Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов*. Под ред. Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимова. СПб.: ИЛИ РАН. 199–202.
- Akatsuka N. (1985). “Conditionals and the epistemic scale”. *Language* 61.3. 625–639.
- Baidoullina A. (2003). “Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология”. MA thesis. Tartu Ülikool.
- Christofaro S. (2004). “Past habituals and irrealis”. *Studies in the Theory of Grammar 3. Irrealis and Irreality*. Ed. by Y. A. Lander, V. A. Plungian, A. Y. Urmanchieva. Moscow: Gnosis. 256–272.
- Comrie B. (1982). “Future time reference in the conditional protasis”. *Australian Journal of Linguistics* 2.2. 143–152.
- (1986). “Conditionals: a typology”. *On conditionals*. Ed. by E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson. Cambridge: CUP. 77–100.
- Iatridou S. (2000). “The grammatical ingredients of counterfactuality”. *Linguistic Inquiry* 31.2. 231–270.
- Koev T. (2016). “Evidentiality, learning events and spatiotemporal distance: The view from Bulgarian”. *Journal of Semantics* 34.1. 1–41.
- Plungian V. A., van der Auwera J. (2006). “Towards a typology of discontinuous past marking”. *Language Typology and Universals* 59.4. 317–349.
- Riese T. (1984). *The conditional sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic languages*. Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs.
- von Stechow P., Iatridou S. (2023). “Prolegomena to a theory of X-marking”. *Linguistics and Philosophy* 46.6. 1467–1510.

Синтаксис сочинения в терском диалекте кумыкского языка*

Петр Олегович Россыйкин

МГУ имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена полисиндетическим сочинительным конструкциям $_ = dA$ $_ = dA$ и $ja(=dA)_ ja(=dA)_$ в терском диалекте кумыкского языка. Они допускают конъюнкты разных синтаксических категорий, однако показатель $=dA$ не может присоединяться к строго финитной форме глагола прошедшего времени на $-dI$, т. е. недопустимы конструкции $V_1 = dA$, $V_2 = dA$, где V — глагол в указанной форме. Мы используем анализ сочинительных конструкций из (Mitrović 2021) для объяснения этого ограничения. А именно, мы предполагаем, что при сочинении полных клауз (CP) с фонологически пустой левой периферией энклитический показатель не может найти для себя «хост», поскольку энклитика и остальной фонологической материал находятся в разных фазах. Это ограничение обходится при присоединении выраженного показателя ja , к которому клитизуется $=dA$.

Syntax of coordination in Terek Kumyk

Petr O. Rosseyaykin

Lomonosov MSU

In this paper we discuss polysyndetic coordination constructions $_ = dA$ $_ = dA$ and $ja(=dA)_ ja(=dA)_$ in Terek Kumyk. They can be used with coordinands of different syntactic categories, however $=dA$ cannot be marked on strictly finite past tense verb form $-dI$, i. e. $V_1 = dA$, $V_2 = dA$ is unacceptable if V is in the aforementioned form. We use Mitrović's (2021) analysis of coordinate constructions to account for this constraint. In particular, we argue that when CPs with phonologically empty left periphery are coordinated, the enclitic $=dA$ cannot find a host because it is located in a separate phase from other phonologically overt elements. This constraint is circumvented when ja is merged, to which $=dA$ can cliticize.

*Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285).

1 Введение

В терском диалекте кумыкского языка¹ сочинение выражается с помощью маркирования аддитивным показателем $=dA^2$ каждого из конъюнктов (1). Существуют и другие сочинительные показатели, например, *i* и *wa*, заимствованные из русского и арабского (возможно через другие языки) соответственно³, однако при переводе примеров с русского на кумыкский опрошенные нами носители предпочитали использовать именно типичную для тюркских языков конструкцию $_ = dA _ = dA$.⁴ Далее мы будем обсуждать только этот способ сочинения.

- (1) *xabib = de osman = na toj-wa gel-di.*
 Хабиб = ADD Осман = ADD свадьба-DAT прийти-PST
 ‘И Хабиб, и Осман пришли на свадьбу.’

Клитика $=dA$ транскатегориальна. Ниже приводятся примеры с сочинением наречий (2) и глагольных групп (3).⁵ (Отметим, что оба примера в (3) не всегда оцениваются носителями как идеальные.)

¹ Данные собраны в с. Предгорное Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания методом анкетирования в ходе экспедиций ОТИПЛ ИГУ в 2022 и 2023 гг. Примеры наши, если не указано иное.

² В показателе $=dA$ гласный ассимилируется с основой по ряду, а согласный по назализации; соответственно возможны формы $=da$, $=de$, $=na$, $=ne$. Здесь и далее заглавными буквами обозначаются сегменты, реализующиеся различным образом в зависимости от ряда. /G/ реализуется как [g] или [в], /A/ — как [e] или [a], /I/ — как [i] или [i̯].

³ О происхождении *wa* см. в грамматике литературного кумыкского языка (Гаджихмедов и др. 2014: 406), см. также обсуждение этого союза в грамматике лезгинского языка (Haspelmath 1993: 329), данные которого приводятся ниже.

⁴ Также возможно сочинение ИГ с помощью комитативного показателя *bulan*, часто используемого в стяженной форме *-mɒɒɒ*.

⁵ В терском кумыкском существует форма конверба *-GAɒ-nA* с семантикой предшествования, предположительно состоящая из показателей перфекта *-GAɒ* и локатива *-dA* (с назализацией согласного). Поскольку аддитивный показатель поверхностно неотличим от локативного, пример (3а) имеет альтернативный анализ, где *aɒa-waɒ-na* — конверб предшествования и только второе вхождение *dA* соответствует аддитиву. Значение предложения в таком случае будет практически неотличимо от значения, указанного в (3а): ‘После того, как Алихан поел, он и попил’. Однако такой анализ предположительно неверен, поскольку, по данным (Дорофеева и др. 2022), одиночный аддитив в терском кумыкском не может находиться в конце глагольной финитной предикации.

- (2) *albina tüne = ne bugün = ne gel-ge.*
 Альбина вчера = ADD сегодня = ADD приходить-PFCT
 ‘Альбина приходила и вчера, и сегодня.’

- (3) a. *alixan aša-kan = na, ič-gen = ne.*
 Алихан есть-PFCT = ADD пить-PFCT = ADD
 ‘Алихан поел и попил.’
 b. *?alixan aša-j = da, ič-e = de.*
 Алихан есть-IPFV = ADD пить-IPFV = ADD
 ‘Алихан ест и пьет.’

Глагольные формы в (3) — не строго финитные. Перфект *-GA(n)* может использоваться в качестве причастия, а имперфектив *-j/-A* — в качестве деепричастия:

- (4) *kamil özü süj-e-gen jir-ka tingla-j*
 Камил сам.GEN любить-IPFV-PFCT песня-DAT слушать-IPFV
tur-up ij-ge bar-a-di.
 стоять-CONV дом-DAT идти-IPFV-PST
 ‘Камиль шел домой, слушая свою любимую песню.’

Сочинение строго финитных форм прошедшего времени на *-di* с помощью *_ = dA _ = dA* недопустимо:

- (5) **alixan aša-di = da, ič-di = de.*
 Алихан есть-PST = ADD пить-PST = ADD
 Ожид. знач.: ‘Алихан поел и попил.’

Дизъюнкция выражается с помощью распространенного в кавказском ареале препозитивного⁶ показателя *ja* персидского происхождения⁷ (6). Как и *= da*, он транскатегориален, при этом он может сочетаться и со строго финитной глагольной формой прошедшего времени (6d). Как видно из (6), показатели *ja* и *= dA* мо-

⁶Препозитивные показатели нетипичны для терского кумыкского и тюркских языков в целом. Насколько мы можем судить, препозитивными могут быть только заимствованные показатели, например *hatta* ‘даже’ в стандартном кумыкском, заимствованный из арабского (возможно, через персидский) (Gast, van der Auwera 2013b: 129), и *het* ‘и’ в турецком, заимствованный из персидского (Szabolcsi 2018: 24).

⁷В грамматике литературного кумыкского языка (Гаджихмедов и др. 2014: 406) этот показатель отнесен к исконно кумыкским. Мы склонны считать, что он имеет персидское происхождение, см. (Рубинчик 2001: 331). Этот вопрос не влияет на обсуждаемый анализ.

гут формировать сложную дизъюнкцию $ja = da_ ja = da_$. В этом случае сочинение строго финитных форм также допустимо.

- (6) а. *toj-ka ja(=da) xabib ja(=da) osman*
свадьба-DAT DISJ=ADD Хабиб DISJ=ADD Осман
gel-ežik.
приходить-FUT
‘На свадьбу придет либо Хабиб, либо Осман.’
- б. *alixan ja(=da) aša-kan, ja(=da) ič-gen.*
Алихан DISJ=ADD есть-PFCT DISJ=ADD пить-PFCT
‘Алихан либо поел, либо попил.’
- в. *osman ja(=da) išle-j, ja(=da) uxla-j.*
Осман DISJ=ADD есть-IPFV DISJ=ADD пить-IPFV
1. ‘Осман или работает, или спит (сейчас).’
2. ‘Осман то работает, то спит.’
- д. *alixan ja(=da) aša-di, ja(=da) ič-di.*
Алихан DISJ=ADD есть-PST DISJ=ADD пить-PST
‘Алихан либо поел, либо попил.’

Дизъюнкция $ja(=da)_ ja(=da)_$ не вполне допустима в эпизодическом прошедшем (6d), что предположительно обусловлено семантическими причинами; ср. схожую или аналогичную дистрибуцию корейской дизъюнкции *-na* (Hong 2013: 506–509).

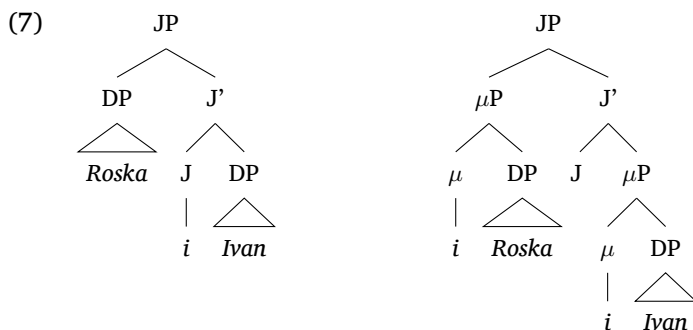
Далее мы обсудим ограничение, показанное в (5), основываясь на анализе сочинительных конструкций из (Mitrović 2021), описанном в разделе 2. В разделе 3 мы покажем, что он делает верные предсказания в приложении к кумыкским данным: недопустимость сочинения финитных глагольных форм связана с нахождением энклитики (в данном случае $=dA$) и финитного глагола в разных фазах (Chomsky 2001). В результате произнесения (Spell-Out) фазы (в данном случае компонента C), в которой находится финитный глагол, $=dA$ зависит в позиции без какого-либо выраженного «хоста» и соответственно не может клитизоваться к чему-либо, что объясняет недопустимость (5). При присоединении ja в более высокой структурной позиции возникает подходящий хост для $=dA$, что объясняет допустимость (6d).

2 Анализ сочинения в (Mitrović 2021)

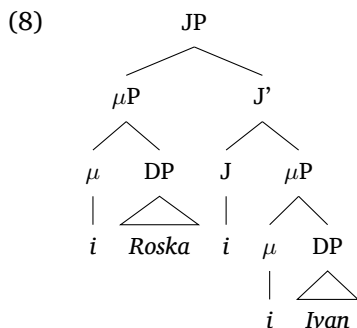
2.1 Структура сочинения

В соответствие с анализом (Mitrović 2021; Mitrović, Sauerland 2016), в конструкциях типа $_ = dA _ = dA$ или рус. $u _ u _$ показатели, маркирующие каждый из конъюнктов, не являются собственно сочинительными. За сочинение отвечает единственная вершина J, которая может быть фонологически не выражена, а повторяющиеся показатели находятся внутри конъюнктов (вершина μ^8) и имеют стандартную аддитивную семантику.

В русском языке показатель *и* может соответствовать как J, так и μ — см. левое и правое дерево в (7).

J и μ могут быть выражены одновременно, что видно, например, в македонском (8) (Mitrović 2021: 29–30).

⁸Название вершины дано в честь японского аддитивного показателя *-то*, примерно соответствующего русскому *и* и тюркскому *da*.

Структура дизъюнкции аналогична — за сочинение отвечает та же вершина J, а повторяющиеся показатели находятся внутри дизъюнктов в вершине κ (в честь японского показателя *-ka*).

В (9) даны примеры из лезгинского языка, где используется та же дизъюнкция *ja_ ja_*, что и в терском кумыкском, и допустимо ее сочетание с выраженным сочинительным показателем *wa*, упоминавшимся в начале раздела 1, который в конструкциях без *ja* выступает в качестве показателя конъюнкции (10). В (11) показаны структуры сочинительной конструкции JP в (9).⁹

(9) лезгинский

- a. *Paka Selim ja [šherdi-z fi-da] ja [k'wal-e*
завтра Селим κ город-DAT идти-FUT κ дом-INNESS
k'walax-da].
работать-FUT

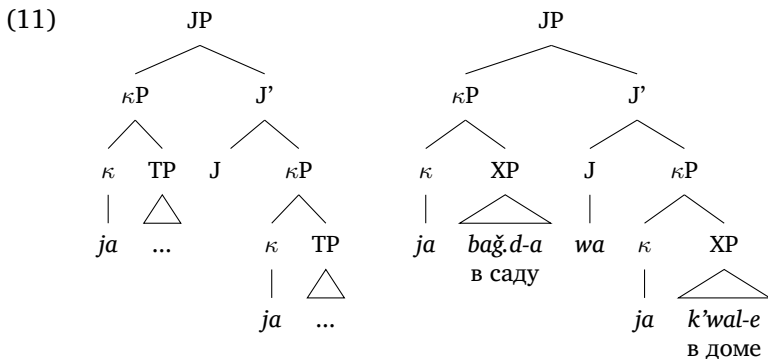
‘Завтра Селим или поедет в город, или будет работать дома.’

- b. *Ajal-ar ja [bağd-a] wa ja [k'wal-e qıǵwa-zwa]*.
ребенок-PL κ сад-INNESS и κ дом-INNESS играть-IPFV
‘Дети играют или в саду, или в доме.’

(Haspelmath 1993: 332)

- (10) *güzel wa č'exi šeher*
красивый и большой город
‘красивый и большой город’

(Haspelmath 1993: 330)

⁹Здесь и далее мы используем глоссы μ и κ для показателей, маркирующих конъюнкты и дизъюнкты соответственно.

В этой статье мы не будем обсуждать семантику сочинения при таком синтаксическом анализе, см. об этом (Mitrović 2021; Szabolcsi 2015, 2018).

Наконец, рассмотрим сложные дизъюнкции, т. е. случаи одновременного маркирования κ и μ . Подобные конструкции существуют, например, в славянских языках и языках Кавказа, см. (12) и структуру для него и для аналогичного русского примера (13).

(12) аварский

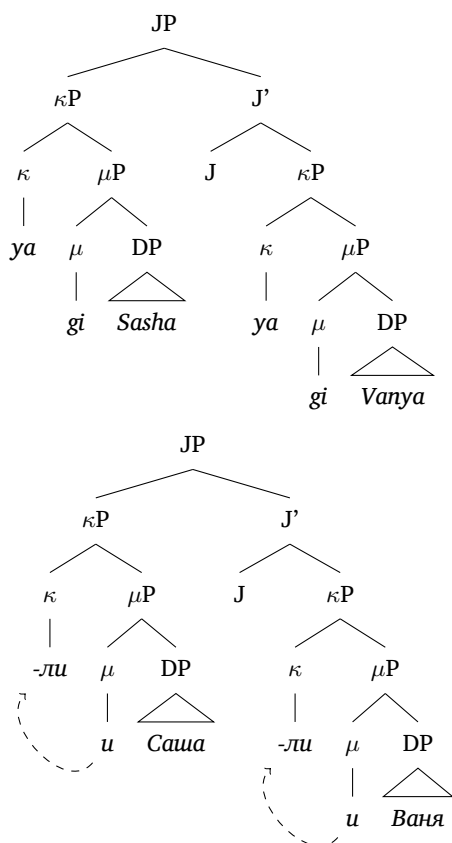
ya gi Sasha ya gi Vanya

κ μ Саша κ μ Ваня

‘или Саша, или Ваня’

(Mitrović 2021: 169)

(13)

Простыми стрелками (в примерах ниже) обозначаются несомненно синтаксические передвижения, т. е. передвижения составляющих; пунктирными — передвижения вершин или постсинтаксические передвижения, вызванные фонологическими требованиями, если предполагать, что таковые существуют. В рассматриваемых примерах пунктирная стрелка всегда соответствует соединению $=dA$ с хостом. Сущность этого передвижения обсуждается в (Mitrović 2021: 42–46), см. также конец раздела 3.

2.2 Невозможность сочинения финитных клауз

На материале разнородных языков, в первую очередь древних индоевропейских, в (Mitrović 2021; Mitrović, Sauerland 2016) выдвигается следующее категориальное обобщение:

- (14) Сочинительные показатели второй позиции не сочиняют клаузы, если граница конъюнкта пуста

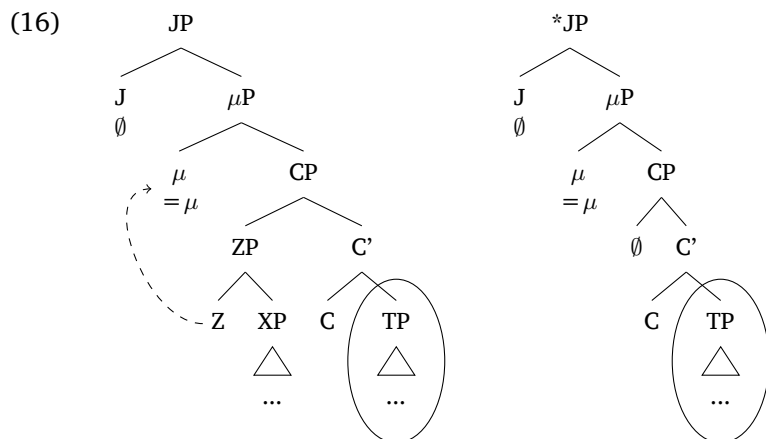
По сути, это обобщение уже было проиллюстрировано на кумыкском материале (5). В (15) показано, что сочинение с аддитивными показателями *то* возможно для финитных клауз в японском, но только если в этих клаузах помимо финитных глагольных форм присутствует дополнительный фонологический материал, предположительно находящийся на левой периферии финитной клаузы (CP).

- (15) японский

- a. **Mary hanase-ru-mo John waka-ru-mo.*
 Мэри говорить-NPST- μ Джон понимать-NPST- μ
 Ожид. знач.: ‘Мэри говорит и Джон понимает.’
- b. *John-ga hon-o yomi-mo si, Bill-ga*
 Джон-НОМ книга-АСС читать- μ делать Билл-НОМ
rekoodo-o kiki-mo si-ta.
 запись-АСС слушать- μ делать-PST
 ‘Джон почитал книгу и Билл послушал пластинку.’
 (Mitrović, Sauerland 2016: 472)

Причина существования ограничения (14), согласно (Mitrović 2021), состоит в том, что в примерах типа (15a) суффикс (или энклитика) и весь остальной фонологический материал (т. е. финитный глагол) находятся в разных фазах (о фазах см. Chomsky

2001). В частности, при присоединении вершины фазы С (невыраженного комплементаризера) ее комплемент подвергается операции произнесения (Spell-Out) и становится недоступным для дальнейшего взаимодействия, что обозначено эллипсом в (16). Показатель μ присоединяется за пределами эллипса, т. е. за пределами этой фазы, и не может «увидеть» то, что находится в области, уже подвергшейся произнесению. Если за пределами этой области, в спецификаторе CP, присутствует некоторый фонологический материал (ZP в (16)), то суффикс/энклитика присоединяется к нему. Если же спецификатор пуст, то μ не может найти подходящий хост, что показано в правом дереве в (16).

Еще один способ избежать проблемы, возникающей в правом дереве в (16) — присоединить какой-либо выраженный показатель над μ , но в пределах JP, например κ или J. μ будет находиться в одной фазе с этим с-командующим показателем и сможет к нему присоединиться.

В следующем разделе мы показываем, что данные терского кумыкского в целом согласуются с обобщением (14).

3 Анализ данных терского кумыкского

3.1 Собственно анализ

Ключевые контрасты, которым посвящена статья, повторены в (17). Сочинение не строго финитных глагольных форм возможно (17а),

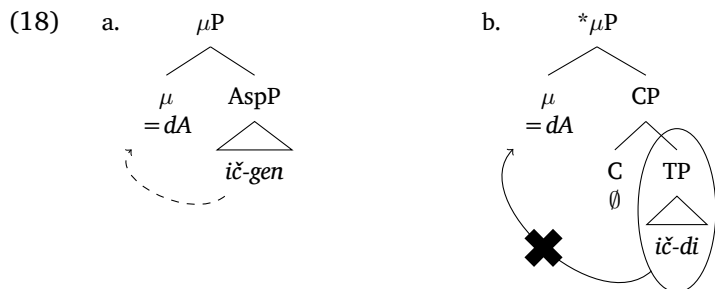
сочинение строго финитных глагольных форм недопустимо с аддитивной частицей $_ = dA _ = dA$ (17b), но допустимо с показателем $ja = da_ ja = da_$ (17c).

- (17) а. *alixan aša-kan = na, ič-gen = ne.*
Алихан есть-PFCT = μ пить-PFCT = μ
'Алихан поел и попил.'
= (3a)

- б. **alixan aša-di = da, ič-di = de.*
Алихан есть-PST = μ пить-PST = μ
Ожид. знач.: 'Алихан поел и попил.'
= (5)

- в. *?alixan ja = da aša-di, ja = da ič-di.*
Алихан $\kappa = \mu$ есть-PST $\kappa = \mu$ пить-PST
'Алихан либо поел, либо попил.'
= (6d)

Мы предполагаем, что формы на *-Gan* и *-A/-j* соответствуют проекции AspP, а форма на *-di* — проекции T, поскольку первые две имеют аспектуальную семантику и не строго финитны, а последняя имеет темпоральную семантику и строго финитна.¹⁰ Соответственно, для случая (17a) можно предположить, что имеет место сочинение AspP. В случае (17b) мы предполагаем, что имеет место высокое сочинение на уровне CP.¹¹ Таким образом, структуры для предложений (17a) и (17b) представлены ниже (показан только второй конъюнкт).

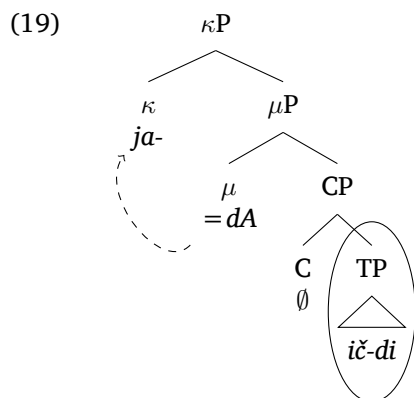

¹⁰Грамматическая семантика глагольных показателей терского кумыкского практически нами не изучена и в данном случае мы ориентируемся на семантику аналогичных показателей в близкородственном балкарском языке (Лютикова и др. 2006).

¹¹О возможности сочинения TP см. раздел 4.

В первом случае глагольный комплекс, находящийся в вершине Asp, становится хостом аддитивного показателя. Во втором случае глагольный комплекс находится не выше вершины TP и, таким образом, попадает в область Spell-Out фазы с вершиной в C. Поскольку сама по себе вершина C нулевая, аддитивный показатель не может найти подходящего хоста за пределами области Spell-Out, что приводит к неграмматичности.

При присоединении показателя *ja* он становится возможным хостом для $=dA$, что делает структуру допустимой (19). Эта структура соответствует второму конъюнкту в примере (17с).

3.2 Дополнительное обоснование

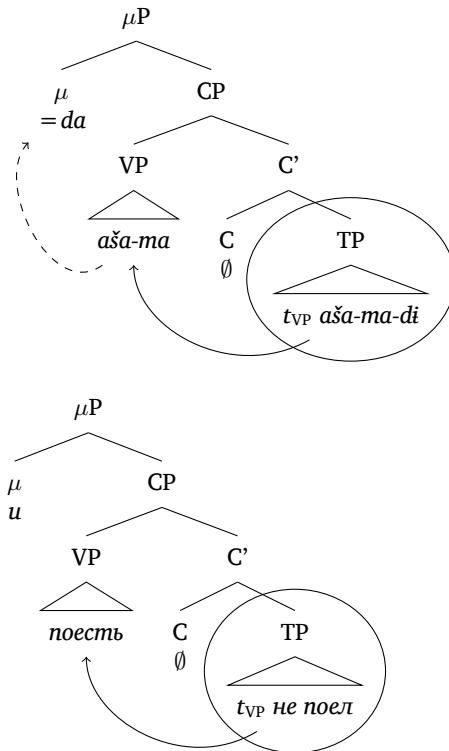
То, что проблема действительно состоит в невозможности обнаружения хоста для энклитики, а не, например, невозможности сочинять составляющие категории CP в принципе, подтверждается примером (20). Этот пример грамматичен, хотя сочиняются клаузы с глаголами в форме прошедшего времени. При этом аддитив клитизируется не к финитным глаголам, а к топикализированным инфинитивам.

- (20) *alixan aša-ma = da aša-ma-di, ič-me = de ič-me-di.*
 Алихан есть-INF = μ есть-NEG-PST пить-INF = μ пить-NEG-PST
 ‘Алихан ни поел, ни попил.’

Структура первого конъюнкта в этом примере представлена в (21) вместе со структурой конъюнкта в аналогичном русском

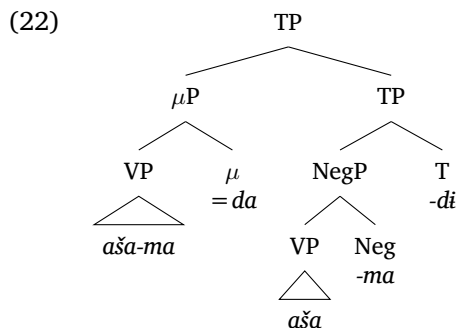
примере *Алихан и поесть не поел, и попить не попил*. Как мы предполагаем, в таких случаях топиализованный инфинитив заполняет левую периферию CP (т. е., позицию, которую условно можно назвать спецификатором CP), оказывается за пределами области Spell-Out и, таким образом, становится доступен для клитизации. Заметим, что в русском допустим и пример *Алихан и (не) поел, и (не) попил* с незаполненной левой периферией типа (17b), поскольку *и* не требует фонологического хоста, и соответственно не вызывает передвижение, которое в деревьях обозначается пунктирной стрелкой.

(21)

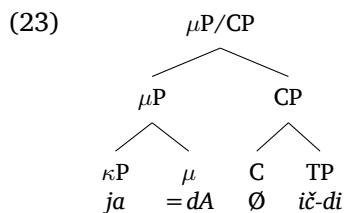
Этот же пример подтверждает и сделанное выше имплицитно предположение, что $=dA$ — вершина, присоединяющаяся слева. Если бы $=dA$ присоединялась справа, то предложению (20) соответствовала бы структура (22). В этой структуре только инфинитив попадает в фокус, т. е. становится источником альтернатив.

Соответственно, на уровне клаузы альтернативы будут отличаться заменой инфинитива, что дает неправильное множество альтернатив: { ‘поесть не поел’, #‘попить не поел’ }.¹²

С другой стороны, можно предположить, что аддитив присоединяется справа, но не к инфинитиву, а ко всей клаузе. Однако в таком случае линейный порядок в (20) необъясним — аддитив клитизовался бы к финитному глаголу, а не к инфинитиву. Таким образом, только вариант структуры в (21) совместим с ситуацией, когда в фокусе оказывается вся клауза, что дает нужное множество альтернатив { ‘поесть не поел’, ‘попить не попил’ }.

Кроме того, если бы аддитив присоединялся справа, то для примеров с показателем *ja = da* пришлось бы предположить структуры типа (23). В этом примере в фокусе аддитива оказывается дизъюнктивный показатель, что проблематично с точки зрения как композиционального анализа, так и типологических наблюдений о невозможности фокусирования грамматических показателей (Boye, Harder 2012).

В завершение этого раздела необходимо прокомментировать сущность передвижения, в результате которого =dA соединяет-

¹²О композиции фокусных альтернатив см. (Rooth 1992).

ся с хостом, обозначаемого пунктирной стрелкой. Большинство данных совместимы с анализом этого передвижения как передвижения вершин, но не составляющих. Например, в случае фокуса на ветвящейся составляющей, передвигается не вся эта составляющая, а только ближайшая к $=dA$ вершина (21). С другой стороны, в (Mitrović 2021: 42–46) рассматривается вариант анализа, в котором данное передвижение является пост-синтаксической, фонологической операцией, тем не менее также подчиняющейся фазовым ограничениям. Это нужно для анализа случаев, когда передвижение ближайшей вершины невозможно, поскольку она находится внутри адъюкта / спецификатора, см. левое дерево в (16).

Наконец, существуют случаи, когда $=dA$ клитизируется не к ближайшей вершине / первому просодическому слову, а к ветвящейся составляющей. Такое происходит, например, когда вся клауза оказывается в фокусе, и при этом на ее левой периферии находится предложная группа (24).

- (24) *bir-ev = de o-nu jibav-va čaqir-ma-di,*
 один-NMN = μ этот-ACC праздник-DAT приглашать-NEG-PST
[šo-nu sajallɪ]_j (= da) < t_j > ol iij-de
 тот-GEN/ACC из-за = μ t этот дом-LOC
qal-di.
 оставаться-PST
 ‘Никто не пригласил ее на праздник, и поэтому она осталась дома.’

4 Заключение

В этой работе мы попытались показать, что невозможность сочинения строго финитных форм с помощью полисиндетической конструкции $_ = dA _ = dA$ в терском кумыкском связана с ограничением на стыке синтаксиса и фонологии. Показатель $=dA$, не являясь свободной словоформой, должен найти себе фонологического хоста, однако при сочинении CP с пустой левой периферией это невозможно, поскольку аддитив и остальной фонологический материал оказываются в разных фазах. В поддержку этого анализа мы показали, что сочинение CP в принципе не запрещено, а именно допускается, если в финитной клаузе при-

существует топиализованная составляющая, заполняющая левую периферию.

Рассмотрим некоторые проблемы для предложенного объяснения контрастов в (17). Оно опирается на предположение, что при сочинении строго финитных и не строго финитных форм сочиняются составляющие разного размера — AspP и CP соответственно. Однако неграмматичные примеры типа (17b) совместимы с анализом, при котором сочинение происходит на уровне TP. В таком случае между аддитивной энклитикой и ее компонентом нет границы фазы, и соответственно должна быть возможна клитизация аддитива к глагольной форме. Возможно, частица $=dA$ не может присоединяться к TP по некоторым независимым причинам. Возможно, $=dA$ не проецирует свою синтаксическую категорию, и проблема на уровне TP связана не с сочетаемостью с $=dA$, а с невозможностью сочинять составляющие категории TP. Например, может быть допустимо только сочинение фазовых составляющих (vP , AspP¹³, CP в глагольном домене).

Вторая проблема связана с межъязыковым варьированием. Так, в турецком языке показатель dA (когнат рассматриваемого кумыкского показателя) при сочинении составляющих линейно располагается после первого просодического слова (25a), т. е. ведет себя так же, как в кумыкском. При этом он может сочинять формы прошедшего времени (25b).

(25) турецкий

- a. *Sema elma da ye-di, süt de iç-ti,*
 Сема яблоко μ есть-PST молоко μ пить-PST
kahve de demle-di.
 кофе μ варить-PST
 ‘Сема поел яблоки, попил молоко и сварил кофе.’
- b. *Sinema-ya git-ti-m de, git-me-di-m de.*
 кино-DAT пойти-PST-1SG μ пойти-NEG-PST-1SG μ
 ‘Я и пошел, и не пошел в кино.’

(Sağ, Demirok 2023: 3, 5)

Эти данные не опровергают предложенный анализ, но требуют объяснения, почему в терском кумыкском (и ряде других язы-

¹³По мнению некоторых исследователей, AspP является фазой (Ф. Г. Шушурин, л. с.).

ков) существует ограничение, которого нет в турецком. Различие в допустимости (17b) и (25b) может быть связано с различиями в свойствах аддитивного показателя или глагольного комплекса в турецком и терском кумыкском соответственно. Например, можно предположить, что в турецком глагол совершает T-to-C передвижение и соответственно, передвинувшись в вершину фазы, оказывается за пределами области Spell-Out и становится «видимым» для *dA* (Д. Е. Касенов, л. с.).

Дальнейшее исследование обозначенных в этом разделе проблем мы оставляем на будущее.

Список условных сокращений

1 — 1-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивность; CONV — конверб; DAT — датив; DISJ — дизъюнкция; FUT — будущее время; GEN — генитив; INESS — инессив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMN — номинализатор; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PFST — перфект; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Гаджихмедов Н. Э., Абдуллаева А. З., Кадыраджиев А. С., Керимов И. А., Ольмесов Н. Х., Хангишев Д. М. (2014). *Современный кумыкский язык*. Под ред. Н. Э. Гаджихмедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Дорофеева Е. П., Насырова Р. Р., Россыйкин П. О. (2022). *Неопределенные местоимения в терском кумыкском*. Экспедиционный отчет.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. (2006). *Структура события и семантика глагола в караево-балкарском языке*. Москва: ИМЛИ РАН.
- Рубинчик Ю. А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература.
- Boye K., Harder P. (2012). "A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization". *Language* 88.1. 1–44.
- Chomsky N. (2001). "Derivation by phase". *Ken Hale: A life in language*. Ed. by M. Kenstowicz. Cambridge, MA: MIT press. 1–52.

- Gast V., van der Auwera J. (2013b). "Scalar additive operators in Transeurasian languages". *Shared Grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages*. Ed. by M. Robbeets, H. Cuyckens. Vol. 132. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing. 113–146.
- Haspelmath M. (1993). *A grammar of Lezgian*. Vol. 9. Mouton Grammar Library. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Hong M. (2013). "From lists to universal quantification: Disjunction in Korean." *Linguistic research* 30.3.
- Mitrović M. (2021). *Superparticles*. Springer.
- Mitrović M., Sauerland U. (2016). "Two conjunctions are better than one". *Acta Linguistica Hungarica* 63.4. 471–494.
- Rooth M. (1992). "A theory of focus interpretation". *Natural language semantics* 1.1. 75–116.
- Sağ Y., Demirok O. (2023). "Getting even without "even" in Turkish". *The Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 53)*. GLSA.
- Szabolcsi A. (2015). "What do quantifier particles do?" *Linguistics and Philosophy* 38. 159–204.
- (2018). "Two types of quantifier particles: Quantifier-phrase internal vs. heads on the clausal spine". *Glossa: a journal of general linguistics* 3.1.

Диминутив как глагольная категория в северномансийском языке

Мария Ильинична Сатина

МГУ имени М. В. Ломоносова

В мансийском языке диминутивные суффиксы *-kwe* и *-riç* являются транскатегориальными, однако наиболее часто рассматриваются как именные словообразовательные показатели. В данной статье объектом анализа являются диминутивные показатели в глагольной словоформе. Мы показываем, что северномансийский диминутив в глагольном употреблении следует скорее рассматривать как словоизменительный показатель, своеобразной чертой которого, к тому же, является то, что он не модифицирует значение корня слова *per se*, а помещает одного из участников ситуации, описанной в предложении, в фокус эмпатии.

The diminutive as a verbal category in Northern Mansi

Maria I. Satina

Lomonosov MSU

The Northern Mansi diminutive suffixes *-kwe* and *-riç* are of transcategorial nature; however, only their functioning as derivational markers in the nominal domain is commonly studied. This paper deals with the use of the aforementioned suffixes in the verbal domain, therefore presenting a new point of view regarding the status of the diminutive in Northern Mansi. The data allow us to assume that the Northern Mansi diminutive in verbal use should rather be considered an inflectional marker, which, moreover, possesses a typologically curious feature of being able to place one of the participants of the situation described in the sentence in the empathy focus, rather than modifying the meaning of the root of the word *per se*.

1 Введение

В северномансийском языке (обско-угорские < финно-угорские < уральские) существует два диминутивных показателя: *-kwe* и *-riç*. В именном употреблении оба показателя могут передавать значение малого размера какого-либо объекта (1), (2). Суффикс *-riç* также может передавать значение ‘ребенок, отпрыск’: *sōwærrīç* ‘зайчонок’ от *sōwær* ‘заяц’, *āyirīç* ‘дочь, маленькая девочка’ от *āyi* ‘девушка’ (Ромбандеева 1973: 78).

- (1) *puki-riç-e*
живот-PEJ-POSS.3SG
‘его маленький живот’ (Bíró 2021: 85)
- (2) *nē-kwe*
женщина-DIM
‘маленькая, невысокая женщина’ (Ромбандеева 1973: 78)

Следует заметить, что в северномансийском языке существует ряд слов, в которых употребление диминутивного показателя *-riç* лексикализовано. К таковым относятся, например, лексемы *āyi-riç* (девушка-PEJ) ‘дочь, маленькая девочка’, *piγ-riç* (юноша-PEJ) ‘мальчик, сын’, *ōpa-riç* (дед-PEJ) ‘дедушка’, *ūj-riç* (зверь-PEJ) ‘птица’. Диминутивные варианты терминов родства употребляются значительно чаще своих недиминутивных пар (Bíró 2021: 91). Случаев лексикализации показателя *-kwe* в современном северномансийском языке не наблюдается.

Помимо имен существительных, обсуждаемые показатели могут присоединяться к глаголам. В статье мы опишем особенности глагольного употребления суффиксов *-kwe* и *-riç*. Материалом для исследования служат полевые данные северномансийского языка, полученные методом анкетирования носителей сосьвинского диалекта в рамках экспедиции в г. Ханты-Мансийск весной 2024 г., а также данные, полученные из следующих источников: архив газеты «Лўима с̄рипос» (1989–2024), содержащий тексты, написанные на литературном варианте северномансийского языка, основанном на сосьвинском диалекте; тексты песен Е. Д. Анямова (Bizzo) на верхнелозьвинском диалекте мансийского языка; архив В. Н. Чернецова (1925–1938), содержащий тексты на большинстве диалектов мансийского языка (для данного исследования были рассмотрены только примеры из тек-

стов на сосьвинском и верхнелозьвинском диалектах северной диалектной группы). Некоторые примеры также взяты из опубликованных работ других авторов, в первую очередь из (Bíró 2021), опирающейся на письменные источники сосьвинского и верхнелозьвинского диалектов. С точки зрения грамматики рассматриваемые нами диалекты не отличаются, между ними наблюдаются лишь небольшие лексические и фонетические различия (Bakró-Nagy et al. 2022: 537).

Оба описываемых показателя могут выражать эмоциональную оценку говорящим какого-либо объекта или явления. Суффикс *-kwe* традиционно рассматривается как несущий положительную окраску значения, а *-riç* как пейоративный (ср. *kūt'uwkwe* 'собачка' и *kūt'uwrīç* 'собачонка'). Однако данные показывают, что в верхнелозьвинском диалекте северномансийского языка суффикс *-riç* утратил негативную эмоциональную окраску и сближился по значению с суффиксом *-kwe*. Так, примеры (3) и (4), составленные носителем этого диалекта, оцениваются носителями сосьвинского диалекта как некорректные.

- (3) *takiç ūr-i-riç-l-um*
 сильно держать-NPST-PEJ-SG.O-1SG
 'И буду держать тебя крепко.'
 (Е. Д. Анямов (Bizzo), «Aim»)
- (4) *takiç ēr-i-riç-ən* *alam*
 сильно быть_нужным-NPST-PEJ-2SG просто
 'Ты мне очень нужна.'
 (Е. Д. Анямов (Bizzo), «Aim»)

2 Морфологический статус глагольного диминутива

Северномансийские диминутивные суффиксы в именном домене могут быть охарактеризованы как словообразовательные показатели. Такой вывод можно сделать опираясь, например, на критерии, описанные в (Haspelmath, Sims 2010): они не задействованы при синтаксическом управлении и согласовании (критерий 1: «Relevance to the Syntax»), их выражение в словоформе не является обязательным (критерий 2: «Obligatoriness of Expression»), линейно они тяготеют к корню и предшествуют согласователь-

ным показателям (Ромбандеева 1973: 78) (критерий 7: «Position Relative to Base»).

Рассмотрим статус диминутивных показателей в глагольной словоформе, линейный порядок морфем в которой показан в (5).

- (5) STEM-ASP/VCD-TENSE/MOOD/MIR-DIM/PEJ-OBJ-SUBJ

К словоизменительным показателям относятся показатели наклонения, времени и классов, по которым происходит согласование (лицо, число) (Bakró-Nagy et al. 2022: 546–552). Словообразовательные показатели предшествуют словоизменительным; см. словообразовательный показатель аспекта, который употребляется до показателя времени в (6).

- (6) *tiy xūj-iyp-āl-i-riç-en am nēnan-n*
 здесь лежать-ASP-ASP-NPST-PEJ-IMP.2DU 1SG 2DU.OBL-LAT
mōrtəm ūmpi wār-ēy-um
 юг гнездо строить-NPST-1SG

‘Прилягте здесь, я построю вам двоим гнездо на юге.’

(Лўима Сэрипос, №17, 2013)

Диминутивные показатели находятся в глагольной словоформе после показателя аспекта и актантной деривации (6), времени (6)–(7), наклонения (8), миратива (см. примеры (10)–(11) далее), но перед показателями лица и числа (7).

- (7) *tōwl-i jol = ūnt-i-riç-um*
 быть.достаточным-NPST.3SG вниз = сесть-NPST-PEJ-1SG

‘Достаточно (разговоров), присяду-ка я.’

(МАЭС 869 Д. 42)

- (8) *vōl'ij nē āmp-əriç wos suss-nū-riç*
 Волинг женщина собака-PEJ OPT смотреть-COND-PEJ

‘Женщина из деревни Волинг, собака, просто смотрела бы.’

(Munkácsi 1894)

Расположение диминутивных суффиксов перед показателями лица и числа является нехарактерным для словообразовательных показателей, которые линейно тяготеют к корню и предшествуют словоизменительным показателям (Haspelmath, Sims 2010: 95–96). Таким образом, мы считаем их словоизменительными.

3 Сочетаемость с другими показателями в глагольной словоформе

В данном разделе мы рассмотрим сочетаемость диминутивных показателей *-kwe* и *-giç* с показателями миратива (раздел 3.1), имперфектива (раздел 3.2) и пассива (раздел 3.3).

3.1 Миратив

Миративность в общем случае является «языковой категорией, характеризующей пропозицию как нечто новое, неожиданное или удивительное для говорящего»¹ (Hengeveld, Olbertz 2012: 488). Семантическая структура высказывания с миративом выглядит следующим образом:

- (9) а. **Пресуппозиция:** ‘я узнал, что Р, и удивляюсь этому, так как ранее считал возможным не(Р)’
 б. **Ассерция:** ‘я утверждаю, что Р’

Миративные показатели в северномансийском языке также используются в предложениях, где есть удивление рассказчика, некоторая неожиданность ситуации (Ромбандеева 1973: 137–144). Они есть в настоящем (алломорфы *-ne*, *-ape*, *-apē*, *-n*, *-nē*) и прошедшем времени (алломорфы *-tē*, *-t*, *-at*, *-ät*, *-ut*); изначально они были показателями эвиденциальности, развившимися из причастий, однако в современном языке как эвиденциальные практически не используются (Bakró-Nagy et al. 2022: 548).

Общая эмоциональность высказывания кодируется доступными каждому конкретному языку средствами. В частности, для этого могут использоваться и диминутивные показатели (Alonso 1930; Jurafsky 1996; Nieuwenhuis 1985). Данные северномансийского языка согласуются с этим утверждением: большинство носителей отмечают хорошую сочетаемость диминутивных показателей с показателями миратива в одной глагольной словоформе. Примеры, в которых диминутив соседствует с миративным суффиксом, встречаются и в архивных текстах (10).

¹«[A] linguistic category that characterizes a proposition as newsworthy, unexpected, or surprising» (Hengeveld, Olbertz 2012: 488).

- (10) *wāy^htal pat-əm-riɕ-əm*
 слабый стать-MIR.PST-PEJ-1SG
 ‘Бедный я, слабым стал.’ (Kálmán 1989: 61)

Согласно оценкам носителей, более высокий уровень эмоциональности ситуации кодируется именно с помощью одновременного использования диминутивного и миративного показателей (11) в глагольной словоформе, хотя вариант с диминутивным суффиксом на существительном также грамматичен (12). В последнем случае миративность в глагольной словоформе может не экспонироваться.

- (11) *nasat’i afrika-t n’āwram-ət tē-tal*
 оказывается Африка-LOC ребёнок-PL есть-CAR
ōl-nē-riɕ-ət
 быть-MIR.NPST-PEJ-3PL
 ‘Оказывается, бедные дети в Африке голодают.’
- (12) *nasat’i afrika-t n’āwram-riɕ-ət tē-tal*
 оказывается Африка-LOC ребёнок-PEJ-3PL есть-CAR
ōl-nē-t / ōl-ēy-ət
 быть-MIR.NPST-PL быть-NPST-PL
 ‘Оказывается, бедные дети в Африке голодают.’

3.2 Имперфектив

Диминутивные показатели не сочетаются с имперфективными аспектуальными показателями, которые используются для выражения дуративных и хабитуальных ситуаций, представляющие собой регулярно повторяющиеся отдельные события (13). Можно предположить, что это обусловлено тем, что такие события являются малоэмоциональными (Bybee et al. 1994: 127), поэтому употребление диминутивов, имеющих эмоциональную оценочную семантику, в этом случае невозможно.

- (13) **am ayi-riɕ-um³ ta lapka-n*
 1SG девушка-PEJ-POSS.1SG тот магазин-LAT
jalant-iy^hl-āl-kwe
 ходить-ASP-ASP-DIM
 ‘Моя доченька часто хаживает в тот магазин.’

Однако интересно, что при добавлении в словоформу показателя миратива (14) или перфективного показателя (15) предложение обретает грамматичность.

- (14) *am ayi-riç-um ta lapka-n*
1SG девушка-PEJ-POSS.1SG тот магазин-LAT
jalant-an-iył-āl-kwe
ходить-MIR.NPST-IPFV-IPFV-DIM
‘(Оказывается) моя доченька часто хаживает в тот магазин.’

- (15) *am ayi-riç-um ta lapka-n*
1SG девушка-PEJ-POSS.1SG тот магазин-LAT
jalant-ant-iył-āl-kwe
ходить-PFV-IPFV-IPFV-DIM
‘Моя доченька часто хаживает в тот магазин.’

3.3 Пассив

Носители отмечают невозможность употребления диминутивных показателей в пассивных предложениях, как после пассивного показателя, так и до (16). Вместо диминутивного показателя на глаголе выбирается стратегия кодирования эмоциональной оценки через диминутив на имени (17).

- (16) **am xum'-im akway jun ūr-awe-riç /*
1SG мужчина-POSS.1SG всегда дома ждать-PASS-PEJ
ūr-awe-kwe / ūr-ariç-awe / ūr-akwe-awe
ждать-PASS-DIM ждать-PEJ-PASS ждать-DIM-PASS
‘Моего любимого жениха всегда ждут дома.’

- (17) *am xum-riç-um / xum-kwe-m akway*
1SG мужчина-PEJ-POSS.1SG мужчина-DIM-POSS.1SG всегда
jun ūr-awe
дома ждать-PASS
‘Моего любимого жениха всегда ждут дома.’

³В данном примере диминутивный показатель встречается как в именной, так и в глагольной словоформе, однако его употребление в слове *ayiriç* ‘девочка’ лексикализировано и не содержит эмоциональной окраски, см. раздел 1.

4 Семантические свойства

Употреблению диминутивных показателей в глагольной словоформе в том числе с семантической точки зрения посвящено не очень большое количество конкретно-языковых работ, см., например, (Armoskaite, Koskinen 2008) о финском, (Tovena 2011) об итальянском, (Amiot, Stosic 2014) о французском, (Weidhaas, Schmid 2015) о немецком, (Makarova 2015) о русском, (Káňa 2017) о чешском, (Greenberg 2010) об иврите.

Согласно (Audring et al. 2021: 223–224), глагольный диминутив характеризует само событие, описываемое словоформой, как «меньшее» относительно прототипического события, составляющего значение корня данного слова⁴, указывает на сниженную интенсивность, длительность, серьезность или успешность действия или события⁵ и по сути является скалярным показателем.

Мы предположили, что северномансийские диминутивные показатели следуют вышеописанной тенденции и в глагольном домене модифицируют ситуацию, описываемую в словоформе; примеры, извлеченные из архивных текстов подтверждают данную гипотезу. Так, в (18) суффикс *-riç* в словоформе *jol = ūntiriçum* 'присяду-ка' указывает на «малый» характер действия и по сути передает модальное значение; если сравнить словоформы *jol = ūntēyum* 'сяду' (19) и *jol = ūntiriçum*, образуется пара со значениями 'я сяду' ~ 'присяду-ка я':

- (18) *tōwl-i* *jol = ūnt-i-riç-um*
 быть_достаточным-NPST.3SG вниз = сесть-NPST-PEJ-1SG
 'Достаточно (разговоров), присяду-ка я.'
 (МАЭС 869 Д. 42)

- (19) *tōwl-i* *jol = ūnt-ēy-um*
 быть_достаточным-NPST.3SG вниз = сесть-NPST-1SG
 'Достаточно (разговоров), я сяду.'

Однако полевые данные показывают, что употребление суффиксов *-kwe* и *-riç* на глаголе может служить не только для модифицирования самого действия или события, но и для помещения

⁴«Verbal diminutives are grammatical constructions indicating that an action or event is 'smaller' than usual». (Audring et al. 2021)

⁵«...verbs can also be diminutivised, i.e. marked for reduced intensity, duration, seriousness or success of the action or event». (Audring et al. 2021)

в фокус эмпатии одного из участников ситуации, описываемой в высказывании. Традиционно эмпатия в лингвистике понимается как «идентификация говорящего в определенной степени с участником ситуации, описанной в предложении»⁶ (Kuno, Kaburaki 1977: 628). В данной работе под фокусом эмпатии мы понимаем сосредоточение эмоциональной оценки, кодируемой говорящим при помощи обсуждаемых показателей в глагольной словоформе, на одном из участников ситуации. Так, в (20) = (??) диминутивный показатель *-riç* в глагольной словоформе *ēririçən* '(ты) нужна' помещает в фокус эмпатии участника, находящегося в состоянии востребованности говорящим, причем характеристику самого события как «малого» относительно прототипического он не задает.

- (20) *takiç ēr-i-riç-ən alam*
 сильно быть_нужным-NPST-PEJ-2SG просто
 'Ты мне очень нужна.' (Е. Д. Анямов (Bizzo), «Aim»)

Вопрос о том, в соответствии с какими критериями определяется участник, помещаемый в фокус эмпатии в высказывании, содержащем диминутивный показатель в глагольной словоформе, на данный момент остается открытым. Было выдвинуто несколько гипотез:

- Выбирается синтаксическое подлежащее в предложении;
- Выбирается агентивный участник ситуации;
- Выбирается самый коммуникативно-выделенный участник ситуации.

Первой гипотезе противоречат примеры типа (21), для которого носители отмечают возможность помещения в фокус эмпатии прямого дополнения.

- (21) *ʔxājtnut pīy-um juw-tajapa-s-riç-t-e*
 волк мальчик-POSS.1SG внутрь-есть-PST-PEJ-SG.O-3SG.S
 'Волк съел бедного мальчика.'

Отметим, что в (Kuno, Kaburaki 1977) на материале английского показано, что в фокус эмпатии, как правило, помещается референт подлежащего в соответствии с иерархией эмпатии в поверхностной структуре (англ. *surface structure empathy hierarchy*),

⁶ «...the speaker's identification, with varying degrees, with a person who participates in the event that he describes in a sentence» (Kuno, Kaburaki 1977: 628).

показанной в (22). В таком случае при пассивизации прямое дополнение оказывается в самой синтаксически выделенной позиции (субъектной) и помещается в фокус эмпатии (Kuno, Kaburaki 1977: 648).

(22) Подлежащее $\geq$ Прямое дополнение $\geq \dots \geq$ Агенса в пассиве

Однако эта иерархия оказывается неприменимой для северномансийского языка, поскольку в нем диминутивные суффиксы не могут употребляться в одной словоформе вместе с показателем пассива (см. раздела 3.3), несмотря на то, что пассивизация в мансийском языке тесно связана с информационной структурой и информационным статусом участников ситуации (Muravyev, Zhornik 2024: 100).

Рассмотрим гипотезу, согласно которой выбирается агентивный участник ситуации. Действительно, в (23)–(24) интерпретация, в которой эмоциональная оценка направлена на пациенс, невозможна.

(23) *am n'āwram-ay-um takiç ērupt-i-kwe-y-um*
1SG ребенок-DU-POSS.1SG сильно любить-NPST-DIM-DU.O-1SG
'Я, хороший, очень люблю моих двоих детей.'

(24) *am n'āwram-ay-um takiç ērupt-i-riç-y-um*
1SG ребенок-DU-POSS.1SG сильно любить-NPST-DIM-DU.O-1SG
'Я, бедный, очень люблю моих двоих детей.'

В случаях, когда диминутивный показатель употребляется в глагольной словоформе с показателем императива (25), интерпретация с эмоциональной оценкой пациенса тоже невозможна. Она относится к участнику, к которому направлена просьба/приказ. Однако на примерах вроде (20) мы видим, что участник, на которого направлена эмоциональная оценка, может не быть агентивным.

(25) *ēkwa-m, n'āwram-an-amen*
женщина-POSS.1SG ребенок-PL-POSS.1DU
jol = xuj-upt-kwen
вниз-лежать-CAUS-DIM.IMP.2SG
'(Дорогая, любимая) жена, уложи спать наших детей.'

На данный момент наиболее вероятной представляется третья гипотеза, однако она требует дальнейшей проверки.

5 Заключение

Итак, в настоящей работе были описаны особенности семантики, функций и дистрибуции северномансийских транскатегориальных диминутивных показателей *-kwe* и *-riç* в глагольном домене. Было высказано предположение о словоизменительном статусе данных суффиксов и приведены аргументы в его поддержку. Кроме того, было показано, что суффиксы *-kwe* и *-riç* сочетаются хорошо с показателями миратива и плохо с имперфективным аспектуальным показателем. Также северномансийские диминутивные показатели могут помещать в фокус эмпатии определенного участника ситуации (предположительно самого коммуникативно-выделенного), не маркируя при этом действие, событие или состояние, описываемое глагольной словоформой, как «малое» относительно прототипического.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ASP — аспектуальный показатель; CAR — каритив; COND — кондиционал; DIM — диминутив; DU — двойственное число; IMP — императив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; MIR — миратив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — показатель объекта; OBL — косвенная форма; OPT — оптатив; PEJ — пейоратив; PFV — перфектив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VCD — актантная деривация.

Источники

1. Газета “Лүима Сэрипос”. № 17. 2013. URL: <https://khanty-yasang.ru/luima-seripos/no-17-1059/1003>
2. МАЭС 869. Архив В. Н. Чернецова, дело 42, 1934.

Литература

- Ромбандеева Е. И. (1973). *Мансийский (вогульский) язык*. М.: Наука.
- Alonso A. (1930). “Para la linguística de nuestro diminutivo”. *Humanidades* 21. 35–42.

- Amiot D., Stosic D. (2014). "When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs". *Mélanges offerts à Anna Anastassiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. 16–33.
- Armoskaite S., Koskinen P. (2008). "Diminutive verbal suffixes in Finnish". *Proceedings of the 2008 annual conference of the Canadian Linguistic Association*. 1–13.
- Audring J., Leufkens S., van Lier E. (2021). "Small events. Verbal diminutives in the languages of the world". *Linguistic Typology at the Crossroads* 1. 223–256.
- Bakró-Nagy M., Sipőcz K., Skribnik E. (2022). "North Mansi". *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: OUP. 537–564.
- Bíró B. (2021). "The use and semantics of the Northern Mansi diminutive *-riś/-rəś*". *Proceedings of the 5th Mikola Conference 19–20, September 2019*. 81–97.
- Greenberg Y. (2010). "Event internal pluractionality in Modern Hebrew: A semantic analysis of one verbal reduplication pattern". *Brill's Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics* 2.1. 119–164.
- Haspelmath M., Sims A. (2010). *Understanding morphology*. London: Routledge.
- Hengeveld K., Olbertz H. (2012). "Didn't you know? Mirativity does exist!" *Linguistic Typology* 3. 487–503.
- Jurafsky D. (1996). "Universal tendencies in the semantics of the diminutive". *Language* 73.3. 533–578.
- Kálmán B. (1989). *Chrestomathia Vogulica*. Budapest: Tankönyvkiadó. 40–41.
- Káňa T. (2017). "Verbale Diminutive—ihre Abgrenzung und Bedeutung". *Linguistica Pragensia* 28.2. 58–82.
- Kuno S., Kaburaki E. (1977). "Empathy and Syntax". *Linguistic Inquiry* 8.4. 627–672.
- Makarova A. (2015). "One type of verbal diminutives in Russian: verbs ending in *-n'kat*". *Russian Linguistics*. 15–31.
- Munkácsi B. (1894). *A vogul nyelviárások*. Budapest: Ugor füzetek. 40–41.
- Muravyev N., Zhornik D. (2024). "Passive in Ob-Ugric: information structure and beyond". *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 47. 67–97.
- Nieuwenhuis P. (1985). "Diminutives". PhD thesis. University of Edinburgh.

- Tovena L. M. (2011). "When small is many in the event domain". *Lexis. Journal in English Lexicology* 6.
- Weidhaas T., Schmid H. (2015). "Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications". *Morphology* 25. 183–227.

Лексемы с семантикой размера в татышлинском говоре удмуртского языка*

**Юлия Вячеславовна Синицына,
Владислава Игоревна Овсянникова**

МГУ имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена исследованию сочетаемости лексем с семантикой размера в татышлинском говоре удмуртского языка. Рассмотрены две семантические зоны — ALTUS и LATUS — описывающие объекты по вертикали / горизонтали и в поперечной плоскости соответственно. Выявлена трехчастная система в зоне ALTUS, в которой противопоставлена высота, длина и глубина объектов. В зоне LATUS зафиксирована типологически ожидаемая двухчастная система ‘широкий’ — ‘толстый’. Также прокомментированы отличия системы татышлинского говора от других пермских идиомов.

Semantic domain of dimension in Tatyshly Udmurt

Julia V. Sinitsyna, Vladislava I. Ovsyannikova

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the semantic domain of dimension in Tatyshly Udmurt. Two semantic sub-zones are discussed: lexemes in the sub-zone ALTUS describe vertical and horizontal dimensions while lexemes belonging to the LATUS sub-zone describe the size of the transverse plane. ALTUS lexemes form a ternary system in Tatyshly Udmurt, there is an opposition between length, height, and depth. A typologically expected binary system ‘wide’ — ‘thick’ is attested in the sub-zone LATUS. Some differences between the Tatyshly Udmurt system and systems found in other Permian idioms are discussed.

*Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285).

1 Введение

Исследование посвящено лексемам, описывающим размер объекта в одном из его измерений ('высокий' / 'низкий', 'глубокий' / 'мелкий, неглубокий', 'длинный' / 'короткий', 'широкий' / 'узкий', 'толстый' / 'тонкий') в татышлинском говоре удмуртского языка.

Типологическая литература, посвященная лексике размера, довольно обширна, см., например, (Bierwisch, Lang 1989; Lang 2001; Wierzbicka 2006). Наши данные собраны в соответствии с классификацией фреймов, выделенных в типологическом исследовании (Kozlov, Privizentseva 2022) с опорой на данные русского материала, рассмотренные в (Рахилина 2008: 118–162).

Мы следуем фреймовому подходу, который заключается в сопоставлении лексических единиц на основе анализа их сочетаемости (Рахилина, Резникова 2013). Для исследования признаков лексик со значением размера оказывается важным понятием топологического типа объекта, то есть эталонной формы, с которой можно соотнести объект в зависимости от его пространственных характеристик, а также прототипического функционирования (подробнее см. (Talmy 1983)). Например, реки могут рассматриваться как Водные объекты, если нужно охарактеризовать их по глубине, или как Дороги, если по контексту более важны их характеристики по другим измерениям (например, длине или ширине).

Данные татышлинского говора удмуртского языка собраны в Татышлинском районе Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы и др.) в 2023–2024 гг.¹ методом анкетирования. Также привлекаются материалы из экспедиционного корпуса текстов.²

В таблице 1 представлен список топологических типов, рассматриваемых в настоящем исследовании. Этот список используется в статье в качестве метаязыка для описания соответствующих типов, его элементы не тождественны семантически соответствующим лексемам русского языка.³

¹ См. информацию о проекте: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>.

² Обновляемая версия корпуса: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

³ Русские названия топологических типов взяты из (Козлов, Привизентцева 2014), перевод на английский приведен в соответствии с (Kozlov, Privizentseva 2022).

Название	Описание	Пример
Стержни (Pivots)	вытянутые объекты; одно из измерений значительно больше двух других	палка, веревка
Вертикальные стержни (Poles)	объекты, закрепленные в вертикальном положении	дерево, столб
Барьеры (Barriers)	вертикально ориентированные плоские объекты	стена, забор
Полосы (Stripes)	вытянутые плоские объекты, одно из измерений которых значительно больше двух других	лента, доска
Дороги (Roads)	вытянутые пространства	река, дорога
Контейнеры (Containers)	объемные вместилища	ваза, коробка
Ямы (Pits)	вертикально ориентированные пространства в поверхности, где может находиться человек	ров, канава
Водные объекты (Waterbodies)	заполненные водой Ямы	озеро, река
Непроницаемые слои (Impenetrable layers)	плоские объекты, главным образом характеризующиеся по толщине	книга, одеяло
Проницаемые слои (Penetrable layers)	вещества, в которые можно погрузиться	снег, ил
Поверхности (Surfaces)	участки пространства, необязательно имеющие вытянутую форму	поле, двор
Отверстия (Holes)	пустые пространства, находящиеся внутри других объектов	оконный проем
Трубки (Tubes)	вытянутые объекты, внутри которых есть пустое пространство	коридор

Таблица 1: Список топологических типов

Мы рассмотрим прямые употребления прилагательных, которые условно можно разделить на две группы в зависимости от описываемых (и, по типологическим данным, системно закрепляемые за разными группами лексем) характеристик объекта — по вертикали / горизонтали (ALTUS) и в поперечной плоскости (LATUS).

2 Лексемы класса ALTUS

Семантическая зона ALTUS в татышлинском говоре удмуртского языка характеризуется лексемами *d'užât*⁴ 'высокий' — *lapeg* 'низкий'; *küz* 'длинный' — *vakč'i* 'короткий', *mur* 'глубокий' — *laz'eg* 'мелкий, неглубокий'.

Пара лексем *d'užât* — *lapeg* описывает высоту Барьеров (1) и Вертикальных стержней (2), а также характеризует рост человека (3).

- (1) *mi d'užât / lapeg zabor les't-i-m.*
мы высокий низкий забор делать-PST-1PL
'Мы построили высокий / низкий забор.'
- (2) *busi-jân d'užât / lapeg pispu bud-e.*
поле-LOC высокий низкий дерево расти-PRS.3SG
'В поле растет высокое / низкое дерево.'
- (3) *s'üres vâl-ti d'užât / lapeg ad'ami mân-e.*
дорога верх-PROL высокий низкий человек идти-PRS.3SG
'По дороге идет высокий / низкий человек.'

Кроме этого, лексема *d'užât* может описывать объекты, удаленные от поверхности земли (4) (ср. аналогичное употребление русск. *высокий потолок* и комментарий в (Рахилина 2008: 122)).

- (4) *ta korka-len d'užât völdet-ez.*
этот дом-GEN высокий потолок-POSS.3SG
'В этом доме высокий потолок.'

Антонимичная лексема *lapeg* также может характеризовать объекты с точки зрения их расположения, хотя и не всегда сим-

⁴Также встречается вариант *ž'užât*, далее все вхождения унифицированы по варианту *d'užât*.

метрично *d'užât*. Например, одни и те же носители допустили употребление *d'užât* в (5), но не *lapeg*.

- (5) *jablok d'užât / *lapeg vaj-ân bud-e.*
яблоко высокий низкий ветка-LOC расти-PRS.3SG
'Яблоко растет на высокой / *низкой ветке.'

Пара прилагательных *küz'* — *vakč'i* описывает длину Стержней (6), Барьеров (7), Полос, Дорог.

- (6) *žók vâl-ân küz' / vakč'i gozâ kâl'l'-e.*
стол верх-LOC длинный короткий веревка лежать-PRS.3SG
'На столе лежит длинная / короткая веревка.'

- (7) *mi küz' / vakč'i zabor puk-t-i-m.*
мы длинный короткий забор сидеть-CAUS-PST-1PL
'Мы построили длинный / короткий забор.'

Длина временных отрезков также описывается с помощью лексем *küz'* и *vakč'i*:

- (8) *gužem nunal küz', ij vakč'i.*
лето день длинный ночь короткий
'Летом дни длинные, а ночи короткие.'

Прилагательное *küz'* может описывать рост человека, но, в отличие от нейтрального для такого контекста прилагательного *d'užât* 'высокий' (3), имеет особую коннотацию (см. комментарии носителей к (9)).

- (9) *s'üres vâl-ti küz' ad'ami mân-e.*
дорога верх-PROL длинный человек идти-PRS.3SG
'По дороге идет высокий человек.'
(Так говорят, если человек очень худой и высокий.)

Отдельно прокомментируем сочетаемость исследуемых лексем с объектами, которые можно представить состоящими из нескольких более простых частей, относящихся к различным топологическим типам. Например, стул состоит из спинки (Барьеры), ножек (Вертикальные стержни), сиденья (Непроницаемые слои), и каждую часть отдельно можно охарактеризовать с помощью лексем с семантикой размера: *высокая спинка*, *широкое сидение* и т. д. При этом в русском языке нормальны выражения *высо-*

кий стул, широкое кресло и т. д., где характеристика одной части переносится на целое.

В татышлинском говоре удмуртского языка стратегия переноса свойств части на целое принимается носителями в меньшей степени (10)⁵. Предпочтительным оказывается вариант, в котором прилагательное характеризует конкретную часть «сложного» объекта (11).

- (10) *ʔkomnata-jân d'užât pukon kâl'l'-e.*
комната-LOC высокий стул лежать-PRS.3SG
'В комнате стоит высокий стул.'

- (11) *komnata-jân d'užât tâbâr-o pukon kâl'l'-e.*
комната-LOC высокий спинка-ATTR стул лежать-PRS.3SG
'В комнате стоит стул с высокой спинкой.'

С некоторыми объектами допустимо употребление как лексемы *d'užât*, так и лексемы *küz'* (12)–(13). Это можно объяснить тем, что носители относят один и тот же объект к разным топологическим классам — например, голенище сапога можно отнести к Вертикальным стержням, так как оно вытянуто в одном измерении и закреплено, или к Трубам, так как внутри голенища пустое пространство для ноги.

- (12) *ʔd'užât / ʔküz' sapeg-jos ôs dor-ân kâl'l'-o.*
высокий длинный сапог-PL дверь около-LOC лежать-PRS.3PL
'Высокие / длинные сапоги стоят около двери.'

- (13) *d'užât / küz' kuns'i-jo sapeg-jos ôs*
высокий длинный голенище-ATTR сапог-PL дверь
dor-ân kâl'l'-o.
около-LOC лежать-PRS.3PL

'Сапоги с высоким / длинным голенищем стоят около двери.'

Наконец, рассмотрим лексемы, характеризующие глубину объектов. Большая глубина Проницаемых слоев (например, снега) характеризуется при помощи лексемы *mur* (14).

⁵Предикат *kâl'l'ânâ* 'лежать' в татышлинском говоре развивает значение 'находиться' и указывает на нейтральное положение неодушевленных объектов, подробнее см. (Кашкин, Синицына 2022).

- (14) *mon s'um-i-ø mur lāmi-je.*
я нырнуть-PST-1SG глубокий снег-ILL
'Я провалилась в глубокий снег.'

В некоторых пермских идиомах — бесермянском (Kozlov, Privizentseva 2022: 145–147), литературном коми (Безносова 2000: 170–171), ижемском коми (Бирюк и др. 2010: 257) — отмечается полисемия 'высокий' — 'глубокий', поэтому для примеров (15)–(17) также проверялось употребление лексемы *d'užāt*. Для описания глубоких объектов, относящихся к типам Ямы, Водные объекты, а также по отношению к контейнерам используется прилагательное *mur* 'глубокий' (15)–(17).

- (15) *mil'am azbar-ān mur / *d'užāt gūdž'em.*
мы.GEN двор-LOC глубокий высокий колодец
'В нашем дворе глубокий колодец.'
- (16) *ta rajon-ān mur / *d'užāt šur vija-Ø.*
этот район-LOC глубокий высокий река течь-PRS.3SG
'В этом районе течет глубокая река.'
- (17) *žók vâl-ān mur / ?d'užāt terkâ kâl'l'-e.*
стол верх-LOC глубокий высокий тарелка лежать-PRS.3SG
'На столе стоит глубокая тарелка.'

Лексема *d'užāt* допускается ограничено в зависимости от объекта — ср. (17) выше, а также (18)–(19), где размерность контейнеров — раковины и вазы — можно оценить изнутри (по глубине) и снаружи (по высоте стенок). Водные объекты и Ямы (15)–(16) можно охарактеризовать только по глубине, из чего следует неприемлемость употребления лексемы *d'užāt*.

- (18) *mānam d'užāt⁷ / mur rakovina, tūs'tä-pun'â mis'kâ-nâ*
я.GEN высокий глубокий раковина миска-ложка мыть-INF
ž'äjlä.
удобный
'У меня глубокая раковина, в ней удобно мыть посуду.'

⁷ Носители также отмечали, что *d'užāt* можно понять как 'высокий' в отношении расположения относительно уровня пола, тем не менее, согласно нашим данным, это не единственно возможная интерпретация *d'užāt* в данном контексте.

- (19) *žok vâl-ân kâl'l'-e mur / d'užât vasa.*
 стол верх-LOC лежать-PRS.3SG глубокий высокий ваза
 'На столе стоит глубокая ваза / высокая ваза.'

Данные примеры свидетельствуют об отсутствии в татышлинском говоре удмуртского языка полисемии 'высокий' — 'глубокий', отмечаемой в бесермянском, литературном коми и ижемском коми. Подобная полисемия отсутствует в литературном удмуртском (Кириллова 2008: 219, 443).

Для характеристики объектов с небольшой глубиной используются лексемы *laz'eg* 'мелкий', 'неглубокий' (20), а также *lapeg* 'низкий' (21).

- (20) *žok vâl-ân laz'eg / *lapeg terkâ kâl'l'-e.*
 стол верх-LOC мелкий низкий тарелка лежать-PRS.3SG
 'На столе неглубокая тарелка.'

- (21) *mil'am azbar-ân lapeg / ?laz'eg gūdž'em.*
 мы.GEN двор-LOC низкий мелкий колодец
 'В нашем дворе неглубокий колодец.'

Однако не всегда возможен выбор из этих лексем, как, например, в (22). Заметим также, что некоторые носители отмечали принадлежность *laz'eg* к литературному удмуртскому. Наиболее удачный вариант в (22) — лексема *pič'i* 'маленький', которая, тем не менее, характеризует объект в целом, а не по конкретным измерениям, ср. (23).

- (22) *ta rajon-ân biz'-e pič'i / ?laz'eg /*
 тот район-LOC бежать-PRS.3SG маленький мелкий
??lapeg šur.
 низкий река
 'В том районе течет мелкая река.'

- (23) *ta gor pič'i no mur.*
 тот яма маленький но глубокий
 'Та яма маленькая, но глубокая.'

Гипотеза о симметричности употребления антонимов — ожидание *laz'eg* в тех же контекстах, где используется *mur*, и допустимость *lapeg* с теми объектами, для которых также приемлемо употребление *d'užât* — подтверждается частично. В таблице 2

обобщены данные о сочетаемости разных объектов с лексемами, описывающими глубину.

Тип объекта	лексема	<i>tur</i>	<i>d'užât</i>	<i>lapeg</i>	<i>laz'eg</i>
Водные объекты	<i>güdž'em</i> 'колодец'	ОК	*	ОК	?
	<i>šur</i> 'река'	ОК	*	??	?
Контейнеры	<i>rakovina</i> 'раковина'	ОК	ОК	ОК	?
	<i>terkâ</i> 'тарелка'	ОК	?	*	ОК

Таблица 2: Сочетаемость объектов разного топологического типа с лексемами, описывающими глубину

Как видно из таблицы, контейнеры, для которых допустимо употребление лексем *tur* и *d'užât*, необязательно сочетаются с обеими антонимичными лексемами. Водные объекты, большая глубина которых может быть описана только с помощью лексемы *tur*, также не демонстрируют однозначного паттерна в отношении антонимичных лексем, ср., в частности, ассиметрию в словосочетании *lapeg* / *ʔlaz'eg rakovina* и в *laz'eg* / **lapeg terkâ* (пример (20)).

Таким образом, зона ALTUS в татышлинском говоре имеет трехчастное деление с частичным пересечением лексем для характеристики неглубоких и невысоких объектов.

3 Прилагательные группы LATUS

В семантическую зону LATUS входят пары лексем *pas'kât* 'широкий' — *s'ubeg* 'узкий', *zók* 'толстый' — *več'i* 'тонкий'.

Пара лексем *pas'kât* — *s'ubeg* описывает размер в поперечной плоскости объектов, относящихся к топологическим типам Дорог (24), Полос (25), Отверстий (26).

- (24) *mašina mân-e pas'kât / s'ubeg s'üres-ti.*
 машина идти-PRS.3SG широкий узкий дорога-PROL
 'Машина едет по широкой дороге.'

- (25) *saraj ž'âga-mân pas'kât-es' / s'ubeg-es' č'os-jos-ân.*
сарай стучать-RES широкий-PL узкий-PL доска-PL-INS
'Сарай обшит широкими / узкими досками.'

- (26) *komnata-jân kâk pas'kât / s'ubeg ukno-jos.*
комната-LOC два широкий узкий окно-PL
'В комнате два широких / узких окна.'

Для некоторых языков отмечается асимметрия в допустимости сочетания лексем со значением 'широкий' / 'узкий' с Пространствами — например, в русском только лексема *широкий*, но не *узкий* может описывать «бескрайние» пространства (Рахилина 2008: 139). В татышлинском говоре, однако, сочетание лексемы *s'ubeg* с Пространствами разрешается (27) с комментарием, что пространства (в данном случае, поля) каким-то образом ограничены — например, деревьями или забором.

- (27) *gurez'-is'en pas'kât-es' / s'ubeg-es' busi-jos*
гора-EGR широкий-PL узкий-PL поле-PL
a'ž'-is'k-o.
видеть-DETR-PRS.3PL
'С горы видны широкие / узкие поля.'

Лексемы *zók* 'толстый' — *vekč'i* 'тонкий' сочетаются с топологическими типами Непроницаемых слоев (28), (Вертикальных) Стержней (29), Барьеров (30).

- (28) *žók vâl-ân kâl'l'-e zók / vekč'i kn'iga.*
стол верх-LOC лежать-PRS.3SG толстый тонкий книга
'На столе лежит толстая / тонкая книга.'

- (29) *mânam saraj-ân kâl'l'-e zók / vekč'i gozâ.*
я.GEN сарай-LOC лежать-PRS.3SG толстый тонкий веревка
'У меня в сарае лежит толстая / тонкая веревка.'

- (30) *korka-len st'ena-jez zók / vekč'i*
дом-GEN стена-POSS.3SG толстый тонкий
'У дома толстые стены.'

Однако в татышлинском говоре эта пара не описывает толщину человека и животных, что отличает данный говор от литературного удмуртского (Кириллова 2008: 230). Вместо этой пары

используются лексемы *kój* ‘жирный’ — *vos'tet* ‘худой’ (31). При этом *kój* ‘жирный’ не обладает отрицательной оценкой и является нейтральным описанием состояния человека или животного.

- (31) *ta nāl kój / vos'tet / *vekč'i / #zók*
 этот девушка жирный худой тонкий толстый
 ‘Эта девушка толстая / худая (стройная) / #беременная’.

Лексема *zók* в татышлинском говоре используется в значении ‘беременный’ (31)–(32). Такое значение отсутствует у литературного удмуртского *зók* (Кириллова 2008), а также не зафиксировано в диалектологическом словаре (Wichmann et al. 1987: 330). В последнем среди значений отмечается ‘старый’⁸ в глазовском говоре (< северное наречие); ‘большой, крупный’⁹ в глазовском говоре, бесермянском наречии, малмыжских (< восточное наречие) и уфимском (< южное наречие) говорах, см. также (Кириллова 2008: 230).

- (32) *zók kâšno-os-lâ kûn' ar-lâ jal*
 толстый женщина-PL-DAT три год-DAT отдых
s'ot-is'k-e.
 дать-DETR-PRS.3SG
 ‘Беременным женщинам дают отпуск на три года.’

Имеющихся данных недостаточно, чтобы можно было однозначно предположить причины и направление перехода значения у лексемы *zók* в татышлинском говоре. Отметим, впрочем, что однокоренной глагол *зókаны* и в литературном удмуртском, помимо значения ‘толстеть’, употребляется в значении ‘беременеть’ (Кириллова 2008: 231).

Остановимся подробнее на употреблении лексем из зоны LATUS в сочетании с Трубками и Стержнями. Разница между этими топологическими типами в наличии пустой полости внутри объекта (характерно для Трубок, но не для Стержней). Коридор в (33) и труба в (34) относятся к Трубкам, и лексемы *pas'kât* ‘широкий’ и *s'ubeg* ‘узкий’ характеризуют поперечное сечение изнутри.

⁸Нем. ‘alt’ (Wichmann et al. 1987: 330).

⁹Нем. ‘gross’ (Wichmann et al. 1987: 330).

- (33) *kuxn'a-jen komnata-is' gerž'a-Ø pas'kât / s'ubeg*
 кухня-INS комната-EL соединять-PRS.3SG широкий узкий
koridor.
 коридор
 'Кухню и комнату соединяет широкий / узкий коридор.'

- (34) a. *nâłpi-jos šâd-i-zâ pas'kât truba*
 ребенок-PL играть-PST-3PL широкий труба
pušk-ân.
 внутренность-LOC
 'Дети играли внутри широкой трубы.'
- b. *tarakan vetl-e s'ubeg truba puškân,*
 таракан ходить-PRS.3SG узкий труба внутренность-LOC
ug lû so-je vijâ-nâ.
 NEG.PRS.3 быть тот-ACC убить-INF
 'Таракан бегаёт внутри узкой трубы, не могу его убить.'

При описании трубы значимой частью могут оказаться стенки, то есть внешняя поверхность, и тогда возможно использование лексемы *zók* 'толстый'.

Подобное распределение сочетаемости лексем в зависимости от функциональной значимости различных частей объекта в заданной ситуации можно распространить и на объекты типа Стержни. Поверхность бревна в контексте, где важны внешние габариты, носители предпочитают описывать с помощью лексем *zók* 'толстый' (35a) или *vekč'i* (35b). Лексема *pas'kât* 'широкий' в (36) допустима, так как в контексте важен размер внутренней поверхности пня.

- (35) a. *ta pukl'o zók / *pas'kât uz târâ.*
 этот чурка толстый широкий NEG.FUT.3 вместиться
 'Это бревно толстое, не пролезет.'
- b. *ta pukl'o vekč'i / ?s'ubeg pas'kât-ges kule.*
 этот чурка тонкий узкий широкий-СМРП надо
 'Это бревно тонкое, пошире надо.'
- (36) *ta lijâl zók / pas'kât, puks'â-sa puk-ono kad'.*
 этот пень толстый широкий сесть-CVВ сесть-DEV EQU
 'Этот пенек широкий, могу на него сесть.'

Впрочем, суждения относительно лексем *s'ubeg* 'узкий' и *vekč'i* 'тонкий' в (37) разделились. Более успешной стратегией в данном случае может быть выбор лексемы *pič'i* 'маленький', как и в (22).

- (37) *ʔvekč'i / ʔs'ubeg vāl-em ta lājal, n'eudobno pukâ-nâ.*
тонкий узкий быть-PST2 этот пень, неудобно сидеть-INF
'Этот пенек был узкий, неудобно сидеть.'

Пара *pas'kât* 'широкий' — *s'ubeg* 'узкий' также может описывать одежду. В (Рахилина 2008: 123–124) предлагается классифицировать такие употребления как связанные с топологическим типом Отверстий, что также подтверждает гипотезу о том, что данная пара лексем описывает поперечное сечение объектов изнутри:

- (38) *nāl dis'a-∅ pas'kât / s'ubeg jubka.*
девушка одевать-PRS.3SG широкий узкий юбка
'Девушка надевает широкую / узкую юбку.'

4 Заключение

Таблица 3 суммирует систему распределения признаков лексем в татышлинском говоре удмуртского языка.

В зоне ALTUS можно выделить трехчастную систему. Фиксируемая в части пермских идиомов полисемия 'высокий' — 'глубокий' в рассматриваемом говоре отсутствует.

В зоне LATUS наблюдается типологически ожидаемая двухчастная система. В то же время отмечено несколько особенностей системы татышлинского говора: например, лексема *vekč'i* 'тонкий' не используется по отношению к одушевленным объектам, а лексема *zók*, имеющая значение 'толстый' в других диалектах, в татышлинском говоре употребляется исключительно в значении 'беременный'. Также, вопреки типологическим ожиданиям, носители допускают употребление прилагательного *s'ubeg* 'узкий' по отношению к неограниченным Пространствам.

Топологический тип	Лексемы	Семантическая зона
Стержни Барьеры	<i>küz' / vakč'i</i> 'длинный' / 'короткий'	ALTUS
Барьеры Верт. стержни	<i>d'užät / lapeg</i> 'высокий' / 'низкий'	
Ямы Водные объекты Проницаемые слои	<i>tur / ?laz'eg</i> 'глубокий' / 'мелкий'	
Стержни Непроницаемые слои	<i>zók / vekč'i</i> 'толстый' / 'тонкий'	LATUS
Полосы Дороги Трубки Отверстия Поверхности	<i>pas'kât / s'ubeg</i> 'широкий' / 'узкий'	

Таблица 3: Распределение семантических зон и топологических типов для татышлинского говора

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; AVL — аблатив; CMPR — компаратив; CVB — конверб; DAT — датив; DEB — дебитивное причастие; DETR — детранзитив; GEN — генитив; EGR — эгрессив; EL — элатив; EQU — экватив; FUT — будущее время; IN — инессив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число

Литература

- Безноскова Л. М., ред. (2000). *Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь)*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.
- Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н. (2010). *Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка*. Под ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Баско.

- Кашкин Е. В., Синецына Ю. В. (2022). «'Лежать' или не 'лежать': вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции в татышлинском удмуртском)». *Малые языки в большой лингвистике*. Под ред. И. А. Хомченковой. М.: Буки Веди. 126–142.
- Кириллова Л. Е., ред. (2008). *Удмуртско-русский словарь. Около 50 000 слов*. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ.
- Козлов А. А., Привизенцева М. Ю. (2014). «К лексической типологии прилагательных размера данные тегинского говора хантыйского языка». *Acta Linguistica Petropolitana* 1. 748–761.
- Рахилина Е. В. (2008). *Когнитивный анализ предметных имен семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- Bierwisch M., Lang E. (1989). *Dimensional terms grammatical structure and conceptual interpretation*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Kozlov A., Privizentseva M. (2022). "Typology of dimensions". *The typology of physical qualities*. Ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing. 117–160.
- Lang E. (2001). "Spatial dimension terms". *Language typology and language universals. An international handbook*. Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin: Mouton de Gruyter. 1251–1275.
- Talmy L. (1983). "How language structures space". *Spatial orientation. Theory, research and application*. Ed. by H. Pick, L. Acredolo. New York: Plenum Press. 225–282.
- Wichmann Y., Uotila T. E., Korhonen M., eds. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Wierzbicka A. (2006). "Shape in grammar revisited". *Studies in Language* 1. 115–177.

Аддитивная частица = *iš* в джалганском татском*

Ирина Андреевна Хомченкова

МГУ имени М. В. Ломоносова;
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН

В статье описываются основные свойства аддитивной частицы = *iš* в джалганском татском — одном из вариантов митагиджалганского языка. Во-первых, она привносит аддитивную presupposition (‘тоже’) и также может употребляться в скалярных контекстах (‘даже’), но обычно в сочетании с другими частицами. Она имеет и некоторые дискурсивные функции. Во-вторых, она используется с неопределенными местоимениями. В-третьих, = *iš* сочиняет различные категории, маркируя оба конъюнкта. В таких бисиндетических конструкциях, несмотря на возможность эмфатического прочтения, она может употребляться как нейтральный, неэмфатический союз. В-четвертых, эта частица имеет уступительное значение, находясь в позиции после глагола.

Additive particle = *iš* in Jalqan Tat

Irina A. Khomchenkova

Lomonosov MSU; Vinogradov RLI, RAS

The paper describes the main properties of the additive particle = *iš* in Jalqan Tat, one of the variants of the Mitahi-Jalqan language. First, it introduces an additive presupposition (‘too’) and can be used in scalar contexts (‘even’), but usually in combination with other particles. It also has some discourse functions. Second, it is used with indefinite pronouns. Third, = *iš* coordinates various phrases, marking both conjuncts. In such bisyndetic constructions, despite the possibility of emphatic reading, it can be used as a neutral, non-emphatic conjunction. Fourth, this particle has a concessive meaning, being in the position after the verb.

*Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285).

1 Введение

Джалганский татский является одним из вариантов митаги-джалганского языка, который относится к татской группе юго-западно-иранских языков. Он используется татами-мусульманами Дагестана и распространен в селах Митаги, Митаги-Казмаляр, Джалган и Нижний Джалган, см., в частности, (Koryakov 2022).

В разделе 2 мы опишем основные свойства аддитивной частицы = *iš* в джалганском с опорой на типологическую работу (Forker 2016), используя материалы, собранные методом анкетирования в селах Джалган и Нижний Джалган в 2023–2024 гг., а также расшифрованные тексты, записанные в этих же селах. Эта частица наличествует и в других, более описанных языках татской группы, см. некоторую информацию в грамматиках джуури / горско-еврейского (Authier 2012: 58–59), ширванского татского (Suleymanov 2020: 244, 276), североазербайджанских татских идиомов (Грюнберг 1963: 51–52). Мы сравним наши данные и данные вышеупомянутых грамматик.

В разделе 3 мы также кратко опишем единицу с похожим значением, которая зафиксирована в джуури (Authier 2012: 60) (и имеет вид *hemi*), ширванском (Suleymanov 2020: 345) (*häm*) и апшеронском (Mammadova 2017: 55) (*həm*) татском, но, по-видимому, не используется в джалганском.

2 Функции частицы = *iš*

2.1 Аддитивность

Частица = *iš* привносит аддитивную пресуппозицию ('тоже'), см. (1). Она может употребляться в скалярных контекстах ('даже'), но обычно в сочетании с другими частицами (2). Таким образом, частица = *iš* не привносит скалярность сама по себе. Отметим, что многие исследователи (Krifka 1995; Chierchia 2013; Panizza, Sudo 2020; Россыйкин 2022) считают, что даже скалярные частицы (такие, как 'даже') не привносят скалярность; это происходит с помощью скрытых операторов.

- (1) *amir=iš* / *marina=iš* *raft-e-y* *be deryo*.
 Амир=ADD Марина=ADD идти₂-PRF-3SG LOC море
 'Амир тоже пошел к морю.'

- (2) *men=iř omor-um ki.*
я=ADD приходить₂-AOR.1SG PTCL
'Даже я пришел.'

Также частица =iř имеет и некоторые дискурсивные употребления:

- (3) *utam=iř ne-m-bir-eni tü?*
стыд=ADD NEG-EVT-быть₂-FUT.2SG ты
'И не стыдно тебе?' (корпус)

Эта частица присоединяется к концу словоформы, см. несколько иллюстраций: в (4) она используется после показателя множественного числа *ho*, а в (5) — после комитативно-инструментального показателя *be ... -oz*.

- (4) *gede-ho=iř raft-o-yut be mekteb.*
мальчик-PL=ADD идти₂-PRF-3PL LOC школа
'Мальчики тоже ушли в школу.'

- (5) *amir be řis'-oz=iř mu-xard-e.*
Амир LOC вилка-COM=ADD EVT-есть₂-PRS.3SG
'Амир вилкой тоже ест.'

При этом частица =iř интересно взаимодействует с показателем косвенной формы =*re*: он не может быть выражен в ее присутствии, ср. (6) и (7), а также (8).

- (6) *amir mi-dir-e yü=re.*
Амир EVT-видеть₁-3SG REFL=OBL
'Амир видит себя.'

- (7) *Amir yü=iř / *yü=r=iř mu-xost-e.*
Амир REFL=ADD REFL=OBL=ADD EVT-любить₁-3SG
'Амир себя тоже любит.'

- (8) a. *marina=re hist xune.*
Марина=OBL быть.3SG дом
'У Марины есть дом.'

- b. *marina=iř / *marina=r=iř hist xune.*
Марина=ADD Марина=OBL=ADD быть.3SG дом
'У Марины тоже есть дом.'

2.2 Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения в джалганском образуются с помощью вопросительных местоимений и единицы *boşu* (образование от основы 1 ‘быть’). Они опционально присоединяют частицу = *iş*, см. примеры с этой частицей в (9)–(10). Эта стратегия не упоминается в описаниях джуури (Authier 2012: 127), апшеронском (Mammadova 2017: 133) и ширванском (Suleymanov 2020: 106–107) татском, татских диалектов Азербайджана (Грюнберг 1963: 44).

- (9) *čü = iş boşu bir-e-y?*

что = ADD INDEF быть₂-PRF-3SG

‘Что-то случилось?’

- (10) *bö = tü ki = ş boşu zeng soxt-e-y omuruz.*

LOC = 2SG кто = ADD INDEF звонок делать-PRF-3SG сегодня

‘Тебе сегодня кто-то звонил.’

Возможность употребления аддитивных частиц при неопределенных местоимениях отмечается в (Forker 2016).

2.3 Сочинение

Частица = *iş* может сочинять различные категории, что также типично для аддитивных частиц (Forker 2016), см. примеры с именными (11) и глагольными (12)–(13) группами.

- (11) *amir = iş fuad = iş raft-o-yut.*

Амир = ADD Фуад = ADD идти₂-PRF-3PL

‘Амир и Фуад ушли.’

- (12) *Amir be mekteb = iş mu-raft-e, be xune = iş*

Амир LOC школа = ADD EVT-идти₂-PRS.3SG LOC дом = ADD

kümek mi-st-e.

помощь делать₂-PRS.3SG

‘Амир и в школу ходит, и дома помогает.’

- (13) *marina me-řest-e = iş mu-xund-e = iş.*

Марина EVT-прыгать₂-PRS.3SG = ADD EVT-петь₂-PRS.3SG = ADD

‘Марина и танцует, и поет.’

Однако она не употребляется при сочинении прилагательных (14), (15). С одной стороны, это противоречит имплицативной последовательности NP — AP — VP — S (именная группа — группа прилагательного — глагольная группа — клауза), согласно которой союзы должны покрывать только ее смежные области (Haspelmath 2004: 10–12). Тем не менее, это ограничение можно объяснить синтаксическими свойствами частицы =iʃ, которая присоединяется к полной именной группе, но не к ее зависимым.

- (14) **amir ispoħin = iʃ aqil-lü = iʃ gede = yu.*
 Амир красивый = ADD ум-PROP = ADD мальчик = 3SG
 ‘Амир — красивый и умный мальчик.’

- (15) a. *gua bi-ze aqil-lü-e ispoħin-e*
 речь SBJV-бить₁ [IMP.2SG] ум-PROP-ATTR красивый-ATTR
duxte = re.
 девочка = OBL
- b. **gua bi-ze aqil-lü = iʃ ispoħin = iʃ*
 речь SBJV-бить₁ [IMP.2SG] ум-PROP = ADD красивый = ADD
duxte = re.
 девочка = OBL
 ‘Позови красивую и умную девочку.’

Как видно из примеров выше, частица =iʃ маркирует оба конъюнкта. Ранее относительно ширванского татского утверждалось, что это случай так называемого «эмфатического» сочинения (16): «Аддитивная клитика =iʃ при удвоении может сочинять существительные, среди прочих частей речи, со значением ‘u ... u’ (эмфатическое сочинение)¹» (Suleymanov 2020: 244).

- (16) *gede = män = iʃ ğäriis = män = iʃ*
 мальчик.BS = POS:1 = ADD невеста = POS:1 = ADD
 ‘и мой сын, и моя невестка’ (Suleymanov 2020: 244)

Однако, согласно (Haspelmath 2007: 16), такие бисиндетические сочинительные конструкции в языках мира могут относиться и к нейтральному сочинению. Наши данные показывают, что, несмотря на возможность эмфатического прочтения (ср. перевод

¹«The additive clitic =iʃ, when redoubled, can coordinate nouns, among other parts of speech, with the meaning ‘both ... and’ (emphatic coordination)» (Suleymanov 2020: 244).

в (12)), частица = *iš* может употребляться и как нейтральный, неэмфатический союз. Об этом свидетельствуют примеры с симметричными предикатами (17), которые не сочетаются с «эмфатическими» союзами, ср. рус. *И Амир, и Фуад дерутся* (**друг с другом*). Более того, неэмфатическое бисиндетическое сочинение распространено и в других языках рассматриваемого ареала (см. *inter alia* Stilo 2004: 317; van der Berg 2004: 215).

- (17) *amir = iš fuad = iš daŭwo mi-st-en-ut.*
 Амир = ADD Фуад = ADD драка EVT-делать₂-IPFV-3PL
 ‘Амир и Фуад дерутся [друг с другом].’

Она также используется при отрицании и в этом случае может сочетаться с числительным *ye*² ‘один’ (18).

- (18) a. *amir na mu-xost-e ye yü = re ye*
 Амир NEG EVT-хотеть₂-PRS.3SG один REFL = OBL один
men = e.
 я.OBL
- b. *amir na mu-xost-e (ye) yü = iš (ye)*
 Амир NEG EVT-хотеть₂-PRS.3SG один REFL = ADD один
men = iš.
 я = ADD
- ‘Амир не любит ни себя, ни меня.’

Такая стратегия не зафиксирована в других татских идиомах. Вместо этого используется конструкция вида NEG X NEG Y: *né ... né ...* в джуури (Authier 2012: 289), *nä ... nä ...* в ширванском татском (Suleymanov 2020: 245), *nə ... nə ...* в апшеронском татском (Mammadova 2017: 56), *næ ... næ ...* в североазербайджанских татских идиомах (Грюнберг 1963: 110–111), см. иллюстрацию из апшеронского татского в (19).

- (19) *nə xunə dər-ut nə zən.*
 NEG дом иметь.PRS-1 NEG женщина
 ‘У меня нет ни дома, ни жены.’ (Mammadova 2017: 56)

²Можно предположить, что в этих конструкциях употребляется не *ye* ‘один’, а единица со значением ‘или’; однако этот показатель должен содержать другой гласный (*ya*) и не подходит по (композициональному) значению (О. И. Беляев, л. с.).

В-третьих, частица = iṣ может иметь уступительное значение, находясь в позиции после глагола (20), см. также пример (21) из (Грюнберг 1963: 52), а также (Грюнберг 1963: 108). Такое употребление аддитивной частицы с финитной глагольной формой зафиксировано и в других языках, например, в горномарийском (Хомченкова 2018).

- (20) *me omor-um = iṣ, Amir šori ne*
я приходить₂-AOR.1SG = ADD Амир радость NEG
saxt-e-y.
делать₂-PRF-3SG

‘Хотя я пришла, Амир не обрадовался.’

- (21) a. *tÿ raft-i, mæn-iṣ raft-ÿm*
ты идти₂-AOR.2SG я-ADD идти₂-AOR.1SG
‘ты пошел, и я пошел’
b. *tÿ raft-i-iṣ, mæn næ-raft-ÿm*
ты идти₂-AOR.2SG = ADD я NEG-идти₂-AOR.1SG
‘хотя ты и пошел, я не пошел’ (Грюнберг 1963: 52)

3 Единица *hemi*

В некоторых татских языках зафиксирована единица с похожим аддитивным значением, которая употребляется препозитивно в полисиндетических сочинительных конструкциях. Так, в апшеронском татском «для эмфатического сочинения слово *həm* повторяется перед каждым из сочиняемых элементов³» (Mammadova 2017: 55), см. (22). В джуури «для эмфатического сочинения можно использовать несколько раз слово *hemi*⁴» (Authier 2012: 60), см. (23).

- (22) *u bərə mü hə́m xar bü hə́m əs hə́m hamrah.*
3 для 1 и осел быть.AOR.3 и лошадь и друг
‘Он был для меня и ослом, и лошастью и другом.’
(Mammadova 2017: 55)

³«Pour lier avec emphase, le mot *həm* est répété devant chacun des éléments coordonnés» (Mammadova 2017: 55).

⁴«Pour lier avec emphase, on peut utiliser plusieurs fois le mot *hemi*» (Authier 2012: 60).

- (23) *u bu hemi çovuş en kovxo, hemi dollok,*
 3 быть.AOR.3 и командир GEN главный и парикмахер
hemi jeräh.
 ЕМРН хирург

‘Он был одновременно и комиссаром деревенского старосты, и парикмахером и хирургом.’ (Authier 2012: 60)

В ширванском татском, согласно (Suleymanov 2020: 345), в эмфатической сочинительной конструкции зафиксирована единица *häm*. При этом она может присоединять либо подчинительный показатель *ki*, либо аддитивную частицу = *iş*, либо оба этих элемента (Suleymanov 2020: 345), см. (24).

- (24) *häm bă mäktäb raft-anbi, häm = iş ki kor*
 оба LOC школа идти₂-IMPF.3 оба = ADD SUB работа
bă-soxt-anbi şö.
 IPFV-делать₂-IMPF.3 ночь

‘Он и в школу ходил, и работал по ночам.’

(Suleymanov 2020: 345)

Носители джалганского татского, с которыми мы работали, узнают единицу *hemi*, однако не используют ее в речи и оценивают скорее как неприемлемую.

4 Заключение

Мы описали основные свойства аддитивной частицы = *iş* в джалганском татском — одним из вариантов митаги-джалганского языка, см. обобщение на рисунке 1, представляющим собой семантическую карту.

Она используется в аддитивных (функция «additive» на рисунке 1) контекстах (‘тоже’), может употребляться в скалярных («scalar additive») контекстах (‘даже’), но обычно в сочетании с другими частицами. Помимо этого, она имеет и некоторые дискурсивные функции, не отраженные на этой карте.

Частица = *iş* может сочинять различные категории («constituent coordination») в полисиндетических конструкциях. Наши данные показывают, что в таких конструкциях, несмотря на возможность эмфатического прочтения, частица = *iş* может употребляться и как нейтральный, неэмфатический союз. Об этом свидетель-

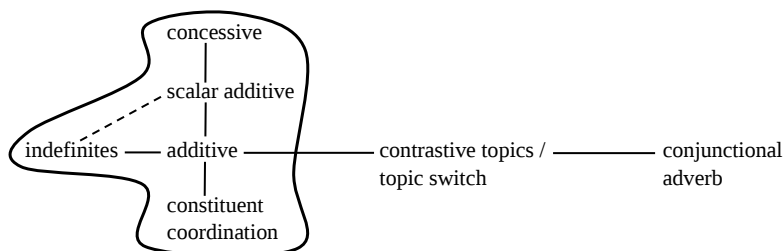

Рис. 1: Функции частицы =iʃ на семантической карте для аддитивов по (Forker 2016)

ствуют примеры с симметричными предикатами, которые не сочетаются с «эмфатическими» союзами; более того, неэмфатическое бисиндетическое сочинение распространено и в других языках рассматриваемого ареала.

Находясь в позиции после глагола, =iʃ может иметь уступительное значение («concessive»). Также она (опционально) используется с неопределенными местоимениями («indefinites»). Функции контрастивного топика / смены топика («contrastive topics / topic switch») и «соединительного наречия» («conjunctive adverb») у этой частицы зафиксированы нами не были.

Частицу =iʃ можно отнести к классу общих аддитивных показателей (general additive) по (Gast, van der Auwera 2011, 2013a): она фонологически минимальна, может иметь как скалярно-аддитивную, так и аддитивную интерпретацию, используется при сочинении ИГ.

Список условных сокращений

2 — вторая глагольная основа; 1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATTR — показатель атрибутивной позиции; BS — связанный корень; COM — комитатив; EMPH — эмфатическая частица; EVT — «эвентуальный» показатель (Authier 2012; Suleymanov 2020); FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IMPF — имперфект; INDEF — неопределенность; IPVF — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; OBL — косвенная форма; PL — множественное число; POS — посессивность; PRF — перфект; PROP — проприетив; PRS —

настоящее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUB — подчинительный показатель.

Литература

- Грюнберг А. Л. (1963). *Язык североазербайджанских татов*. Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Россяйкин П. О. (2022). «Фокусные частицы и отрицательная поларность». *Вопросы языкознания* 2. 30–64.
- Хомченкова И. А. (2018). «Частица =at в горномарийском языке: синтаксис и семантика». *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017*. Под ред. К. П. Семёновой. М.: Буки Веди. 210–216.
- Authier G. (2012). *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
- Chierchia G. (2013). *Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention*. Oxford: OUP.
- Forker D. (2016). “Toward a typology for additive markers”. *Lingua* 180. 69–100.
- Gast V., van der Auwera J. (2011). “Scalar additive operators in the languages of Europe”. *Language* 87.1. 2–54.
- (2013a). “Scalar additive operators in Transeurasian languages”. *Shared Grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages*. Ed. by M. Robbeets, H. Cuyckens. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 113–146.
- Haspelmath M. (2004). “Coordinating constructions: an overview”. *Coordinating constructions*. Ed. by M. Haspelmath. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 3–39.
- (2007). “Coordination”. *Language typology and syntactic description. Volume II: Complex constructions*. Ed. by T. Shopen. Cambridge: CUP. 1–52.
- Koryakov Y. B. (2022). “Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation”. HSE ConLab seminar, Moscow.
- Krifka M. (1995). “The Semantics and Pragmatics of Polarity Items”. *Linguistic Analysis* 25. 209–257.
- Mammadova N. (2017). *Éléments de description et documentation du tat de l'Apshéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Paris: Université Sorbonne Paris Cité.

- Panizza D., Sudo Y. (2020). “Minimal sufficiency with covert *even*”. *Glossa: a journal of general linguistics* 5.1. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.5334/gjgl.1118>.
- Stilo D. (2004). “Coordination in three Western Iranian languages: Vafsi, Persian and Gilaki”. *Coordinating constructions*. Ed. by M. Haspelmath. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 269–330.
- Suleymanov M. (2020). *A Grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
- van der Berg H. (2004). “Coordinating constructions in Daghestanian languages”. *Coordinating constructions*. Ed. by M. Haspelmath. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 197–226.

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 6
Minor languages in general linguistics. Issue 6

Сборник научных статей

Редактор
И. А. Хомченкова

Подготовка оригинал-макета
И. А. Хомченкова

Оформление обложки
Н. Б. Хомченкова

Подписано в печать 09.12.2024. Формат 60 × 84/16
Тираж 50 экз. Заказ № ??

Отпечатано в типографии «PRESSFACTOR»
115114, г. Москва, Дербеневская набережная д. 7, с. 2
+7 (495) 211-07-09, <https://pressfactor.ru>,
zakaz@pressfactor.ru